

почти полувекового отставания от американской исторической науки, особенно в части обзорной репрезентации событий, методологический максимализм (в частности, обязательная опора на первоисточники, по возможности архивные) серьезно мешает отечественной американистике быстро преодолеть наивысший этап и перейти к более-менее равноправному сотрудничеству с американскими коллегами.

Автор первого отечественного обзорного учебника по истории США, охватывающего все хронологические периоды (а также первой сопровождающей учебный материал документальной хрестоматии), Э.А. Иванян указал во введении, что «пособие написано... с учетом последних теоретико-методологических исследований», в нем «использован широкий круг исторических источников»²⁵. В дальнейшем читатель не раз убеждается, что это действительно так, и, скажем, характеристика практически всех президентских администраций сопровождается анализом инаугурационных речей, публикацию которых на русском языке в 2001 г.²⁶ также следует признать весомым вкладом Э.А. Иваняна в развитие отечественной американистики. Однако всегда ли это оправдано для решения задач, стоящих перед автором такого, *первого*, учебника? Получается, что многие важные обстоятельства (например, применительно к 1850-м гг., причины внесения в конгресс билля Канзас – Небраска, подробности дела Дреда Скотта, деятельность Дж. Брауна до событий в Харперс-Ферри) оказываются лишь упомянуты, тогда как «источникам», в данном случае инаугурационным речам, отведено обязательное почетное место²⁷. «Высокий науч-

²⁵ Иванян Э. А. История США. М., 2004. С. 3 ; История США. Хрестоматия : пособие для вузов / сост. Э. А. Иванян. М., 2005.

²⁶ Инаугурационные речи президентов США / под ред. Э. А. Иваняна. М., 2001.

²⁷ Заметим между строк, что «компилятивист» А.В. Бабин ничуть не реже Э.А. Иваняна использует в своем тексте документальные источники. Например, характеристика Континентальной армии времен Войны за независимость построена у него на цитатах из писем Дж. Вашингтона (с. 292–294), Статьи Конфедерации и Конституцию 1787 г. он анализирует с приведением полных текстов этих документов и т. п. Одновременно Бабин подробно, с множеством красочных деталей, рассказывает обо всех перечисленных эпизодах американской истории 1850-х годов.

ный уровень» в целом убедительно продемонстрирован, но студент, тем не менее, остается в счастливом неведении относительно ряда важнейших исторических событий и фактов.

Такой подход можно сравнить с погоней, когда догоняющий, безнадежно отстав, пытается наверстать упущенное, сознательно выполняя все правила, тщательно контролируя показатели дыхания и пульса, вместо того чтобы при первой возможности срезать угол и сократить дистанцию между собой и преследуемым.

Другой стороной этой же проблемы следует признать теоретический вакуум, образовавшийся после краха марксизма-ленинизма. До сих пор в отечественной исторической науке не изжит страх перед «всепоглощающей» теорией, а грех «подверствывания» фактов под некую теорию считается одним из наитягчайших. Оставив в стороне то обстоятельство, что автор ни одной из некогда существовавших теорий не может похвастаться каким-то иным способом обращения с фактами (в противном случае исследователям пришлось бы полностью останавливать свою работу после формулирования теории), отметим, что при *составлении* постперестроечных учебников по истории США эта теоретическая самоограниченность проявилась довольно отчетливо.

В некоторых случаях авторы вообще ничего не говорят о своем теоретическом кредо. Э.А. Иванян ограничивается фразой «автор старался отойти от тенденциозных подходов в оценке исторических событий, и одновременно – избежать “модернизации” прошлого»²⁸. Б.Д. Козенко и Г.Н. Севостьянов сообщают лишь о намерении учесть в своем учебнике «современные требования и стандарты», выражающиеся в написании фамилий Линколн, Вилсон и Рузвелт без мягкого знака, а также сокращения «дол.» вместо «долл.»²⁹. В довольно многочисленных учебниках по новой и новейшей истории, опубликованных в последние годы, авторы заявляют о приверженности цивилизационной теории, хотя никто из них толком не разъясняет, в чем она

²⁸ Иванян Э. А. Указ соч. С. 3.

²⁹ Козенко Б. Д., Севостьянов Г. Н. История США. Самара, 1994. С. 7.

состоит, а А.С. Манькин честно признает, что общепринятое определение термина «цивилизация» до сих пор не выработано ³⁰.

К каким очевидным недостаткам приводит подобный теоретический вакуум? Прежде всего, к недостаточной четкости в объяснении исторических феноменов, их эволюции. Возьмем в качестве примера только что цитировавшийся учебник А.С. Манькина. Характеризуя переход США от «консенсусного» общества 1950-х гг. к обществу 1960-х, автор дает такую интерпретацию произошедших изменений: «консенсусная основа тогдашнего общества все меньше соответствовала быстро меняющимся реалиям, которые породились стремительным развитием НТР. Новые внутри- и внешнеполитические проблемы требовали поиска неординарных рецептов их решений»³¹. Приведенная фраза, по существу, содержит упоминание только одного действовавшего фактора – научно-технической революции, остальные использованные слова можно отнести к разряду риторических красот. И что же получается? Что «цивилизационный подход» на деле оборачивается все тем же марксизмом (который, как известно, видел корень исторических изменений в развитии средств производства), только марксизмом «облегченным», не бросающимся в глаза, возможно, даже не вполне осознаваемым самим уважаемым автором.

Среди пособий, опубликованных в последнее десятилетие, в плане теоретической проработки материала выделяется учебник В.В. Согрина ³², в котором автор последовательно и весьма успешно стремится заключить материал в рамки теории демократического элитизма. Пример с этим учебником наглядно показывает, что не объем фактического материала и не количество ссылок на архивные документы превращают учебный текст в эффективный инструмент работы со студентами. Опыт использования учебника В.В. Согрина в преподавании показывает нам, что краткость содержания с лихвой компенсируется в данном случае коэффици-

³⁰ Манькин А. С. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. М., 2004. С. 3.

³¹ Там же. С. 483.

³² Согрин В. В. История США. М., 2003.

ентом его усвоения, за счет встроенности фактического материала в логику авторского теоретического осмысления исторической действительности.

Еще одно развернутое и еще более сориентированное в сторону политологии и социологии пособие В.В. Согрина «Политическая история США»³³ в определенном смысле заполняет и теоретическую, и фактологическую ниши, образовавшиеся в результате дезорганизации отечественных американских исследований. Примечательно, что в отличие от большинства авторов советских и постсоветских учебников по истории США (Л.И. Зубока, Н.В. Сивачева, Е.Ф. Язькова, Б.Д. Козенко и др.) В.В. Согрин не занимался на заре своей карьеры (или ее значительной части) рабочим либо фермерским движением – темами, в которых советская виртуализация исторической действительности достигала своего апогея. Его штудии американской политической идеологии, хоть и начавшиеся в «застойные» времена, имели (как ни парадоксально это звучит применительно к идеологии) гораздо более осязаемый и реальный предмет, который не растворился как дым под ударами гласности и перестройки.

Вообще необходимо заметить, что авторская манера и тематические приоритеты советских американистов в целом благополучно пережили окончание «холодной войны». Президенты у Э.А. Иваняна, рабочее движение у Б.Д. Козенко, монополии и индустриализация у Б.М. Шпотова³⁴, идеология у В.В. Согрина сохранили свой «стержневой» статус, и это четко прослеживается в написанных ими учебных текстах. В некоторых случаях авторам удавалось полностью отбросить старую фразеологию, представ в совершенно ином свете – например, в последних своих работах (и, в частности, в учебнике 2001 г.³⁵) был абсолютно нов и неординарен И.П. Дементьев.

³³ Согрин В. В. Политическая история США. М., 2001.

³⁴ См. главы по США в: Новая история стран Европы и Америки : учеб. для вузов / ред. И. М. Кривогуз. М., 2002.

³⁵ Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х гг. – 1918 г. : учеб. для вузов / ред. И. В. Григорьева. М., 2001.

Вместе с тем, и это стало особенно очевидно после смерти И.П. Дементьева и Н.Н. Болховитинова, из российской «новой» американистики исчез один из ключевых элементов – историографические исследования. Как ни странно, но в Советском Союзе за «железным занавесом» американисты более внимательно отслеживали новейшие зарубежные историографические тенденции, более активно рецензировали работы отечественных коллег. Очевидным симптомом кризиса в этой сфере выглядит полное отсутствие историографических обзоров в большинстве учебных пособий по истории США, изданных после 1991 года. В некоторых учебниках авторы даже не приводят списков литературы! По-видимому, за этим скрывается элементарная неосведомленность, нежелание вступать в эту необъятную и постоянно расширяющуюся сферу знания, исходя из охарактеризованного выше научного максимализма: «Если я физически не в состоянии хотя бы мельком ознакомиться с этим нескончаемым потоком новых книг, статей и диссертаций, я просто не буду этим заниматься», – наверное так, или приблизительно так рассуждали уважаемые авторы, отказавшиеся от историографических глав в своих учебниках. Кто-то, возможно, исходил из перспективы публикации коллегами учебника, целиком посвященного историографии (как это практиковалось в советские времена). В итоге из-за этой принципиальной позиции «все или ничего» российские студенты-американисты так и остались ни с чем. Пресловутое наверстывание ушедших вперед в научном плане американцев так и не началось, погоня не заинтересовалась определением своей цели (в чем отстали, почему, как компенсировать разрыв и т. д.), сосредоточившись на борьбе за чистоту научных традиций в новом информационном пространстве.

Последнее обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание – это неуклонное снижение полиграфической культуры отечественных учебников по истории США. В 1912 г. А.В. Бабин приложил к своему двухтомнику цветную карту США, составил обстоятельный предметный указатель. А.В. Ефимов включил в *монографию* 1934 г. множество схем, карт, таблиц и иллюстра-

ций. Начиная же с 1950-х гг. большинство учебных книг по истории США стали представлять собой унылые тексты, набранные плотным, монотонным шрифтом, без иллюстраций, без каких бы то ни было дидактических модулей и заданий. После 1991 г. ситуация стала совсем печальной: ко всем перечисленным недостаткам добавилось использование низкокачественной газетной бумаги, на которой, даже после завершения финансово скудных лет, уже видимо по традиции, сегодня выпускаются тиражи большинства университетских учебников.

Подытоживая сказанное, следует заметить, что идеологическое давление, в условиях которого рождалась и на протяжении нескольких десятилетий развивалась отечественная американистика, привело, помимо прочего, к деформации и даже полному разрушению ряда базовых нарративных и аналитических процедур, на которых только и может держаться социально-гуманитарное знание. В результате, учебные тексты по «Истории США» не столько доносили до студентов необходимые знания по теме, сколько дезориентировали их и приучали к искаженному, логически и стилистически ущербному формату представления исторического материала. Невнятность отечественных учебников, которая могла отчасти компенсироваться доступом к американской литературе (хотя он был не всегда и не у всех), стала одной из коренных причин кризиса советской американистики в 1970–1980-х гг., и продолжает оказывать негативное воздействие на состояние дел в этой дисциплине по сей день. Определенная риторическая беспомощность, традиция гипертрофированной «научной серьезности» в сочетании со снисходительно-высокомерным отношением к учебнику как жанру научного творчества, отсутствие серьезной дидактической составляющей и низкое качество полиграфии – все это в комплексе приводит к отсутствию полноценных, востребованных студентами текстов, способных конкурировать с американской учебной литературой. Качественный, отвечающий современным требованиям учебник по истории США на русском языке остается пока для российской американистики неосуществленной мечтой.

**ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС США
В СОВЕТСКИХ
И ПОСТСОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ
ИСТОРИИ**

Boris M. Shpotov. U.S. Economy and Business in Soviet and Post-Soviet History Textbooks.

The image of American economy and business in Soviet and post-Soviet textbooks as well as in research literature went through at least two stages. The first stage, between the October Revolution of 1917 and the Second World War, was favorable, for the image-makers were the Bolshevik leaders – Lenin, Dzerzhinskii, Kuibyshev, Stalin, and governmental agencies responsible for the Soviet industrialization. They admired American methods of production, “Fordism”, plant management, automobiles. Peasants wanted tractors. Soviet engineers and workers have been sent to American factories as students and American specialists have been invited to the USSR. During the Cold War the situation worsened drastically. Crude criticism of capitalist system as declining and reactionary, “monopolistic capital”, “robber barons”, etc. filled Soviet textbooks on economic history. After Russian-American rapprochement in 1990s and elimination of the most evident theoretical failures texts in U.S. economic history remained practically the same. Business history as part of economic history did not exist in the Soviet Union and made its first steps only in the post-Soviet era. However, Russian economic and business historians proved to be much more successful because of the “archival revolution” and availability of documentary sources within the country, that made grant-hunting unnecessary. Aggressive public campaign for national “Russian idea” has put forward pre-revolutionary “golden age” and placed American economic history in less favorable position.

Как считают некоторые специалисты, отрицательное отношение русских к США обусловлено проекцией «коммунистической нищеты», а затем постсоветского неблагополучия на сытую и богатую Америку и создание на этой социально-психологической основе устойчивого отрицательного стереотипа ¹. Я не безоговорочный сторонник такого объяснения, хотя теория идентификации и создания образа «Другого» важна и интересна. Вопрос в том, каковы источники знаний и представлений о «Другом» и о себе.

Утвердившаяся в США политкорректность по отношению к национальным меньшинствам и женской половине общества привела к определенным перекосам в направлениях исторических исследований и выборе их тематики, что дает российским американистам бóльшую свободу рук ². В современной России налицо аналогичное, если не большее, влияние собственных доминирующих ценностей на отечественную историографию, не говоря уже про бывший Советский Союз. Отношение к США в XX – начале XXI в. – это сложная, изменчивая и множественная проекция самосознания, культурных приоритетов, внутреннего положения в России, ее роли в международных отношениях. В советской исторической и внешнеполитической тематике времен «холодной войны» США занимали одно из первых мест, олицетворяя «образ врага». В годы перестройки и распада СССР модным стало представление о том, что Россия – не великая держава, а всего лишь «одна из» держав, но вскоре от этой мысли отказались и перенесли ее на США. При исчезнувшем проамериканизме начала 1990-х гг., который отчасти напоминал ситуацию 1920-х – начала 1930-х гг., в настоящее время налицо антиамериканизм и «не-американизм» как падение интереса к американской тематике вообще.

¹ Драгунский Д. В. Идентичность после конфронтации: поиски Другого в униполярном мире // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 6. М., 2004. С. 72–74.

² Согрин В. В. Состояние и перспективы изучения истории США в России // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность / ред.-сост. В. И. Журавлева. М., 2007. С. 55–56.

Одновременно с выстраиванием многополярного мира начался интенсивный поиск в российском прошлом «национальной идеи», в котором ключевую роль играют СМИ, православная церковь и привлеченные знатоки отечественной истории. Появились два «потерянных рая», потусторонних, но «своих»: это образы советской страны, сочетавшей военную мощь, дружбу народов и социальную защищенность трудящихся, и пореформенной царской России, «которую мы потеряли». Эти «свои Другие» не уживаются между собой, но имеют антизападный и антиамериканский потенциал. На американские сюжеты выделяется гораздо меньший, чем прежде, информационный ресурс, а заокеанский «Другой» выглядит неудачником даже в смысле нашествия ураганов и снегопадов.

В советские времена отношение к Соединенным Штатам не являлось однозначным. В первые 15–20 лет после революции оно было благоприятным, и едва ли определялось одной лишь помощью АРА голодающим в 1921–1922 годах. Оно начиналось с прагматичного стремления использовать достижения американского менеджмента, нанять инженеров и квалифицированных рабочих, привлечь американских частных инвесторов выдачей концессий в 1920-е гг. и приобретать технику и технологии для создания новейших отраслей производства в 1930-е годы. Индустриальная Америка стала, хотя на довольно короткое время, материальным прообразом будущего для советской страны. «Если бы Америка была советской – она была бы раем», говорилось в читательском отзыве 1937 г. на «Одноэтажную Америку» И. Ильфа и Е. Петрова³. Крестьяне восхищались американскими тракторами, инженеры и хозяйственные руководители – громадными заводами из стекла и бетона, скоростными автострадами и потоками машин. Руководство страны стремилось упрочить отношения с деловыми кругами США, чтобы ускорить признание советской власти Вашингтоном, но в данном вопросе явно переоценивало степень влияния крупного капитала на правительство и Конгресс.

³ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. Авторская редакция. М., 2003. С. 497.

Особенностью восприятия США и создания образа этой страны была дихотомия – с одной стороны, капиталистический мир, «Желтый дьявол», богатейшие в мире промышленники и банкиры и угнетенный пролетариат, с другой – высочайший уровень технического прогресса, который намечалось поставить на службу социализму. Командированные из СССР вели себя сдержанно и осторожно, чтобы не подвергнуться задержанию и депортации, не ввязывались в классовые и политические конфликты. Эта линия определяла сугубо деловой характер их отчетов, которые публиковались и служили пособиями для подготовки технических кадров ⁴.

Советское руководство пропагандировало американский вариант технического прогресса, а не британского или германского. Флагом добровольного общества «Осоавиахим» был украшен самолет «Страна Советов», совершивший в 1929 г. перелет с посадками по маршруту «Москва – Нью-Йорк» через Сибирь, Аляску, Сан-Франциско и Детройт, который стал сенсацией для американской публики. В сентябре 1927 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) была создана постоянная комиссия по техническим и научным связям с Америкой ⁵. Советское политическое руководство не считало США «врагом номер один» – по крайней мере, в ближайшей перспективе ⁶.

В 1920-е гг. в Советском Союзе изучали опыт менеджмента в США, а пособиями для хозяйственных руководителей и всех, кто изучал «научную организацию труда», стали сокращенные, с изъятием «буржуазного хлама», переводы книг Ф. Тейлора, Г. Гантта, Ф. Джилбрета, Г. Форда и др. В.И. Ленин требовал заимствовать у мира капитала все самое лучшее для построения социализ-

⁴ Шпотов Б. М. Люди и машины: восприятие США и СССР американскими и советскими рабочими и инженерами в 1920–1930-е годы // Российско-американские отношения... С. 208–210.

⁵ Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч. II / под ред. С. С. Хромова. М., 1999. С. 226.

⁶ Главным противником считалась Великобритания (Позняков В. В. Советская разведка в Америке, 1919–1941. М., 2005. С. 26).

ма, И.В. Сталин – сочетать пролетарскую революционность с американской деловитостью. Техника, согласно учению К. Маркса, нейтральна по отношению к способу производства. Отсюда следовал казавшийся бесспорным вывод: если техника работает при капитализме, она будет служить и трудящимся, а при социализме отсутствует рыночная стихия, нет экономических кризисов, присвоения капиталистами прибылей, безработицы, забастовок.

Особенно популяризировались достижения компании Форда, которого Ф.Э. Дзержинский в качестве председателя ВСНХ СССР назвал врагом социализма и в то же время – «учителем всех руководителей нашей промышленности»⁷. Брать американский, а не доморощенный опыт призывал В.В. Куйбышев. Переведены были даже автобиографии крупнейших промышленников и миллионеров Дж.Д. Рокфеллера-старшего и Э. Карнеги, в которых «короли бизнеса» делились своим опытом организаторов и руководителей производства. Советскому читателю эти книги предлагались как рецепты рационального хозяйствования и эффективности, за неимением на тот момент своих собственных, а дореволюционные достижения российских промышленников замалчивались. Хотя и с оговорками в редакционных предисловиях, хозяйственность и эффективность отделялись от эксплуатации труда и других «буржуазных» сторон бизнеса – рекламы, маркетинга, банковской и биржевой деятельности.

В годы «холодной войны» советско-американские отношения резко ухудшились, а советское обществоведение получило жестко сформулированную идеологическую и пропагандистскую основу на много лет вперед. Авторы учебников истории, формировавших мировоззрение подрастающего поколения, руководствовались директивами ЦК КПСС. Искоренялась историческая память о былом сотрудничестве с США. Только в старых газетах и архивах можно было отыскать материалы об американском происхождении советской «полуторки» и крупнейшего в Европе Горьковского автозавода, электрооборудования Днепрогэса, радаров и

⁷ Дзержинский Ф. Э. Избр. произв. : в 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 72.

авиаприборов, но об этом уже не писали и не говорили. С кабин поставленных в СССР в годы войны по ленд-лизу «виллисов» и «студебеккеров» исчезли белые американские звезды, а о смерти 7 апреля 1947 г. былого кумира советского автопрома Генри Форда появились крошечные сообщения в «Правде» и «Известиях» со ссылками на агентство Рейтер. Произошла диаметрально смена оценок: американский капитализм – враг трудящихся, враг системы социализма и ее лидера – Советского Союза, а главное – обреченный на гибель общественный строй.

В советской системе с государственной идеологией не было расхождений в содержании учебников, как школьных, так и вузовских. Авторы классических научных трудов по новой истории США, которыми пользовались поколения историков и авторы учебников, – А.В. Ефимов, Н.Н. Болховитинов, Г.П. Куропятник⁸ – уделяли довольно много внимания экономическим вопросам, но заложить основу *специализации* по экономической истории США они не могли. Видимо, такая задача и не ставилась. Однако основные вопросы – от создания поселений колонистов в первые десятилетия XVII в. до окончания Гражданской войны и Реконструкции Юга – поставлены и решены ими в основном правильно даже с точки зрения современной науки. Это источники обеспечения колоний рабочей силой, роль освоения фонда свободных земель в формировании «американского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве, сущность плантационного рабства, промышленный переворот, экономические причины и результаты Гражданской войны 1861–1865 годов. Дальнейшей эволюцией и трансформацией американского капитализма в конце XIX – начале XX в. и новейшей историей США они не занимались. При этом трудно согласиться с ними и их последователями по важному теоретическому вопросу, который стал советской основой интерпретации американской истории и родился в борьбе с приверженца-

⁸ Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980 ; Ефимов А. В. США: пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969 ; Куропятник Г. П. Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии, 1867–1896. М., 1971.

ми «американской исключительности» в среде историков и экономистов США 1950–1960-х годов.

Советская парадигма истории США основывалась на ее подчиненности общим закономерностям развития капитализма как формации, иными словами – на отрицании какой-либо «исключительности». Теоретическое наследие К. Маркса интерпретировалось обществоведами весьма своеобразно, с игнорированием некоторых важных обстоятельств. Описанные Марксом абстрактные законы основывались все же на истории английского капитализма, и лишь с большой натяжкой могли считаться общемировыми. Глава 24 первого тома «Капитала» разъясняла особенности развития капитализма на колонизируемых землях за океаном и имела прямое отношение к США, а обоснованный В.И. Лениным «американский (фермерский) путь» развития капитализма в сельском хозяйстве отнюдь не стал мировой закономерностью. Гораздо больше было стран, где крестьяне не являлись собственниками земли, а пользовались ею, уплачивая ренту или выкуп землевладельцам. Страны Европы не имели ничего похожего на громадный фонд плодородных свободных земель, плантационное рабство, массовую иммиграцию, а Северная Америка благодаря победе в Войне за независимость XVIII в. и условиям колонизации избежала воспроизводства тех докапиталистических институтов, которые изживали себя в Старом Свете.

Иммиграция являлась экономическим фактором – это миллионы производителей и потребителей. Иммигранты были готовы продавать свою рабочую силу, но среди них увеличивался процент лиц, которые несли на новую родину полезные знания и умения: ученые, изобретатели, специалисты разных профессий, которые стремились получать больший доход и иметь дело с прагматичными предпринимателями, а не с бюрократами в своем отечестве. Все это формировало в целом позитивный образ трудолюбивого народа, но с сильным отрицательным компонентом в лице плантаторов-рабовладельцев и растущего класса буржуазии.

На мой взгляд, современным учебникам по экономической истории недостает такого теоретического компонента, как «переселен-

ческий капитализм» – характерное явление на периферии раннекапиталистического мира в виде переселенческих колоний Великобритании в Северной Америке, Австралии и Океании, что сближало путь развития США с Канадой и этими странами, а не с Европой. В широком смысле слова США являлись «порождением» Западной, затем Восточной Европы, России, стран Азии и Латинской Америки, находившихся на *разных* ступенях социально-экономического развития, но выходцы из них создавали многонациональное общество нового типа, не похожее на отдельно взятые английское, французское, итальянское, германское и т. д. (эффект «плавильного котла»).

Плодотворной представляется и мысль об эмиграции в Америку не только как о стремлении избавиться от гнета феодализма и учредить за океаном «чисто буржуазное общество» (по Ф. Энгельсу), но и уйти от тягот капитализма первоначального накопления, разорявшего мелких производителей⁹. Последнее сдерживало формирование рынка труда. Лишь к концу XIX в. в результате экономической перестройки и смены ценностных ориентиров у молодых американцев изменилось отношение к оплачиваемой работе, возможности получения которой расширились.

О времени завершения первой промышленной революции в США, с учетом наступления в 1880-е гг. второй, возможно, еще будут спорить, но вполне понятно, что промышленная революция происходит не на *всей территории* страны, особенно такой обширной и неравномерной по развитию, как США или Российская империя, а в *экономике* страны. Индустриальным регионом США стали в XVIII–XIX вв. северо-восточные штаты, Нью-Джерси, Нью-Йорк и Пенсильвания, России – Центральный промышленный район. Иначе первая промышленная революция, происходившая в обеих странах на основе распространения английских технологий в прядении, ткачестве и переделе чугуна в puddling-овое железо (еще не в сталь), непонятно когда завершилась. Растянувшийся же на многие десятилетия процесс изменений трудно вообще назвать революцией.

⁹ Жук С. И. Традиционализм против капитализма: социальная история ранней Америки : учеб. пособие. Днепропетровск, 1992. С. 8–9.

Колонизируемый Запад США был в XIX в. преимущественно аграрным регионом, горные штаты – новыми центрами добычи руд и драгоценных металлов. Юг до освобождения рабов не имел полноценного рынка труда, да и первое поколение освобожденных афро-американцев в основном трудилось на бывших хозяев в качестве арендаторов-издольщиков. Большая часть российской территории к востоку от Урала и в начале XX в. была незаселенной или слабо освоенной, но туда поступали промышленные товары и с фабрик европейской России, а местная промышленность использовала уже имевшиеся технологии и машинную технику. Сама же колонизация западных земель США и Сибири как процессов мирового значения дала пищу для многочисленных сравнений и параллелей, вдохновляла писателей и художников обеих стран.

В отличие от политических революций и заговоров, народных восстаний и дворцовых переворотов, за которыми могли последовать репрессии и «термидоры», промышленные перевороты имели необратимый характер. Революция и переворот различаемы в политике, но в сфере экономики можно употреблять оба термина как синонимы – по крайней мере на русском языке. Если фабричная индустрия вносилась извне, минуя предварительные фазы и стадии, и начиналась практически с нуля, это не переворот, а новое промышленное строительство, с использованием самых последних достижений уже состоявшегося в другом месте переворота. Такое происходило во многих странах, с запозданием вступивших на путь индустриального развития. Впрочем, данные соображения пока представлены выводами одного автора ¹⁰.

В результате второй промышленной революции появились новые отрасли: сталелитейная, нефтяная, машиностроительная (включая станкостроение), химическая, пищевая, – и ускорились

¹⁰ Шпотов Б. М. Промышленный переворот в свете теории и методологии: новые проблемы и возможные решения // Проблемы экономической истории капитализма : [сб. обзоров и ст.] / под ред. акад. В. А. Виноградова. М., 1989. С. 70–80 ; его же. Была ли на Юге и Западе США промышленная революция? Постановка проблемы // Американский ежегодник. 1989. М., 1990. С. 126–141. См. также переиздание статьи в: Американский ежегодник. 2000. М., 2002. С. 33–49.

развитие стандартизованного массового производства. В США появился «большой бизнес» – гигантские компании с невиданными ранее объемами выпуска продукции. В советской литературе это время названо вступлением капитализма в «завершающую» стадию развития. Капитализм свободной конкуренции с мелким индивидуальным бизнесом считался прогрессивным, а по прошествии этой стадии – реакционным, застойным, лишившимся перспектив.

Нет необходимости останавливаться на изданных в разные годы, но одинаковых по содержанию советских учебниках экономической истории. Оно вполне укладывается в заключительную фразу предыдущего абзаца. Трудно даже приблизительно подсчитать их количество¹¹. Поражает другое – однообразие и живучесть подходов, терминов и понятий, которые переключались в учебники XXI века. Поскольку развитие экономики не могло интерпретироваться в виде общих данных о выплавке чугуна и стали, добыче угля, росте капиталовложений, количестве занятых на производстве, потребовалось обозначить крупнейшие фирмы и назвать по именам их основателей. Первыми представителями делового мира США, о которых узнал советский читатель, стали Дж.Д. Рокфеллер, Э. Карнеги, Г. Форд, Дж.П. Морган и другие промышленные и «финансовые короли» с громадными капиталами. Однако история бизнеса как часть экономической истории, точнее, ее важнейшего института – фирмы, не укладывалась в рамки марксистско-ленинской политэкономии, и потому не изучалась.

О «большом бизнесе» судили по таким показателям, как реакция общественности на появление монополий, их отношения с рабочими, фермерами и государством. Экономические результаты деятельности фирм описывались без анализа того, как они были достигнуты. При всем желании авторов учебников создать широкое историческое

¹¹ Выборочно: Джинчарадзе В. З. Экономическая история США : учеб. пособие. М., 1973 ; Экономическая история капиталистических стран : учеб. пособие / под ред. И. С. Дзюбко, В. Т. Чунтулова. М., 1966 ; Экономическая история : учеб. пособие / под ред. П. С. Бычкова и др. М., 1967 ; Экономическая история капиталистических стран / под ред. В. Т. Чунтулова, В. Г. Сарычева. М., 1985 ; Экономическая история капиталистических стран / под ред. Ф. Я. Полянского, В. А. Бамина. М., 1986.

положно по известной триаде «экономика, политика, идеология» именно экономика остается слабым местом обобщающих, универсальных работ, включая последние учебники по истории США.

Экономический механизм большого бизнеса и в США оставался какое-то время неразгаданным, крупные фирмы воспринимались современниками как аномалия. На первых порах им давали пристрастные, эмоциональные характеристики, противоречившие одна другой. Критики склонялись к «демонизации» большого бизнеса, называя его основателей «баронами-разбойниками», по аналогии со средневековыми баронами, промышленявшими разбоем и грабежом. Апологеты, в том числе из новой бизнес-элиты, – созидательной силой, способной сделать Америку самой богатой страной, и призвали на помощь социал-дарвинизм, согласно которому в человеческом обществе и в экономике выживают наиболее сильные и приспособленные виды.

Согласно марксистской теории появление крупных фирм означало монополизацию и концентрацию производства и капитала, что говорило об исчерпании капитализмом своих возможностей и приближении пролетарской революции. Американские историки-прогрессисты также видели в крупных фирмах могущественную экономическую силу, которая вывела с рынка часть компаний и вызвала социальный протест, но не считали ресурсы капитализма исчерпанными и верили в его развитие с помощью государственных реформ. «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта доказал такую возможность. После Второй мировой войны концепция большого бизнеса в США развивалась на основе изучения механизма деятельности крупных фирм для объяснения их стремительного роста и влияния на экономику, рынки и общество. Отметим, что это была отнюдь не политкорректная, а объективная оценка бизнеса, проводимая на историческом материале, причем довольно много критики собрала «Ford Motor Company» в период авторитарного руководства Генри Форда ¹².

¹² Например: Gelderman C. Henry Ford: The Wayward Capitalist. N. Y., 1981 ; Kuhn A. J. GM passes Ford, 1918–1938: Designing the General Motors Performance-Control System. Philadelphia, 1986 ; Lacey R. Ford: The Men and the Machine. N. Y., 1986, etc.

В Советском Союзе частных компаний не имелось, зато на вооружении была марксистско-ленинская политэкономия и антикапиталистическая идеология. Эволюцию экономики капиталистических стран представляли как неотвратимое движение к общему кризису и конечному краху системы. В советские времена «бизнес» и «предпринимательство» были сугубо негативными понятиями, синонимами обогащения и наживы. Не вложенный в дело капитал и управление активами, а личные доходы и состояния богачей принимались во внимание. Предпринимателей на Западе или в дореволюционной России называли либо буржуазией (категория социально-классовая), либо капиталистами (категория политэкономическая). Образ крупных фирм в США не поднялся над уровнем эмоциональных и частично – прогрессистских оценок.

Между тем бизнес как вид созидательной, креативной экономической деятельности требует изучения основных функций компаний и координации производственного и финансового менеджмента, маркетинга, управления людскими ресурсами, создания благоприятного имиджа компании, а главное – принятия стратегических и тактических решений. Общеисторических знаний для этого недостаточно, как и устаревших экономических. В постсоветские годы из учебников изъяли некоторые старые догмы, но не заменили новыми, научными понятиями.

В российской истории начались поиски «национальной идеи», в русле которых, наряду с сомнительными телешоу, значительное место заняли исследования по российской экономической истории и истории предпринимательства, основанные на отечественных архивах. Энтузиазм их авторов обусловлен доступностью архивов без трудоемкой и непредсказуемой борьбы за выигрыш зарубежных грантов на исследования. Историю компаний невозможно изучать без первоисточников, а оригинальный вклад ученого ценится на «рынке знаний» особенно высоко. Никакой грант не обеспечивает постоянной работы за рубежом. Это восстановило естественный для любой страны приоритет национальной истории, повысило ее рейтинг у читателей (достаточно

взглянуть на полки книжных магазинов) и вызвало быстрое формирование в стране центров по изучению экономической истории, фактически – российской¹³.

В советские времена зарубежная и отечественная история, в том числе экономическая, были равноправны, обе прикрывались «броней» марксистско-ленинской методологии. В наши времена условия успеха и признания научной общественности, в том числе за рубежом, резко изменились. Если у специалистов по России расширились возможности подготовки фундаментальных исследований, а в перспективе появились шансы выпустить учебники нового поколения, познавательная база по зарубежной экономической истории целиком и полностью зависит от опубликованных материалов и зарубежных трудов, немало которых переведено на русский язык. Насколько это повлияло на ситуацию с учебниками? По моему мнению, их авторы – как историки, так и экономисты – еще не преодолели устаревшую терминологию, старые концепции и представления.

Определенный круг специалистов настроился на написание учебников, хотя учебник, если делать его тщательно, обновлять материал, не повторяя прежних ошибок и следуя передовой теории – отнюдь не «легкий жанр». Учебники из года в год переиздаются. В некоторых совмещены материалы по зарубежным странам и по России – для удобства студенческой аудитории¹⁴. Есть и учебные пособия по истории США с экскурсами в экономическую историю¹⁵.

Если историко-экономические знания имеют скорее общеобразовательное значение для студентов-историков, то для будущих экономистов и менеджеров они являются «полигоном» по обработ-

¹³ Виноградов В. А., Бородкин Л. И. Экономическая история и современность // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 3–23.

¹⁴ См., например: Конотопов М. В., Сметанин С. И. Экономическая история : учебник. 9-е изд., доп. и перераб. М., 2007 ; История мировой экономики : учеб. для студ. вузов, обуч. по экон. спец. / под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. 3-е изд. М., 2008.

¹⁵ Иванян Э. А. История США : пособие для вузов. М., 2004 ; Согрин В. В. История США : учеб. пособие. СПб., 2003.

ке навыков экономического мышления и последовательного перехода к пониманию современных процессов и ситуаций, необходимого для их профессиональной деятельности. Но преподавателям одинаково важно давать неискаженные сведения тем и другим. Независимо от того, кто в наши дни «делает погоду» – экономисты или историки, написанное ими представляет довольно однообразную и, к сожалению, не адекватную экономической науке картину.

Со страниц учебников исчезли наиболее одиозные положения о «высшей и последней стадии» капитализма, «третьего этапа» его общего кризиса, как и оставшийся без ответа вопрос, к чему этот этап, в конце концов, должен привести. Но как реагировать студентам-экономистам на отсутствующие в современной теории понятия, например, монополистический и государственно-монополистический капитализм? Усваивать их на уроках экономической истории, а при изучении, скажем, теории рынка – отбрасывать? Какие только названия для капитализма XX в. не встречаются – монополистический, корпоративный, регулируемый. Приведет ли к современному экономическому мышлению такая неразбериха?

Советская теория научно-технического прогресса исказила сущность трансформации капитализма в XX в., выдвинув на первый план совершенствование материальных факторов производства и далее – развитие сферы услуг. За бортом осталось развитие менеджмента. Не получил должного отражения ключевой социально-экономический вопрос последней трети прошлого столетия – глубокие качественные изменения, которые принесла эпоха глобализации и становление постиндустриального, «информационного» общества. Под крахом капитализма можно понимать крах именно индустриального капитализма, ставшего к 1980-м гг. традиционным, как столетием раньше доиндустриальное или аграрное общество, но ни советское, ни постсоветское обществоведение не раскрыло сущности происходивших на Западе перемен.

Нельзя не заметить и существенные сдвиги, прежде всего в подготовке документальной базы исследований. Возможности изучения экономической истории расширились благодаря выходу крупных публикаций архивных документов – в частности, по экономи-

ческим связям СССР и США до Второй мировой войны¹⁶. Вышла многотомная документальная серия по иностранным концессиям в Советской России и СССР¹⁷. Эти издания углубляют представление о внешнеэкономической деятельности американских компаний и о взаимоотношении двух систем – капиталистической и социалистической. Однако «западный фактор» советской индустриализации пока не занял место на страницах учебников.

На круги своя вернулся интерес к истории и теории менеджмента. Помимо переводов книг, обобщавших новейший опыт управления, были переизданы выпущенные в 1920-е гг. книги Тейлора, Карнеги, Рокфеллера и Форда, ставшие библиографической редкостью. Хотя служить практическими пособиями для современного бизнеса они уже не могли, нельзя не одобрить сам факт воссоздания исторического наследия «ударников капиталистического труда»¹⁸. В 1989 и 1992 гг. старые переводы книг Форда «Моя

¹⁶ Россия и США: торгово-экономические отношения, 1900–1930 : сб. документов / под ред. акад. Г. Н. Севостьянова. М., 1996 ; Россия и США: экономические отношения, 1917–1933 : сб. док. / под ред. акад. Г. Н. Севостьянова, Е. А. Тюриной. М., 1997 ; Россия и США: экономические отношения, 1933–1941 : сб. док. / под ред. акад. Г. Н. Севостьянова, Е. А. Тюриной. М., 2001.

¹⁷ Иностраные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930 гг.) : документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко, А. Х. Абашидзе. М., 2003 ; Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.) : документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. М., 2005 ; Иностраные концессии в сфере добычи и обработки руд цветных металлов в России и СССР (1920–1930 гг.) : документы и материалы / под ред. А. А. Клишаса. М., 2005 ; Концессии в жилищном строительстве, коммунальном и транспортном хозяйстве России и СССР : документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 2006 ; Концессия В. А. Гарримана в Грузии (1925–1928) : документы и материалы / под ред. В. Г. Хвинтелиани. М., 2006. Институт российской истории РАН издал сборник: Хромов С. С. Иностраные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. Ч. I–II. М., 2006.

¹⁸ Карнеги Э. История моей жизни. М., 1994 ; его же. История моей жизни. М., 2007 (издание Московского фонда Карнеги) ; Рокфеллер Дж. Д. Искусство разбогатеть. М., 1992. Переиздания выполненных в 1924 г. переводов книг Тейлора вышли с измененными названиями: Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. М., 1991 ; его же. Менеджмент. М., 1992 ; Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989 ; его же. Указ. соч. М., 1992 ; его же. Сегодня и завтра. М., 1992 ; его же. Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра. Минск, 2003.

жизнь, мои достижения» и «Сегодня и завтра» были выпущены фантастическим по нынешним временам тиражом – 200 тыс. и 100 тыс. экземпляров! Из них можно почерпнуть одно – как добиться успеха, делая ставку на качество продукции, доступные цены и на массового потребителя.

Использование документов не освобождает экономических историков от введения в свои работы, в том числе учебники, современных экономических терминов и понятий. Архаический язык не способствует прояснению образа «Другого»: без понимания механизма действия фирмы, знания теории издержек и рыночных структур, менеджмента и маркетинга большой бизнес, конечно, можно выдать за что угодно. Для авторов отечественных учебников «монополия» – едва ли не самое живучее и популярное понятие, применяемое к месту и не к месту. В самых новых изданиях признается развитие, например, американской экономики в условиях конкуренции, но постоянное упоминание в тексте «монополистического капитализма» вносит диссонанс, и картина получается противоречивой¹⁹.

Напомним, что в коммерческом праве и судебной практике США различались собственно монополии и «монопольное поведение», то есть существенное ограничение конкуренции путем негласных соглашений с другими компаниями, например, транспортными, нарушения тарифных правил и др. Наличие монополии или монопольного поведения определяли суды, и не всегда успешно. Следовало доказать наличие преступных намерений, но монополия на выпуск какого-либо товара еще не означала, что при его продаже применяются монопольные ограничения. Успех в бизнесе благодаря способностям предпринимателя или новым технологиям не осуждался. В целом же в США складывалась олигополярная рыночная структура, а попытки монополизации отраслей терпели крах не только из-за юридических барьеров, но и по причине ухудшения управляемости из-за чрезмерного расширения или слишком больших издержек на захват рынка.

¹⁹ См., например: Воцанова Г. П., Годзина Г. С. Экономическая история : учеб. пособие. М., 2007 ; Конотопов М. В., Сметанин С. И. Указ. соч. ; Тимошина Т. М. Экономическая история зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2006 и др.

Если в советской историографии признавали только крайние формы рыночных связей – свободную конкуренцию и монополию, то современная экономическая наука насчитывает гораздо больше разновидностей, чем казалось в начале XX века. Если ими не пользоваться, изменения ни в макро-, ни в микроэкономике невозможно адекватно описать²⁰. Да и сама монополия не всегда означает крупную фирму – ей может быть единственное в небольшом городе или поселке независимое и самоуправляемое (не входящее в сеть компаний) предприятие, дающее рабочие места, единственная гостиница и т. п.

Учебники отвечают не только конъюнктуре, но и уровню знаний их авторов, и в этом экономическая история США мало изменилась с советских времен. Авторы учебников игнорируют или не понимают роль массового производства, которое развернули пресловутые монополисты, чтобы получать бóльшую прибыль от *снижения* цен. Этот прием использовали еще английские промышленники, чтобы вытеснить с рынка изготовленные вручную изделия индийских ткачей. Профессор Гарвардской школы менеджмента Р.С. Тедлоу подчеркнул, что вкладом американских промышленных фирм в мировую цивилизацию был выпуск как можно большего объема продукции, чтобы снижать цены и расширять число потребителей²¹. Производственные технологии были настроены на максимизацию объема. Ничего общего с ограничением производства путем картельного сговора с другими производителями ради взвинчивания цен. Считать, что в конце XIX в. имел место «сговор крупнейших корпораций о ценах и условиях производства», совершенно ошибочно²².

Картели после 1890 г. были в США запрещены, а именно они могли становиться монополиями, хотя и коллективными. Без внутриотраслевого соглашения всех или большинства продавцов

²⁰ Ойкен В. Основные принципы экономической политики : пер. с нем. М., 1995. С. 75–98 ; Экономическая теория : учеб. для вузов / под ред. В. Д. Камаева. М., 1999. С. 180–190.

²¹ Tedlow R. S. New and Improved: the story of mass marketing in America. N. Y., 1990. P. 346.

²² Язьков Е. Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945 гг.) : курс лекций. 2-е изд. М., 2001. С. 12.

повышать цены невозможно. Конечно, монополистом могло стать и единственное предприятие, обслуживающее весь рынок, но такое было присуще СССР, где монопольные права имели министерства связи, торговли, путей сообщения, городские транспортные и коммунальные службы. Они могли чисто административным путем повышать цены ради увеличения доходов, что и делалось. Отсюда и перенесенное на Америку устойчивое представление о высокой прибыли как следствия высоких цен.

Традиционной осталась недооценка антимонопольного законодательства в США. Совсем недавно было повторено мнение, что в переходный к индустриальному обществу период экономическая политика этой страны зиждилась на принципах *laissez-faire*. Основой крупного бизнеса стали не новые экономические возможности, а элементарная уголовщина, подкупы должностных лиц, идеи социал-дарвинизма²³. Но можно ли игнорировать серию ограничительных актов – о регулировании железнодорожных тарифов 1887 г., антитрестовский закон Шермана 1890 г., введенный в кодексы большинства штатов, закон о качестве пищевых продуктов и медикаментов 1906 г., закон Клейтона 1914 г. о регламентации деятельности компаний и др. Воссоздан был, уже в который раз, зловещий образ крупного капитала и США как страны, где якобы воцарились – по крайней мере, в тот период – экономическая анархия и беззаконие.

Рост промышленных компаний происходил не только за счет постройки новых заводов, но и создания собственной сбытовой сети, что позволяло снижать издержки не только в производстве, но и в реализации товара. Это придавало крупным фирмам то влияние на рынок, которое превосходило возможности торговых компаний как посредников между производителем и потребителем. Впрочем, малые и средние предприятия, а их было большинство, по-прежнему сбывали свой товар торговцам.

²³ Согрин В. В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995. С. 115 ; его же. Политическая история США. XVII–XX вв. : учеб. пособие. М., 2001. С. 164–165, 178–179 ; его же. История США : учеб. пособие. С. 86–90.

Не объяснен общеизвестный факт выхода США в конце 1880-х гг. в мировые лидеры по объему промышленного производства. Ни слова о менеджменте и новых технологиях, о факторах ценообразования и массового маркетинга, в основе которого – прибыль от расширения оборота, а не от вздувания цен. Прибыль включается в конечную цену товара, наряду с накладными расходами, но с таким расчетом, чтобы произведенную *массу* продукции можно было продать *массе* покупателей. Иначе бизнес становится бессмысленным. Как излагал свою стратегию Генри Форд, «я считаю за лучшее продавать большее количество автомобилей с меньшей прибылью (за один автомобиль. – *Б. Ш.*), чем малое количество с большей»²⁴.

Настоящим камнем преткновения для отечественных американистов стал вопрос о трестах – централизованных объединениях компаний, созданных собраниями учредителей до официальной регистрации в форме холдинга, право на которую в 1889 г. предоставил штат Нью-Джерси, а вслед за ним другие штаты. Хотя картели и тресты были запрещены как объединения, создаваемые посредством сговора, их экономическая роль была различной. Тресты имели возможность концентрировать активы входивших в них компаний, проводить единую техническую политику и снижать цены, что отличало их от картелей. За время существования Standard Oil Trust (1882–1899) почти втрое снизил цены на свой керосин.

Авторы российских учебников до сих пор ставят знак равенства между трестами, крупными компаниями и монополиями. В разных учебниках таких экономических единиц называли то 440, то 800, но рекордной цифрой стало... 10 000 (!) трестов, или монополистических объединений²⁵. Не слишком ли много монополий в 1909 г., если «монополия» происходит от слова «моно»? Американский исследователь А.Д. Чандлер выявил все-

²⁴ Цит. по: Шпотов Б. М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003. С. 95.

²⁵ Джинчарадзе В. З. Указ. соч. С. 49–50 ; Экономическая история капиталистических стран... М., 1966. С. 222 ; Иванян Э. А. Указ. соч. С. 316.

го восемь трестов, и созданы они были между 1882 и 1890 годами²⁶. Ни один из них не пережил XIX века, но президент Т. Рузвельт по-прежнему произносил это слово вместо малопонятного холдинга, когда провозгласил свою программу борьбы с «плохими трестами», нарушающими американские порядки. Антимонопольное законодательство США и в наше время по традиции называют антитрестовским.

Вопрос о стадиях развития капитализма относится к наиболее сложным, но предложение В.В. Согрина заменить устаревшее понятие «монополистический капитализм» на «корпоративный», пришедший в США на смену домонополистическому, едва ли решает проблему. Статус корпораций получили многие фирмы задолго до появления гигантских предприятий, которые знаменовали вступление американского, а затем европейского капитализма в новую стадию развития. Их существенной особенностью был профессиональный менеджмент, сменивший традиционное управление мелкими фирмами самими владельцами. Это отвечало изменившимся в конце XIX столетия задачам экономической науки, которая превратилась в *economics* – науку об управлении ограниченными ресурсами. «Менеджерский капитализм» – гораздо более содержательная характеристика, принятая в западной экономической теории и истории, и связанная с трансформацией индивидуальной собственности на вложенный капитал в акционерную. Управление фирмой становилось непосредственной экономической силой наряду с технологиями, рабочей силой, капиталом и др.

Это не имеет ничего общего с так называемым структурным функционализмом – в трудах А.Д. Чандлера и других исследователей убедительно доказано, что промышленные компании, присутствующие индустриальному обществу, появились в конце XIX столетия в США и с тех пор лидировали в мире. Никому не приходит в голову механически переносить их на ранние эпохи и нарушать принцип историзма, но эволюция фирмы в XX в. подводит к по-

²⁶ Chandler A. D. The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, MA, 1977. P. 325–331.

ниманию постиндустриальной экономики, когда распоряжение капиталом и прибылью переходит к менеджерам, а доходы акционеров постепенно становятся формой ренты²⁷. Понятие «регулируемый капитализм» – более приемлемое, чем государственно-монополистический и корпоративный, но судя по содержанию текстов, речь идет только о государственном регулировании. Представление об исторической эволюции основного экономического института – фирмы осталось «за семью печатями»²⁸.

Негативный образ крупного американского бизнеса возник в отечественной историографии на почве не только марксистско-ленинской политэкономии, но и незнания факторов и механизмов его функционирования. Сказалось длительное увлечение экономистов макроэкономикой, историков-американистов – социально-политическими сюжетами. Этот образ мало изменился после холодной войны, хотя дополнился признанием некоторых положительных сторон деятельности «капитанов индустрии». При этом он радикально расходится с новым доминирующим образом дореволюционных российских предпринимателей на том же отрезке истории. В США – своекорыстные дельцы, беспощадные эксплуататоры, пекущиеся исключительно о прибыли²⁹, в России – не только успешные коммерсанты и промышленники, но и гуманные личности, меценаты, патриоты, социально ответственные хозяева. «Блистательная предпринимательская династия», «фабричное царство» – подобные эпитеты не редкость. Конечно, подбираются примеры, подтверждающие именно такую точку зрения, но примеры довольно многочисленные и как раз из верхуш-

²⁷ Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 60.

²⁸ История мировой экономики... М., 2008. С. 437 ; Язьков Е. Ф. Указ. соч. С. 19–21.

²⁹ Частные фонды, созданные Э. Карнеги, Дж. Рокфеллером, Г. Фордом и другими представителями деловой элиты США, являются крупнейшими в мире. Они занимаются не традиционной благотворительностью – раздачей супа, содержанием приютов и т. п., а финансовой поддержкой общественно значимых проектов и исследований, университетов, музеев, театров, деятелей науки и культуры.

ки предпринимательского класса³⁰. Появились написанные по канонам современной бизнес-истории и основанные на архивных документах «биографии» отдельных компаний, что значительно повышает их уровень³¹.

Крупный исследователь российской истории Б.Н. Миронов показал, что в начале XX в. социальная политика компаний на Западе была рассчитана на «буржуазную» трудовую этику и достаточно высокий культурный уровень рабочих, а русский предпринимательский патернализм являлся рациональным способом отучить пришедших на фабрики крестьян от «этики праздности»³².

Не все представляется бесспорным в обновляемой российской истории, но говорить о достижениях американистов в номинации «экономическая история» и «история бизнеса» нет оснований. Из года в год тиражируются учебники все с теми же теоретическими изъянами и старой эмпирической базой. Доминирует, как прежде, социально-политическая тематика. У экономических историков России не только архивы под руками, но и уникальная возможность использовать перемены в российской действительности. Их ряды множатся, а американистов – редуют. Поистине, «дом» исторической науки разделился «сам в себе»!

В обозримом будущем на образ заокеанского «Другого» будет влиять, скорее всего, образ российского «Своего», столетней давности, но возведенный в ранг современного национально-культурного идеала. И по законам контраста: ценности, которыми гордятся «у нас», отсутствуют «у них», и наоборот. Однако есть ниша, в которой российские американисты-исследователи способны сказать свое веское слово, внести подлинную научную новизну, це-

³⁰ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. / под ред. В. И. Бовыкина и др. М., 1997.

³¹ См., например, Арсентьев Н. М., Макушев А. А. Российские предприниматели Мальцовы. Саранск, 2006 ; Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997 ; Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004.

³² Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да черт отнял охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история : ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 243–286.

нимую на «рынке знаний» выше, чем обобщающие, универсальные (и в основном компилятивные) труды. Это русско- и советско-американские связи, в том числе экономические. Здесь экономический результат формировался в ходе взаимодействия людей и организаций, а навыки и ценности запечатлены в оригинальных документах. Американские же ученые, занимающиеся аналогичными исследованиями, имеют меньше возможностей работать в российских архивах.

**Д-Р ДЖЕКИЛЛ И М-Р ХАЙД:
США В СОВЕТСКИХ
И РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ**

Igor I. Dolutskii. Dr. Jekyll and Mr. Hyde: The United States in Soviet and Russian History Textbooks.

Basing his article on his 30-years experience as a teacher, and 20-years textbook-writing, Igor I. Dolutskii analyzes the representations of the USA in contemporary Russian school history textbooks. The author compares different “images of America” created by Soviet and Russian “school histories”. At first glance the positive changes toward more unbiased narration of US history are obvious. On the pages of comparative textbooks the country is no more the symbol of decaying imperialism, or the leader of the social formation that is becoming the thing of the past. The USA does not bear the guilt of starting the Cold War alone; there are authors willing to concede that the West had won that war. One may find in Russian textbooks even unchecked delight about vitality of American society, statements about successes of the USA in the 1960-80s.

However, the author maintains that those novelties do not change the essence of the textbooks. State falsification still shapes Russian school history, and it increases when contemporary events are discussed. At the same time, anti-Americanism also rises as an element of state ideology propagated in schools. Swiftly degrading to the pattern of its Soviet models, today’s textbooks illustrate and promote one or another idea belonged not even to the State, but to a sovereign-president and his close circle. The content and assessments are still depended on non-academic factors. Or rather, in the fields where the interests of the authorities are not affected directly, the truthful narration of American history is possible. The problem is that the interests of our authorities are changeable.

Криминальное чтение

Еще 20 лет назад преподавание истории США в советской школе не представляло для учителя никаких трудностей. В основе обучения истории лежали теории К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, подкрепленные решениями последних съездов КПСС и пленумов ЦК, адаптированных для внутреннего потребления соответствующими «идеологическими» отделами ЦК. Кроме того, авторы учебников и учителя могли воспользоваться четырехтомной историей США и книгами В.И. Лана. Общая схема была простой и понятной. 1640–1870 гг. – «период подъема и утверждения капитализма», когда «капитализм шел на смену феодализму и был носителем общественного прогресса», 1870–1917 гг. – «период упадка капитализма». А с 1917 г. и «в наше время капитализм – это общество без будущего, обреченный на гибель строй»¹. Это написано и в 20-м издании учебника, и в 1-м. История в школьных учебниках буквально прекратила течение свое.

И в работе лучшего советского научного центра ИМЭМО АН СССР «*Капитализм на исходе столетия*», вышедшей в 1987 г. под редакцией одного из творцов перестройки А.Н. Яковлева, хотя и подчеркивалось, что «у капиталистического общества, сходящего с исторической сцены, у общества, лишённого будущего, есть еще немалые силы»², но окончательный приговор звучал аккордами траурной мессы. «Тут поневоле напрашивается сравнение с туберкулезным больным: румянец на щеках является... признаком не здоровья, а прогрессирующей болезни». Здесь даже массовая культура «служит интересам монополий»³. Короче, как и предсказывал Ленин, капитализм, вступив в стадию империализма, с начала XX в. стал загнивающим и умирающим. Все «факты свидетельствовали»: капитализм к концу столетия достиг третьего этапа кризиса высшей, но и последней ступени своего развития. Как

¹ Ефимов А. В. Новая история : учеб. для 8-го класса. М. : Просвещение, 1982. Ч. I. С. 6.

² Капитализм на исходе столетия. М. : Политиздат, 1987. С. 34.

³ Там же. С. 311, 416.

уверяли авторы учебника «Обществоведение» (ред. Г.Х. Шахназаров), вышедшего в 1985 г. уже 22-м изданием и удостоенного Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Государственной премии СССР, «государственно-монополистический капитализм подготовил все материальные предпосылки для перехода к социализму»⁴.

Ехидные дети издевались, обнаруживая в учебнике наиболее вопиющие предпосылки. «Этот мужик – ну, точно, наш сосед-алкаш», – замечали «юные строители коммунизма», разглядывая картинку, изображавшую безработного на фоне небоскребов. И спрашивали: «А правда, что пособие по безработице платят год?». Веселье в классе неизменно вызывали такие книжные откровения: «Многие пролетарии, испытавшие на себе так называемые потогонные системы труда, применяемые в капиталистическом производстве, уже к 40–45 годам превращались в инвалидов». «Прямо, как у нас», – замечали ученики. И интересовались: «Это поэтому в Америке на семью – одна машина, а у нас сколько?». Даже по официальным данным выходило, что к 80-му году, когда ожидался коммунизм и полное изобилие, в СССР один автомобиль приходился на... 10 семей⁵. И кто же тогда загнивает?! Цинизм авторов пособий пределов не знал. Дело даже не в том, что у них «Америка конца XX века» мало чем отличалась от Америки столетней давности. Вот что произошло в 30-е гг.: «В 1934 г. в капиталистических странах умерло от голода 2 млн 400 тыс. человек, а в США было уничтожено более 1 млн вагонов зерна (этого достаточно, чтобы прокормить 100 млн человек в течение года)...»⁶. Конечно, стоило бы сравнить с тем, сколько умерло от голода в СССР в 1932–1933 гг. (по крайней мере, 3–5 млн человек), сколько вывезли зерна из голодающей страны (а это за 1930–1931 гг. – 10 млн т). Мы с детьми это делали в классе. Но учебниками не пользова-

⁴ Обществоведение / Г. Х. Шахназаров, А. Д. Боборькин и др. М. : Политиздат, 1985. С. 98.

⁵ Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбил. стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика. 1987. С. 472.

⁶ Обществоведение. С. 88–90.

лись – там этих цифр не было. Советские учебники вообще сочинялись чудесным образом. Например, учебник по истории СССР для 9-го класса заканчивался пассажами о торжестве социалистической демократии в связи с принятием конституции 1936 г., а учебник 10-го класса начинался заявлениями о торжестве социалистической демократии уже в 1939 г. в связи с XVIII съездом партии.

Синкопа в искусстве играет заметную роль. Что уж говорить об искусстве фальсификации.

США считались классической страной империализма, одним из трех его центров, «ведущей империалистической державой»⁷ и одновременно – «главным центром современного милитаризма»⁸, из которого, как все в СССР знали, исходила угроза миру и всему прогрессивному человечеству. До того как совершить свое грехопадение, Соединенные Штаты пережили в XVIII–XIX вв. два славных эпизода своей истории. Во-первых, добились независимости от Англии, во-вторых, в результате победы Севера в гражданской войне утвердили власть буржуазии. Оба события в советских учебниках признавались буржуазными революциями. Но, сурово напоминая Министерство просвещения, «правлящие круги США давно отреклись от идеалов антиколониализма», «встали на путь борьбы против народов, добивающихся свободы и независимости». Обе революции не решили «важнейшую демократическую задачу – установление равенства белых и черных. Эта задача не решена в США и до сих пор»⁹.

Хуже того, хотя у американских рабочих даже в начале XX в. «средняя годовая зарплата была самой высокой в мире, однако ее едва хватало для обеспечения прожиточного минимума», при этом «на предприятиях установилась система контроля за каждым движением рабочего». Поэтому «В.И. Ленин отмечал, что нигде в мире не был так велик контраст между бедственным положением трудящихся и роскошью богачей». Вполне возможно, что Ленин прав.

⁷ Обществоведение. С. 93.

⁸ Капитализм на исходе столетия. С. 141.

⁹ Ефимов А. В. Указ. соч. С. 37–38, 194, 41, 195.

Но хотелось бы иметь факты для анализа и самостоятельных выводов. Авторы книги *«Новая история. 1871–1917»*¹⁰ предлагают читателям заглянуть в «документ IV». Заглянули? Вот, видите – это цитата из того же Ленина. Все было бы хорошо, но учебник, кроме членов ЦК, читали и дети, которые не могли понять: если в Америке все так плохо, почему же революция случилась в России? Учителя разъясняли: в США не было коммунистической (большевистской) партии, а в России она возникла в 1903 году.

Если мы знакомимся с «государственным устройством США», то вынуждены признать – оно «было более демократичным, чем в других капиталистических странах». Но мы обязаны помнить оценки Ф. Энгельса: американские партии – «большие банды... спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей». Поэтому в США все «реформы способствовали укреплению капитализма и нисколько не ослабили фактическое господство финансовой олигархии. Такова сущность буржуазного реформизма»¹¹. Эта олигархия совершенно распоясалась в годы мировой войны. «Правящие круги США наживались на поставках оружия, боеприпасов и продовольствия главным образом Антанте». (Заметьте: «главным образом», то есть неявно авторы намекают – «правлящие круги» «наживались» и на поставках Четверному союзу. При этом, в переводе с советского новояза, «правлящие круги» – это не только «олигархия», но и послушное ей правительство США.) «Разбогатея, они стали мечтать о мировом господстве». Главным мечтателем оказался президент В. Вильсон. «Империалисты Англии, Франции и США добились разгрома своих главных конкурентов и приступили к переделу мира». Они еще не догадывались, что «начался необратимый процесс – смена капитализма новой, коммунистической, общественно-экономической формацией»¹².

¹⁰ Новая история. 1871–1917 / ред. И. М. Кривогуз. М., 1987. С. 53–58.

¹¹ Там же. С. 76–79.

¹² Там же. С. 237–239, 250, 247.

Межвоенная история США с процветанием (просперити), Великой депрессией, новым курсом Ф.Д. Рузвельта не была в центре внимания советских школьных пособий (помните «сущность буржуазного реформизма»?). Следует учесть, что в американской истории (если верить нашим старым учебникам) был всего один «великий гражданин Америки» – Авраам Линкольн. Говоря о президенте, учитель должен был, по рекомендации Министерства просвещения, «отметить его демократизм, близость к народу, отвращение к рабству, упорство в достижении поставленных целей, справедливость и отзывчивость к людям»¹³. О прочих представителях «правлящих кругов» подобного говорить не рекомендовалось. Это и понятно, потому что они вытворяли следующее.

В конце 1930-х гг. Германия, Италия, Япония, с одной стороны, и США, Англия, Франция – с другой, «боролись... за источники сырья, рынки сбыта и сферы влияния, за мировое господство. Острые противоречия раздирали эти блоки, но было одно, что объединяло их, – это жгучая ненависть к Советскому Союзу, первой в мире стране социализма». «Политика... правящих кругов Англии, Франции и США была направлена на подталкивание агрессоров на войну против СССР, чтобы их руками уничтожить Страну Советов... Отсюда вытекала политика уступок, поощрения агрессоров и “невмешательства”...» в Европе. Одновременно «подстрекаемые империалистами Англии, Франции и США, а также гитлеровской Германией, японские милитаристы начали военные действия» на Дальнем Востоке. В итоге, если следовать контексту и логике учебника, США оказывались в группе «поджигателей войны», если не агрессоров, то «их покровителей». Тем более что «правлящие круги Англии, Франции и США спровоцировали финских реакционеров на вооруженный конфликт с» СССР¹⁴.

¹³ Методическое пособие по новой истории. 8-й класс / А. С. Завадьё и др. М., 1978. С. 245–249.

¹⁴ История СССР. 10-й класс / ред. М. П. Ким. М., 1983. С. 13–17, 19.

Реакционные круги США и после 22 июня 1941 г. всячески препятствовали созданию антигитлеровской коалиции, выполнению правительством США взятых на себя обязательств. «Например, хорошо известно высказывание американского сенатора Г. Трумэна...: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше”». Даже после нападения Японии на США и вступления Америки в войну против Германии «сколько-нибудь серьезных военных действий союзники не предпринимали. Вся тяжесть борьбы с гитлеровской Германией фактически лежала на плечах советского народа и его армии»¹⁵.

«Вместе с тем США и Англия понимали, что Красная Армия может и без их участия разгромить врага и освободить народы Европы от гитлеровских оккупантов»¹⁶. «Это заставило правящие круги США и Англии начать, наконец, вторжение на материк. 6 июня 1944 г. ... Второй фронт был открыт с опозданием на два года»¹⁷.

Ученики к старшим классам уже умеют считать до трех, а то и четырех и знают географию. К лету 1944-го на европейском «материке» уже имелось два фронта – итальянский и балканский. Сверх этого – воздушный фронт. Да к ним – морские батальи в северных морях. Там что же, Красная Армия воевала? А до того были: «битва за Британию», закончившаяся в 1940 г. первым поражением Гитлера, Средиземное море и Северная Африка. И в Атлантике геройствовал не наш флот. Разве не Китай воевал с Японией на другом конце евразийского материка? Не США и их союзники крушили японскую Сферу азиатского процветания на Тихом океане? Чтобы ответить на вопросы, требовалось *знать*. Но преподавание истории Второй мировой войны в советской школе строилось на умолчании. Там, где не было Красной Армии, не было и военных действий. Поэтому в трудах «современ-

¹⁵ История СССР. 10-й класс / ред. Ю. С. Кукушкин. М., 1984. С. 50.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Ким М. П. Указ. соч. С. 87.

ных буржуазных фальсификаторов истории» «явно преувеличивается значение второго фронта в Европе, созданного в 1944 г.». Любой советский ребенок усвоил, что «главную и решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем милитаристской Японии сыграл Советский Союз». Наша победа «над империалистической Японией завершила Великую Отечественную и Вторую мировую войну». «Задачи советского народа» в войне с Японией «заклучались» среди прочего и в том, чтобы «возвратить Родине ранее отторгнутые Японией Южный Сахалин и Курильские острова»¹⁸. Что же касается атомных бомбардировок японских городов, «никакой военной необходимости в этом не было, ибо судьба Японии была уже предreshена. Это было сделано для обеспечения гегемонии США в послевоенном мире и стало первым актом «холодной войны» против СССР. Взрывы атомных бомб являются тяжелейшим преступлением против человечества»¹⁹. Учебник предупреждал ребенка: «Фальсификаторы истории стремятся принизить значение побед Красной Армии... Пытаясь скрыть или исказить действительные причины поражения гитлеровской Германии, они сознательно подтасовывают факты и делают выводы, угодные правящим кругам западных стран». «Специализируясь на извращении событий войны, наиболее реакционные историки и журналисты» даже договорились до того, что заявляют, «будто победа СССР над фашистской Германией в значительной мере определялась американской помощью по ленд-лизу». Конечно, «советские люди всегда положительно оценивали эту помощь. Однако военные поставки союзников были весьма ограничены и не могли оказать решающего влияния на ход войны», как и ряд «других второстепенных факторов»²⁰. Какие факты приводят авторы учебников? Они сообщают, например, такие фантастические сведения, которые потрясают самое смелое воображение. По данным «*Истории СССР*» под редакцией академика Кима, Германия потеряла в войне почти 14 млн солдат и офицеров, из кото-

¹⁸ Ким М. П. Указ. соч. С. 115, 112, 109.

¹⁹ Кукушкин Ю. С. Указ. соч. С. 104.

²⁰ Там же. С. 110–112.

рых 10 млн пришлось на наш фронт. Здесь же уничтожено «три четверти авиации», бóльшая часть артиллерии и танков, «тысячи боевых кораблей и транспортных судов»²¹.

Впрочем, мое поколение – поколение детей солдат и младших командиров *той войны* – и не нуждалось ни в каких доказательствах и фактах. Разве видел мой отец-пехотинец, отступивший сначала вместе со всей армией до Москвы и Сталинграда, дошедший до Кенигсберга и воевавший в Китае американских или британских солдат? Нет, не видел! Получалось, что их и не было вовсе, как и в учебниках! «Студебеккеры» видел («хорошая машина»), тушенку их ел («мы ее так и звали тогда – *второй фронт*»), а когда он сражался в 1944-м в Прибалтике, «союзники только разворачивались». Он, конечно, помнит странную тишину в Китае – «ни одного японского самолета в небе». Но он не знает, что к тому времени весь императорский флот и почти вся авиация уже сгинули в океанских пучинах, уничтоженные американцами. И мы, став учителями, могли этого не знать. Но академики-то... С другой стороны, нигде в СССР ни в СМИ, ни в научных изданиях никаких нефальсифицированных данных не было.

И получалось: я учился на истфаке МГУ у академика Кукушкина, в школе учил детей по учебнику академика, мои ученики поступали на истфак МГУ и учились у Кукушкина, который к тому времени написал учебник по истории СССР и для вузов...

Мифы о войне, Победе, союзниках, «Западе», США – только часть того виртуального мира, который должна была создать и внедрить в сознание ребенка советская школа, являвшаяся частью «агитационно-идеологического» аппарата партии. Школа, как источник «общественно-политической информации», по значимости никогда не поднималась выше 4–5-го места. Но на историю отводилось 4 часа в неделю, плюс 2 часа – на обществоведение. Это давало Государству возможность создать благоприятные условия для реализации тоталитарной цели по формированию и воспитанию *нового человека*.

²¹ Ким М. П. Указ. соч. С. 115.

Поэтому если в учебниках по истории XVIII–XIX вв. еще разрешалось упоминать о достижениях «американского империализма» (вроде ежегодного выпуска полумиллиона авто заводами Г. Форда), то в учебниках по новейшей истории (особенно – второй половины XX в.) немногие страницы, отведенные США, заполнены кризисами, обострением классовой борьбы, «грязными войнами, развязанными американской военщиной», фактами, свидетельствовавшими о загнивании и умирании. Часто тексты учебников напоминали статьи из газеты «Правда». Поэтому с ними редко кто работал, а дети их не читали. Да и времени на них не оставалось – на отечественную историю уходило не менее 90 % уроков. Поэтому вся послевоенная история США укладывалась в один урок. Однако и «на поле отечественной истории» «Америку» не оставляли без внимания, нанося удар по «американскому империализму».

Получалось вот что. Сразу же после войны «правительства США... и других империалистических государств» надеялись, что ослабленный СССР «станет послушно выполнять их волю». «Враждебные отношения правительств США... и других империалистических государств вылились в... “холодную войну”, которую они стали проводить по отношению к СССР и странам народной демократии. США окружали СССР военными базами, сколачивали агрессивные блоки... Американские империалисты... проводили политику атомного шантажа». Этим Запад хотел «сорвать или задержать восстановление и дальнейшее развитие нашего народного хозяйства». С 1947 г. «“план Маршалла” стал основой военно-политических союзов капиталистических стран», подвел экономическую базу под развязанную империалистами «холодную войну»²².

Стоило привести данные о суммарной стоимости ленд-лиза, приблизившейся к 12 млрд долл., сравнить их с 17 млрд, потраченными на реализацию «плана», и в детской голове начинали роиться неудобные вопросы об экономических базах. Но мой 30-

²² Ким М. П. Указ. соч. С. 121 ; Кукушкин Ю. С. Указ. соч. С. 120.

летний опыт преподавания истории не только школьникам, но и их учителям позволяет сделать вывод: об этих цифрах не ведают не только дети, но и многие взрослые. И ныне не ведают. Тогда – какие же вопросы?!

Зато доходчиво звучали чеканные слова учебников. «В 1950 г. американский империализм спровоцировал войну между Южной Кореей и Северной». «США и некоторые другие империалистические державы организовали интервенцию в Корею под флагом ООН». Будут и другие «локальные... войны, которые международный империализм развязал» по всему свету. С Вьетнамом и Индокитаем, казалось бы, все ясно: «США начали открытую военную интервенцию» «и агрессию». Но старшеклассников интересовал Карибский кризис: «Правда, что Никита на Кубе ракеты поставил?». Учебники *нашей* истории хранили государственную тайну. Про Всемирный конгресс женщин во Дворце съездов и Бхилайский комбинат в Индии данные рассекретили. Но про то, как Никита Сергеевич поставил мир перед непосредственной угрозой новой глобальной войны – ни слова у академика Кима! А у Кукушкина – дивные строки: «во время Карибского кризиса, когда США блокировали Кубинскую республику и готовились высадить свои войска на ее территорию», СССР «и другие социалистические страны» «пришли на помощь кубинскому народу и добились от США обещания не вторгаться на остров Свободы». Это и понятно: СССР – не США, он «не ищет никаких выгод для себя, не домогается военных баз, не добивается политического господства»²³.

Поэтому уже воевали в Афганистане родители моих учеников, успели там повоевать и сами ребята, а учебник истории СССР и в 1984 г. не помянул *нашу* грязную войну. И в хронологической таблице 60-летие Вооруженных сил СССР и дата открытия XXVI съезда КПСС есть, а даты вторжения – нет. Правильно писал пролетарский поэт В.В. Маяковский: «У советских – собственная гордость. На буржуев смотрим свысока!»

²³ Ким М. П. Указ. соч. С. 137, 181, 249 ; Кукушкин Ю. С. Указ. соч. С. 162, 228.

А чего нам было стесняться?! Ведь «политический курс правящих кругов США», идущих по пути «конфронтации и взвинчивания гонки вооружений», «планы американской военщины разместить в Западной Европе... несколько сот ракет средней дальности» потерпели провал и рухнули под напором «ряда мирных инициатив» СССР. И вообще «намерения американского империализма добиться военного превосходства над СССР тщетны»²⁴.

Совершенно очевидно, что обремененный перечисленными выше качествами «американский империализм» доживал в середине 80-х последние дни и должен был рухнуть под бременем проблем. Но рухнул Советский Союз заодно с лагерем социализма...

Что же в итоге? США конца XIX – начала XX в. представляли со страниц советских учебников как быстро развивающаяся, передовая капиталистическая страна, пораженная всеми болезнями империализма, обремененная расовыми проблемами, чрезвычайно агрессивная и стремящаяся к мировому господству. После 1917 г. США – враг СССР, стремящийся уничтожить любой ценой первое в мире социалистическое государство, ненадежный союзник в годы нашей Отечественной (именно так) войны с Германией и Японией. С 1945 г. США стали оплотом империалистической реакции. Это враг хитрый, коварный, вероломный, агрессивный. Его агрессивность и коварство усиливаются в связи с тем, что он утрачивает ведущие позиции в мире. При этом учебники различали «правлящие круги» («финансовая олигархия», «монополистическая буржуазия», «оголтелая военщина») и «американский народ» («трудящиеся», «рабочие и фермеры», «люди доброй воли», «борцы за мир»). Ненависть к первым не должна была мешать сочувствию ко вторым. Тем не менее история США разворачивалась как история преступлений и «правлящих кругов», и страны в целом.

Миссия невыполнима?!

Можно было бы в этом усмотреть типичную невротическую процедуру «переноса». Но в ее основе – идеологические установ-

²⁴ Кукушкин Ю. С. Указ. соч. С. 226.

ки КПСС, рассматривавшей школу как средство *перерождения человека* (формулировка из второй программы партии), *формирования* не только его самого, но и его ценностей, потребностей (о чем говорилось на XXVI съезде). Соответственно этому учебники являлись *каналом идеологического воздействия*. Не стоит забывать: вся история СССР разворачивалась «в условиях обострения идеологической борьбы». Никакой речи о научной основе школьных пособий быть не могло (говорю лишь о периоде XIX–XX вв.). В основании учебников новейшей истории – ее *фальсификация*. Авторы, выполнявшие *государственный заказ*, выступали *носителями Истины*, которую ученики должны *усвоить*. Учебники же были призваны облегчить создание нерассуждающего *послушного исполнителя с мифологизированным сознанием*. Посмотрим, изменилось ли что-нибудь в XXI столетии.

Учителя истории ощущали с конца 70-х нарастающий кризис преподавания своего предмета (ограничусь только этим кризисом, прекрасно понимая, что он – часть более широкого кризиса всей школы и всего «реального социализма»). Подавляющему большинству казалось, что вся проблема – в учебниках, точнее в их содержании. *Обновится содержание*, авторы *«напишут правду»*, и все станет хорошо. Одновременно надеялись, что будет несколько *разных* учебников, из которых *учитель сам станет выбирать* тот, который ему подходит в наибольшей степени. Самые решительные настаивали на *деидеологизации*, ссылаясь на дарованный Конституцией 1993 г. идеологический плюрализм и отсутствие государственной идеологии.

В середине 1990-х гг., благодаря конкурсу, проводимому на средства фонда Сороса, появилось несколько десятков новых учебников. Деидеологизации не произошло, но пока шла политическая борьба, авторитарный ельцинский режим еще не окостенел, и «трудно было понять, где север», идеологический спектр учебной литературы включал в себя разнообразные оттенки от коммунистического до монархического. Порой в школе можно было использовать любую из почти 30 книг по зарубежной и стольких же по отечественной истории. К этому добавились открытость

информации, доступ к Интернету, свобода выезда за рубеж. Специалисты заговорили о том, что можно отказаться от старых подходов к учебникам, которые с советских времен выполняли функции образования, развития и воспитания. Не в наполнении функций дело, а в отказе от них и в превращении учебника в один из элементов образовательной системы, обеспечивающей в школе условия для развития творческого мышления – самостоятельно-го, поискового. Вспомнили завет русского педагога К.Д. Ушинского, считавшего, что главная задача школы – в приучении воспитанников к умственному труду, и эта задача более значима, чем передача предмета. Учебник превращался в поле для поиска самостоятельных ответов на вопросы, поставленные самой историей. Книги были насыщены фактами, документами, точками зрения и перестали выглядеть кладями истин, подлежащих запоминанию. Можно было учить делать осознанный свободный выбор и нести «бремя свободы и ответственности». Учебник, думалось, облегчит создание условий для развития в ребенке гуманизма, для обучения сопротивлению бесчеловечному государству. Впервые учебники писали учителя и молодые ученые, для которых руководством к действию служил не государственный заказ, а потребности школы.

Символами обновления литературы для старших классов стали учебники известного российского американиста А.А. Кредера по новейшей истории зарубежных стран и мои учебники по отечественной истории XX века.

Но государство довольно быстро пришло в себя после замешательства от означенной общественной активности. Ему активно помогали те, кого в России называют «патриотами-державниками». Уже в 1997 г. учебник Кредера, объявленный газетой «Завтра» образцом «антиславянского сионистского расизма»²⁵, был запрещен к использованию Воронежской областной думой. Началась травля автора, который вскоре умер, а книгу изъяли из феде-

²⁵ Мухин Ю. Геродоты от Сопоса // Завтра. 1998. 28 июля. № 30 (43). URL: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/98/243/32.html>.

рального списка разрешенных учебников. В 2001 г. премьер-министр М.М. Касьянов потребовал обязательного упоминания в учебниках ценностей демократического общества, проводимых его правительством реформ. Впервые прозвучало предписание, заставившее авторов ориентироваться на решения пока только правительства. В 2003 г. при непосредственном участии администрации президента, министерства образования, директоров академических институтов, ветеранских организаций попали под запрет и мои учебники за «непатриотизм». Это было сделано впервые со сталинских времен приказом министерства.

Академик А.О. Чубарьян призывал ограничиться единственным учебником всемирной истории, допуская, в крайнем случае, два-три. Академик А.Н. Сахаров, вместе с коллегой встречавшийся с президентом-государем²⁶ и получивший от него личное указание проверить все учебники истории на предмет патриотизма, докладывал, что уже есть несколько книг под его редакцией, надо лишь шире их внедрять в школу.

Провели *государственный* конкурс на новые учебники. Победители утверждали, что в стране вовсе не нарождается полицейский авторитарный режим, а продолжают демократические реформы, гарантирующие возрождение России. Авторские коллективы часто благодарили лично президента, упоминая его имя до десятка раз на одной странице. Одновременно завершалась очередная школьная реформа. В результате на историю в средней школе осталось два часа в неделю. При этом если в советской школе на изучение и первой, и второй половин прошлого века отводилось по году при 4 часах в неделю, то теперь весь XX и начало XXI в. укладывают в один год. Нормально работать в таких условиях невозможно. Зато они как нельзя лучше подхо-

²⁶ Развернутую аргументацию по поводу правомерности отождествления в данном случае понятий «президент» и «государь» подробнее см.: Долоцкий И. И., Ворожейкина Т. Е. Политические системы России и СССР в XX в. : учеб.-метод. комплекс для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по гуманитар. направлениям подготовки и спец. Т. 1–4 / Науч.-метод. совет по политологии М-ва образования и науки РФ. М. : Университет, 2008.

дят для формирования «патриотизма и воспитания гордости за нашу историю». Соответственно изменились и учебники. Количество разрешенных и допущенных в школу книг сократилось почти в три раза. Думается, что наличие одного-двух учебников – недостижимая утопия, так как за рынок борются три государственных монополиста-издателя «Просвещение», «Дрофа», «Русское слово». Еще держится на плаву частная «Мнемозина». Еще отважные учителя используют запрещенные пособия. Но все поняли – времена изменились.

Иногда они возвращаются, или Назад в СССР!?

Следует заметить, что применительно к истории США *произошло размежевание в некоторых оценках между учебниками по зарубежной и отечественной истории*. Возможно, это объясняется наличием разных научных групп и центров, ставших гарантами сохранения плюрализма.

История США до 1918 г. предстает перед учеником совершенно в новом свете. Судите сами. Среди прочих качеств у первых европейских колонистов в Северной Америке «особо ценилась способность помогать ближнему... Уважения соседей можно было добиться лишь трудом и деловыми качествами...», «многое зависело от инициативы, смелости, способности постоять за себя». Приведя первые десять статей Конституции США и предложив вопросы для их анализа, авторы осторожно заключают: «Не только американцы, но и многие европейцы... стали воспринимать Америку как светоч свободы и образец для подражания». «Уже в 1880-е гг. она стала наиболее развитой в мире»²⁷.

Феномен «американского чуда» объясняется просто: «Это ощущение свободы и больших возможностей для самореализации личности стало важнейшей основой для складывания американской нации». К тому же первые поселенцы оказались носителями «капиталистического духа» и «принесли с собой демократи-

²⁷ Загладин Н. В., Симония Н. А. Всеобщая история. 10-й класс. М.: Русское слово, 2008. С. 281, 363, 290–291, 369.

ческие традиции». «Среди стран “молодого капитализма” США были единственной сильной державой, где высокий темп развития достигался в первую очередь за счет использования потенциала демократической системы». Весь позапрошлый век «американская демократия совершенствовалась и усиливалась. Демократия давала широкий простор для инициативы личности и вместе с тем позволяла эту свободу контролировать». При всех издержках и проблемах процессов модернизации «превращение страны в самую сильную индустриальную державу в мире... произошло в значительной мере благодаря результативному диалогу между государственной властью и обществом»²⁸. Ни в Российской империи, ни в Германской, ни в Австро-Венгерской ничего подобного не происходило. Конечно, в России власть была слабовата, но в Германии-то? Темпы высокие, а вот модернизацию до конца не довели и рухнули. С другой стороны, почему бы не спросить у читателей: ситуация в нынешней России что вам больше напоминает – положение в США или Германии столетней давности, и какие отсюда следуют выводы? Неужели авторов что-то пугает?

Помимо демократии и экономического роста в США начало XX в. отмечено началом «прогрессивной эры». Реформы Т. Рузвельта, У. Тафта и В. Вильсона подробно рассматриваются в нынешних учебниках. Появились биографии и фотографии президентов, которые соседствуют с замечаниями: «Рост экономической мощи США сопровождался внешнеполитической экспансией». «Дипломатия “большой дубинки” и “дипломатия доллара”» обрушилась на Латинскую Америку. «Победа над Испанией открыла для США пути дальнейшей экспансии в Латинскую Америку и в районы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии»²⁹.

После этих рассуждений и упоминаний о посредничестве США в заключении мира между Японией и Россией, о вторжении

²⁸ Хачатурян В. М. История мировых цивилизаций. 10–11-й классы. М. : Дрофа, 2001. С. 328–331, 387, 390, 393–394.

²⁹ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс / О. С. Сороко-Цюпа и др. М. : Дрофа, 2006. С. 27–29, 49 ; Улуян А. А., Сергеев Е. Ю. Всеобщая история: новейшая история. 11-й класс. М. : Просвещение, 2007. С. 26–27.

в Мексику надо ли объяснять, с какими замыслами вступили США в Первую мировую войну? Лишь Кредер подробно рассматривал «мирное наступление» президента Вильсона. Признавая, что «американцы не желали втягиваться в войну», автор подчеркивал: «американское общество и сам... Вильсон понимали, что Америка, став сильнейшей экономической державой мира и главным кредитором Англии и Франции, не может пассивно наблюдать за исходом войны, результат которой на долгие годы определит развитие мировой политики. Но сама война в таком случае должна приобрести черты войны во имя справедливых целей». Антанта вела себя «лукаво», не информировала США о наличии тайных договоров. Президент выглядел благородным романтиком. Но именно «вступление США в войну, имея в виду их экономический потенциал и людские ресурсы, оказалось одним из решающих факторов победы Антанты». При этом действия американцев и их союзников против большевиков хотя и «стали составной частью иностранной интервенции против Советской России», но рассматриваются как попытка «сохранить любыми силами Восточный фронт», а отнюдь не объясняются империалистическими замыслами³⁰.

Даже достаточно осторожные авторы теперь признают: США послали «на европейский театр военных действий несколько сотен тысяч солдат, что компенсировало выход из войны России»³¹. «Свежие войска из-за океана помогли Англии и Франции отразить последнее наступление Германии в 1918 г., когда, воспользовавшись выходом России из войны, заключившей с Германией сепаратный мир, Центральные державы попытались переломить ход событий на Западном фронте»³². Впрочем, и сегодня можно прочесть: Европа устала воевать, однако «желание воевать исчезло не у всех», США «объявили войну Германии», за ними последовали другие страны. Но «вопрос об окончании войны решался

³⁰ Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997. 9-й класс. М. : ЦГО, 1998. С. 33–34, 36, 40.

³¹ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 63.

³² Загладин Н. В. Всемирная история. XX век. 11-й класс. М. : Рус. слово, 2003. С. 56.

уже не на фронтах». «Войну закончили народы»³³. Почувствуйте разницу!

Полезно учесть еще один «старый мотив». Советские учебники подчеркивали малозначимость помощи союзников, их корысть, постоянное нарушение союзнического долга и одновременно настаивали: верная союзническому долгу, Россия не раз спасала Францию, неся тяжелые потери. Сегодня ученик может прочесть: «Помощь союзников в сложный для России период войны носила ограниченный характер. В порты Мурманска, Архангельска и Владивостока началась поставка вооружений и боеприпасов, но из-за трудностей транспортировки они попадали на фронт с большим опозданием... Во Франции шли операции местного значения» в 1915 году³⁴. «Ценой тяжелых жертв Россия спасла союзницу от поражения и сама сохранила боеспособность» в 1914 году. В 1916 г. наше успешное наступление вынудило Германию «прекратить атаки на Верден и перебросить подкрепления на Восточный фронт». Однако наступление союзников на Западе «завершилось провалом и не смогло существенно помочь русской армии»³⁵. В итоге: «Уже в годы мировой войны наметилась тенденция изоляции России от Запада. Виною тому во многом была близорукая политика лидеров союзных России стран, воспринимавших ее... как второстепенного помощника...»³⁶.

На этом фоне привычно трактуется одна из важных проблем нашей истории: «страны Антанты организовали против Советской России интервенцию. В стране началась Гражданская война»³⁷. Именно так объяснял происхождение гражданской войны и В.И. Ленин.

По-моему, нелепо искать главные фронты войны, укорять союзников и т. п., потому что «война велась коалиционная... Англия и

³³ Алексашкина Л. Н. Новейшая история. 11-й класс. М. : Мнемозина, 2007. С. 55.

³⁴ Загладин Н. В. История России и мира в XX веке. 11-й класс. М. : Рус. слово, 2003. С. 86.

³⁵ История Отечества. XX – начало XXI в. 11-й класс / Н. В. Загладин и др. М. : Рус. слово, 2005. С. 81, 84.

³⁶ Отечественная история XX – начало XXI в. 11-й класс / А. О. Чубарьян и др. М. : Просвещение, 2004. С. 54.

³⁷ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 62.

Франция не обошлись бы без России точно так же, как и она без них». Это я цитирую свой запрещенный учебник, в котором предлагал читателям «доказать иное», учитывая данные о поставках союзников, признании ими прав России на проливы и Стамбул и прочее³⁸. Цифры, характеризующие союзническую экономическую помощь, насколько мне известно, впервые появились в 1970-е годы³⁹. Поэтому элементарная научная логика требует: приводя в учебниках данные о российском военном производстве, необходимо перечислить и соответствующие союзные поставки и лишь после анализа всего массива фактов делать выводы. Например, Загладин сообщает, что за годы войны Россия произвела 3,5 тыс. самолетов, 11 тыс. орудий и 20 тыс. пулеметов⁴⁰. Не станем спорить о точности, но учтем: по орудиям поставки союзников достигали 10 %, по винтовкам и пулеметам до 50 %, по винтовочным патронам до 25 % того, что реально получила наша армия от собственной промышленности. От союзников Россия получила 800 самолетов и почти 1,9 тыс. моторов. Кроме того, англичане обеспечивали углем весь Северо-Западный промышленный район России, Балтийский и Северный флоты, поставляли цветные металлы, разнообразное промышленное оборудование. Что-то не вырисовывается «изоляция»! А что вывозить *это* было не на чем, так ведь не союзники же не построили нам железных дорог!

Следовательно, мы вновь сталкиваемся с ненаучным подходом. Да и о какой научности можно говорить, если, скажем, Загладин в трех одновременно выходявших учебниках сообщает, что доля России в мировом промышленном производстве к 1913 г. составляла 5,3⁴¹, 6⁴² и 8,2 %⁴³?

³⁸ Долуцкий И. И. Отечественная история. XX в. 10–11-й классы. Ч. 1. М.: Мнемозина, 2003. С. 125–126.

³⁹ См.: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 317; Емец В. А. Очерки внешней политики России. 1914–1917. М., 1977. С. 341–343.

⁴⁰ Загладин Н. В. История России и мира в XX веке. С. 90.

⁴¹ История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 12.

⁴² Загладин Н. В. Всемирная история. XX век. 11-й класс. С. 38.

⁴³ Загладин Н. В. История России и мира в XX веке. С. 69.

Мой вывод полезно оспорить, но, кажется, «идеологическая и воспитательная направленность» современных пособий мало отличается от направленности советских времен. Бесспорно, изменения в текстах учебников произошли. Кто бы допустил в брежневские времена такую крамолу: «В апреле 1918 г. японцы высадились во Владивостоке, вслед за ними... туда прибыли американские войска. Намерения японцев изначально носили экспансионистский характер, но присутствие американских войск первое время сдерживало их действия?»⁴⁴. Но подобные малозаметные и редко встречающиеся «моменты» ничего не меняют, не так ли?

Межвоенный период. Изменения куда очевиднее на страницах, посвященных 20–30-м годам. Впрочем, в некоторых учебниках два десятилетия вынужденно занимают не более двух страниц, на которых в немногих словах сказано об эпохе процветания (просперити), 1929 г., и «новом курсе» Ф.Д. Рузвельта. Действия последнего оцениваются достаточно высоко: «Активное вмешательство государства в экономику, регламентация производства помогли вывести страну из депрессии, избежать социального взрыва». Прорехи авторского текста в новейших учебниках можно залатать с помощью документов ⁴⁵.

Важно подчеркнуть, что теперь ограниченность учебного времени заставляет авторов группировать страны, искать обобщающие характеристики, что дает возможность рассказать не только о процессах, но и о людях. Так, Алексашкина, Загладин и Кредер помещают США не просто среди «стран Запада», как авторский коллектив Сороко-Цюпы, но в ряд демократий Запада, либеральных демократий, обеспечивших демократический выход из кризиса, доказавших, что «демократия в условиях экономического кризиса вовсе не обречена», нашедших не только выход из трудностей, но и «способы углубления демократии»⁴⁶. Попадают и такие выводы: в 30-е гг. в США «капитализм был ограничен и

⁴⁴ Шестаков В. А. История России XX – начало XXI века. 11-й класс. М. : Просвещение, 2007. С. 122.

⁴⁵ Алексашкина Л. Н. Указ. соч. С. 76, 79–80.

⁴⁶ Кредер А. А. Указ. соч. С. 130.

подчинен государству», «финансовый капитал... поставлен под контроль государства», «революция уже не грозила Америке»⁴⁷.

Впервые в нашей учебной литературе показано, что кризис 1929–1933 гг. имел под собой основу более глубокую, нежели обычное перепроизводство. Речь идет о специфике длинных волн, открытой и проанализированной Н.Д. Кондратьевым. Наконец-то в учебниках появился Дж.М. Кейнс. Находится даже несколько добрых слов о президенте Г. Гувере. Но подлинным героем становится президент Ф.Д. Рузвельт, сыгравший «исключительную роль в истории США», правильно понявший свою миссию, проявивший американский размах, личную смелость и решительность⁴⁸. Ни об одном историческом персонаже XX в. так не писали наши учебники. Теперь президента можно «с полным основанием» ставить «в один ряд» с Дж. Вашингтоном и А. Линкольном. Почему? Потому что политика «нового курса» «стала первым опытом создания основ системы социально ориентированной рыночной экономики, применения методов ее государственного регулирования, ставших моделью для подражания во многих странах в послевоенные годы»⁴⁹. Ф.Д. Рузвельт не просто опередил время. В «1936 г. Ф. Рузвельта вновь поддержало большинство избирателей, составивших как бы *Народный фронт*, противостоящий правым»⁵⁰. Напомню: политика Народного фронта считалась в советской историографии высшей и самой прогрессивной формой борьбы с фашизмом. В любом случае, президент предотвратил «раскол общества на враждующие группировки», а страна под его руководством «значительно продвинулась в создании модели государственного устройства, которая гарантировала бы общество от социальных потрясений, обеспечивая повышение качества жизни народа при сохранении и развитии демократических институтов»⁵¹.

⁴⁷ Шубин А. В. Новейшая история зарубежных стран. 9-й класс. М. : Дрофа, 2000. С. 74, 75.

⁴⁸ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 93–94, 100, 101.

⁴⁹ Загладин Н. В. Всемирная история. XX век. 11-й класс. С. 91, 92.

⁵⁰ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 103.

⁵¹ Улунян А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 133, 136.

Даже внешнеполитическая активность (или бездействие) США теперь не вызывают раздражения. Ныне в учебниках по отечественной истории в 1920–1930-е гг. США уже не стоят коварно за спиной у Англии и Франции, американские правящие круги не поощряют молчаливо сделки с агрессором, не подталкивают его близоруко на Восток. Хитроумные американцы вообще исчезли из соответствующих глав. Зато на страницах пособий по зарубежной истории чего только не встретишь...

Тут США и «другие члены Антанты», стремясь «не допустить захвата складов большевиками» и немцами (это – склады с огромными запасами вооружений и продовольствия, поступившими в Россию из-за рубежа), «обеспечить победу Белому движению», выступают «против правительства В.И. Ленина». Кстати, только начав защищать склады, «союзники могли начать обсуждение повестки дня будущей международной конференции». Тут и стремление США создать Лигу Наций, чтобы «осуществлять миротворческие функции без значительных финансовых затрат»⁵². Тут и зачисление США с Японией в одну группу «новых претендентов на влияние на Дальнем Востоке». Тут и брошенное между делом: В. Вильсон предлагал «14 пунктов» – свою программу «устройства международной жизни в соответствии с демократическими принципами», а «Ж. Клемансо преследовал более практические задачи»⁵³. Однако...

«Американская дипломатия пыталась помешать» новому переделу мира и выдвинула «идею утверждения нового международного порядка, основанного на правовых нормах»⁵⁴. «Программа Вильсона» «противопоставлялась призывам большевиков превратить империалистическую войну в гражданскую»⁵⁵. «В противовес сторонникам «реальной политики» Вильсон считал необхо-

⁵² Улуян А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 87–89.

⁵³ Алексашкина Л. Н. Указ. соч. С. 67, 65.

⁵⁴ Загладин Н. В. История России и мира. С. 104 ; см. также: Загладин Н. В. Всемирная история. С. 124–130 с подробной биографией В. Вильсона и цитатами из Устава Лиги Наций.

⁵⁵ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 63–64.

димым придать международным отношениям моральный характер. Его идеи, без сомнения, были новым словом в мировой политике». «Предложения Вильсона были близки многим из тех, кто хотел создать более справедливый и демократический порядок, исключая повторение мировой бойни». Но президент потерпел поражение не только в Версале, но и в самих США⁵⁶. Жаль, конечно, что никто из авторов не довел свои рассуждения до конца и не связал неустойчивость Версальско-Вашингтонской системы с отказом от плана Вильсона. Тем не менее признается, что США не только «больше всего» выиграли от Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., не только сумели «ограничить аппетиты японцев» и одновременно подготовить «почву для развития новых конфликтов» вроде «американо-японского соперничества на Тихом океане»⁵⁷. В учебнике А.А. Кредера говорилось даже, что «договор» пяти – «первое в истории международных отношений соглашение, ограничивающее гонку вооружений»⁵⁸. Легко догадаться, чем этот учебник досадил отечественным «ястребам».

Критики учебника Кредера предпочитали не замечать его жестких оценок. Интервенция США в Мексику в 1917 г. как будто бы уравнивалась констатацией: при Ф.Д. Рузвельте США перешли в Латинской Америке к политике «добраго соседа», стали делать «большой упор на развитие равноправного сотрудничества», «обещали не предпринимать интервенций», вывести войска. Но однозначно негативно мнение в отношении политики невмешательства и изоляционизма. Нейтралитет Запада (включавшего и США) в случаях итальянской агрессии против Эфиопии, германо-итальянской помощи Ф. Франко, эмбарго на продажу оружия ставили «агрессора и жертву на одну доску». Более того, закон 1935 г. о нейтралитете «даже не проводил различия между агрессором и жертвой, так велико было стремление американцев избежать возможности быть втянутыми в войну. Самая богатая

⁵⁶ Кредер А. А. Указ. соч. С. 58, 62.

⁵⁷ Улунян А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 91.

⁵⁸ Кредер А. А. Указ. соч. С. 64.

страна мира с колоссальными ресурсами и способностями влиять на мировые события как бы выпала из международной политики. Это резко увеличивало шансы агрессоров на успех». «Мюнхен стал поражением Англии и Франции и приблизил начало войны»⁵⁹. На этом фоне мягко звучит упрек: «во внешней политике США почти до самой войны имела место известная «безучастность» к фактам агрессии Германии и Японии», «изоляционизм оставался определяющим курсом». «Впоследствии Рузвельт признал, что закон о нейтралитете был ошибкой, поскольку послужил вольно или невольно на пользу агрессорам». При этом «гибкие формы экспансии» США в Латинской Америке явились «важным положительным сдвигом в международных отношениях»⁶⁰. Уточнение Загладина показывает, что не все так просто: «Англия, Франция и США столкнулись с ситуацией, когда перед Испанией открывались перспективы либо большевизации, либо фашизации, предполагавшие превращение этой страны в союзника или СССР, или Германии. В этих условиях правящие круги стран демократии предпочли проводить политику невмешательства»⁶¹.

Почему же возмущение российских «просветителей» вызвали не эти мнения, а точка зрения Кредера? Дело в том, что полицейское государство в современной его разновидности⁶² допускает некоторое разнообразие в отношении малозначимых для него проблем вроде позиции США 70-летней давности. Когда же авторы затрагивают политику *своего* государства в конце 1930-х, то

⁵⁹ Кредер А. А. Указ. соч. С. 132–134, 144, 128, 147, 150.

⁶⁰ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 103–104, 135.

⁶¹ Загладин Н. В. Всемирная история. XX век. 11-й класс. С. 143.

⁶² При всех оговорках я считаю данное понятие правомерным для характеристики современного политического режима в России. Об этом подробнее см.: Долуцкий И. И., Ворожейкина Т. Е. Указ. соч. Об этом также см.: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение: «ВЦИОМ-А», 2004; статьи Б. Дубина в «Вестнике общественного мнения», напр.: Дубин Б. Масса и власть: коллективный образ социума и проблемы его репродукции // Вестник общественного мнения. 2007. № 2 (88); его же. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре в современной России // Там же. № 1 (81) и др.

делают все, чтобы не говорить правду. Можно ли в начале третьего тысячелетия рассуждать о научности фразы: подписав договор с Германией в августе 1939 г., «Советский Союз, оказавшийся в определенной международной изоляции, отодвигал на время угрозу германского нападения»? И это при том, что Англия и Франция в Мюнхене не просто «смирились с уже свершившимся фактом агрессии», но «поддержали предстоящее расчленение Чехословакии»⁶³. Оказывается, западные «лидеры верили в силу подписи на бумаге. Но они же сами и нарушали международное право, помогая душить Испанскую республику и предавая Чехословакию». Это они, «разрушив международное право», «открыли дорогу... праву силы, за которое ратовал Гитлер». А СССР хотя и «делил Европу на сферы влияния» с Германией, вероятно, никаких прав не нарушал, так как «собирался вернуть почти все территории, которые некогда входили в состав Российской империи». Короче, в тех условиях Сталин предпочел договориться с Гитлером и конфликт с фашизмом прекратить⁶⁴. А если совсем коротко, то «СССР был вынужден пойти на союз с главным агрессором – фашистской Германией»⁶⁵. Получается, что «у советского руководства не было другого выхода»⁶⁶.

Так даже лучше, чем при «советской власти»! Запад европейский при поощрении изолированного Запада американского нас буквально заставил. Отдельные авторские коллективы так и формулируют: СССР повернул «на тот же мюнхенский курс “умиротворения” Германии, который проводился до этого Англией и Францией при нейтралитете США»⁶⁷.

Но постойте, господа! Даже дети в школе и некоторые взрослые за ее стенами понимают, что *мюнхенский* курс вовсе не вел к разделу сфер влияния, а британцы с французами, тем паче – аме-

⁶³ Алексашкина Л. Н. Указ. соч. С. 122, 119.

⁶⁴ Шубин А. В. Указ. соч. С. 96–99.

⁶⁵ История России XX – начало XXI века. 9-й класс / А. А. Данилов и др. М.: Просвещение, 2006. С. 203.

⁶⁶ История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 209.

⁶⁷ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 145.

риканцы никаких приращений от негоций с немцами не получали, с агрессором союзов не имели. Поэтому куда корректнее вывод: «Сталин, пытаясь избежать мнимой опасности, превратил СССР в соучастника очередной перекройки карты Восточной Европы. Непосредственным итогом подписания [договоров с Германией] стало принятие Гитлером окончательного решения напасть на Польшу... Началась Вторая мировая война»⁶⁸.

Вторая мировая война. Победа (наряду с освоением космоса) единственное, чем «мы можем гордиться» в XX веке. Миф о *Нашей* Великой Победе в *Нашей* Великой войне – ключевой миф современного российского исторического сознания. Он позволяет оправдывать все, что сотворили в 30-е гг., и все, что происходило почти 30 лет спустя. Поэтому и Власть и поддерживающий ее народ готовы пойти на все ради сохранения этого наркотика, смягчающего историческую травму, нанесенную перестройкой. Правда им не требуется. Поэтому отвергаются любые попытки нефальсифицированного освещения войны в школьных учебниках.

Конечно, той фальсификации, к которой прибегали академики кукушкины, ныне не встретишь. Да и то сказать, когда советские авторы усеченно цитировали Г. Трумэна (см. выше), то они все-таки понимали, что сенатор сказал больше: «... хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах». И саму цитату можно было полностью прочесть в официальной (и до сих пор единственной) 12-томной *«Истории Второй мировой войны. 1939–1945»*, полной искажений и умолчаний⁶⁹. Но схема фальсификации, созданная еще в «хрущевской» 6-томной *«Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945»*, воспроизводится и в XXI в. Схема выглядела так. То же мнение Трумэна не просто приводится на с. 26–27 второго, «хрущевского», тома в усеченном виде, но дана ссылка на «Нью-Йорк Таймс» за 24 июня 1941 г. и даже помещена «фотокопия части статьи с заявлением» сенатора. Кто знает английский язык, легко убедится, что будущий президент

⁶⁸ Кредер А. А. Указ. соч. С. 156–157.

⁶⁹ История Второй мировой войны. 1939–1945 : в 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 34.

«цинично» «выболтал» «политическую и военную стратегию американских и английских правящих кругов» (пользуюсь словарем издания). Правда, «фотокопия» как-то странно разорвана на самом интересном месте и конец фразы отсутствует. Это и понятно: в Советском Союзе ничего нельзя было цинично выбалтывать. «Правда», «Правда», ничего кроме «Правды»! А что у нас в России?

Следует иметь в виду, что учебники обязаны, по замыслу Государства, руководители которого когда-то учились по скрижальям Кима и Кукушкина, иллюстрировать верность немногих постулатов. Война доказала прочность и превосходство нашей Системы. В 1930-е гг. была создана экономическая база, без всякого импорта обеспечивавшая страну всем необходимым. Мы не просто *могли* победить в одиночку, но и на самом деле *выиграли* одни. Восточный фронт был первым и главным. В результате нашей Победы СССР превратился во вторую сверхдержаву. Подчеркну: речь в учебниках должна, по государственным предписаниям, вестись не об интерпретациях или рассмотрении истории, а о подтверждении выводов, ныне считающихся Властью по каким-то причинам именно ей необходимыми. Поэтому авторы, проходящие государственную цензуру, печатающиеся в государственных издательствах, выполняющие государственный заказ, сознательно искажают или утаивают факты.

Рассмотрим лишь два из ключевых аспектов, связанных с изображением роли и места США в мировой войне: «второй фронт» и помощь по ленд-лизу. Академический учебник А.А. Улуяна и Е.Ю. Сергеева, подготовленный под эгидой Российской академии наук и Российской академии образования и под общей редакцией академика А.О. Чубарьяна⁷⁰, однозначно признает: «Для Советского Союза, а также вскоре образовавшейся Антигитлеровской коалиции», в «ядро которой» входили кроме СССР еще США, Великобритания, «патриотические силы Франции», «война носила освободительный характер»⁷¹. Если вы не замети-

⁷⁰ «Академический учебник» – название образовательного проекта.

⁷¹ Улуян А. А, Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 165, 167.

ли подмены, мне вас искренне жаль. Дети же вообще не могут заметить неакадемического передергивания. Откуда им, например, знать, что советско-финляндская война началась, мягко говоря, не совсем из-за того, что Сталин хотел с финнами поменяться территориями, а упрямцы заартачились? Впрочем, обнадежили авторы, СССР все равно своих целей добился.

В этой ауре обратимся с севера на запад. Схема, в которую укладывается несыгранная в сражениях роль Англии – США, чрезвычайно проста. **1940 г.** представлен в нескольких словах и фразах: союзники «фактически бездействовали», «затишье», «мирная идиллия», немцы «перешли в наступление», «нанесли удар», «окружили», «оккупировали». И хотя «английский флот не позволял», а немцы обратились «к использованию авиации», «прямого масштабного столкновения британских и германских военных сил в Европе пока не было. Война шла на колониальной периферии – в Северной и Восточной Африке». Впрочем, «США оказывали серьезную техническую помощь Великобритании»⁷². Действительно, странная война. Ее нелепость не теряется от того, что Сороко-Цюпа «пожертвовал» шесть строк, а Загладин и Кредер – пять-шесть страниц. При этом, однако, второй признает, что перед Гитлером «возникла опасная перспектива затяжной войны с сильным и неуязвимым» противником – «Англией, поддерживаемой США», которые «играли роль невоюющего союзника Великобритании»⁷³. Третий же (и единственный!) уточняет: «Англия выстояла» в воздушной битве, которая стала первой победой в борьбе с Гитлером, а США по призыву Рузвельта стали быстро превращаться в «арсенал демократии»⁷⁴. Правда, есть мнение, что «к лету 1941 г. “европейскую войну” можно было считать завершенной»⁷⁵. Но, думаю, ни Черчилль с Рузвельтом, ни Гитлер со Сталиным об этом не догадывались.

⁷² Улуян А. А, Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 168–169.

⁷³ Загладин Н. В. История России и мира. С. 188 ; его же. Всемирная история. XX век. 11-й класс. С. 155.

⁷⁴ Кредер А. А. Указ. соч. С. 166–167.

⁷⁵ Алексашкина Л. Н. Указ. соч. С. 129.

А тут и лето **1941-го** настало. Стоило вермахту «вероломно» и «внезапно» пересечь советскую границу, как Восточный фронт во всех учебниках стал главным, оформилась Антигитлеровская коалиция, а война с ее стороны приобрела однозначно освободительный характер. Очень оригинально, в трактовке некоторых авторов российских учебников, «вступили в войну» США. Победа Красной Армии под Москвой привела к тому, что «Япония и Турция окончательно отказались от вступления в войну на стороне Германии»⁷⁶. Перечитайте еще раз эти чеканные слова. А вот и нюансы в другом учебнике: «Союзники Германии – Турция и Япония – воздержались от вступления в войну против СССР»⁷⁷. Или третий вариант: «Неудача гитлеровского наступления под Москвой окончательно убедила руководство Японии в том, что вести военные действия против СССР опасно... Японцы решили нанести удар по США, которые мешали Японии захватить Азию»⁷⁸. Наконец, так: «Провал наступления на Москву предотвратил вступление в войну на стороне Германии Японии и Турции. Победа Красной Армии подтолкнула США и Англию к созданию Антигитлеровской коалиции»⁷⁹. Должен признаться: в советской школе в конце 1960-х меня учили тому же. Правда, не совсем ясно, на чьей же стороне Япония. Но сегодня уже допускается и иная точка зрения. Сороко-Цюпа, Улуныян и Сергеев в своих учебниках напоминают общеизвестное: Япония еще в июле 41-го выбрала «южный вариант». Кредер уточнял: «Успехи Германии убедили Японию в том, что разгром СССР – дело обеспеченное. Теперь можно было сосредоточиться... против США и Великобритании»⁸⁰.

В **1942–1943 гг.**, когда «на Восточном фронте шли бои, имевшие стратегическое значение», «западные союзники наносили

⁷⁶ История России. XX – начало XXI века. 9-й класс. С. 215.

⁷⁷ Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. История России. XX – начало XXI века. 11-й кл. М. : Просвещение, 2003. С. 237.

⁷⁸ Шубин А. В. Указ. соч. С. 112.

⁷⁹ Шестаков В. А. Указ. соч. С. 236.

⁸⁰ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 168 ; Улуныян А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 172 ; Кредер А. А. Указ. соч. С. 171.

удары» «в Северной Африке» и Италии, что порой заставляло немцев «держат там свои силы, необходимые им на Восточном фронте». Японцы же «вели масштабную морскую и воздушную войну с американцами и англичанами»⁸¹. Но в целом «правлящие круги Англии и США не выполнили» своих обещаний «об открытии второго фронта против фашистской Германии в Западной Европе». «Их активность ограничивалась в основном периферией театра военных действий»⁸². Заметьте: «театр» вообще был один. А чтобы не рождалось сомнений, кое-кто уточняет: «второй фронт» понимается «как высадка союзников во Франции»⁸³. Вот чего «советское руководство ждало»⁸⁴. И не дождалось! «Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, Германия перебросила на Восточный фронт свежие дивизии» с Запада и развернула против СССР основные силы и новое наступление весной 1942 и летом 1943 года ⁸⁵.

Поэтому ни Атлантика, ни Тихий океан, ни Азия, ни Африка, ни Италия не только не второй фронт, но и Балканы, Апеннины, юг Франции, Ла-Манш, Северное море и небо над Британией и Германией – не Европа. Таким образом, получается, что уже к началу 1943 г. *мы* «окончательно» избавили «Англию от угрозы вторжения на Британские острова», а летом поняли, «что Красная Армия может и собственными силами сломить военную машину Германии»⁸⁶. Жаль, Гитлер об этом не знал – он бы застрелился раньше. И не вполне понятно, почему же Сталин и в Тегеране все настаивал на «втором фронте»?

1944-й г., напоминает коллектив А. А. Данилова, подарил миру «десять сталинских ударов» (заметьте – кавычки не обрамляют прилагательное). Тут уж, «когда стало ясно, что

⁸¹ Улунян А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 173–174.

⁸² Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Указ. соч. С. 256.

⁸³ Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век. 11-й класс. М. : Дрофа, 2002. С. 259.

⁸⁴ История России. XX – начало XXI века. 9-й класс. С. 236.

⁸⁵ Шестаков В. А. Указ. соч. С. 236–237 ; Загладин Н. В. История России и мира. С. 208, 215.

⁸⁶ Загладин Н. В. История России и мира. С. 210, 218.

СССР может и самостоятельно завершить разгром Германии, открытие второго фронта в Европе против Гитлера стало необходимым союзникам для того, чтобы, по словам Черчилля, «не пустить Красную Армию» в Восточную Европу. Правда, в том же учебнике приводится интересная деталь: «Сталин во время войны не исключал возможности “дойти до Парижа”»⁸⁷. Вроде бы получается, что Черчилль не зря беспокоился о Европе? Сороко-Цюпа уточняет, что союзники «решили не откладывать открытие второго фронта», считая, что «в противном случае Советский Союз сможет своими собственными силами освободить всю Европу, и она окажется под властью коммунистов»⁸⁸. Но без сталинских рассуждений кажется, что союзники вновь проявили свою корыстную сущность. Окончательный вердикт: «политические соображения Черчилля противоречили военной логике»⁸⁹. Можно подумать, что Сталин всю войну руководствовался исключительно военной логикой. А вот, допустим, в Польше?

При этом из контекста наших учебников следует, что летом сначала разворачивалась операция «Багратион» в Белоруссии, а затем произошла высадка в Нормандии⁹⁰. Самая доходчивая формулировка: «Используя отвлечение основных сил и внимание командования вермахта к Восточному фронту... англо-американские войска начали высадку в Нормандии...»⁹¹. Лишь в одном учебнике сказано, что «в октябре 1944 г. произошло крупнейшее в истории всех войн... морское сражение при острове Лейте», в результате которого США завоевали «полное господство на море и в воздухе». Впрочем, тут же воспроизводится миф о том, что союзники «считали, что война против Японии продлится еще долго, и поэтому добивались вступления в войну» СССР⁹².

⁸⁷ Шестаков В. А. Указ. соч. С. 248, 255.

⁸⁸ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 174–175.

⁸⁹ Шубин А. В. Указ. соч. С. 122.

⁹⁰ См., напр.: Островский В. П., Уткин А. И. Указ. соч. С. 283.

⁹¹ Загладин Н. В. История России и мира. С. 221.

⁹² Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 182–183.

Изложение истории 1945 г. начинается тоже мифом. Даже Кредер поминает «просьбу Черчилля», якобы заставившую Сталина начать Висло-Одерскую операцию раньше срока ради помощи союзникам (нас так самих учили 40 лет назад). Вот как они плохо воевали, думают дети! Ясное дело: «советско-германский... фронт оставался главным фронтом Второй мировой войны» и в последние ее годы⁹³. А потом эта роль перешла к советско-японскому фронту. И пошли сплошные чудеса. Собирались американцы воевать и до 1947-го. А мы за неделю Японию разбили и решили исход войны на Дальнем Востоке⁹⁴. И атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки американцами тут ни при чем. «Погибло более 200 тыс. человек, в основном – мирные жители», но двух-то бомб «было явно недостаточно для победы над японцами»⁹⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что, ни один из российских авторов не называет ныне уничтожение мирных городов с жителями преступлением. Оно и понятно после дважды уничтоженного Грозного. Конечно, есть и другие новые оттенки. Допускается осторожное замечание: «Атомная бомбардировка и вступление СССР в войну вынудили Японию признать свое поражение»⁹⁶. Но разве это что-то меняет принципиально?

По-моему, в начале третьего тысячелетия нелепо заниматься обучением детей по советским принципам воспитания патриотизма. Поиски «главного фронта» мировой войны заводят в тупик. Нужен иной подход, иной принцип «организации текста». Моя точка зрения подробно изложена в учебниках, лишенных грифа Министерства образования⁹⁷. Прочитав строки, вызвавшие особое раздражение министерства образования, своими решени-

⁹³ История России. XX – начало XXI века. 9-й класс. С. 247.

⁹⁴ Там же. С. 250 ; Улурия А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 179–180.

⁹⁵ Шубин А. В. Указ. соч. С. 129.

⁹⁶ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 184.

⁹⁷ Долуцкий И. И. Отечественная история. XX век. Ч. II. М. : Мнемозина, 1996. С. 7–171 ; его же. Отечественная история. Ч. 2. М. : Мнемозина, 2003. С. 6–60 ; см. также: Долуцкий И. И., Журавлева В. И. Всемирная история XX века. Ч. 1. М. : РГГУ, 2002. С. 450–525.

ями напоминающего мне порой министерство помрачения русского писателя-сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина:

Не забывай: Отечественная война – часть Второй мировой... шло глобальное противоборство двух коалиций. **Согласись**, что, когда в 1941–1942 гг. Сталин требовал открытия второго фронта, он игнорировал тот факт, что весной 1940 г. Запад выставил против Германии 3 млн солдат, 3,5 тыс. танков, 3 тыс. самолетов. **Вспомни** позицию СССР в то время и **учти**: разбитые армии в одночасье не восстанавливаются. Из-за нашего «нейтралитета» Гитлер занял всю Европу. Тем не менее Англия и США воевали с фашистской коалицией на других театрах военных действий... **Не забудь** о войне на море ⁹⁸.

Наивно полагать, что авторы современных пособий что-то не прочли, чего-то не знают. Дело не в знаниях, а в оценках. Известно: при вторжении во Францию люфтваффе выставили 3,6 тыс. боевых самолетов, против Великобритании – 3,1, а против СССР летом 41-го – всего лишь 2,3 тысячи. За два года войны на Западе, которую наши учебники в расчет не принимают, люфтваффе потеряли безвозвратно 13,5 тыс. летчиков. Кроме того, к 22 июня 41-го на иных ТВД немцы держали до 40 % авиавции. В результате боеготовых германских экипажей на Восточном фронте оказалось как минимум в четыре раза меньше, чем «сталинских соколов». И какой отсюда следует вывод? А почему бы не назвать потери и вспомнить сражения на морях и океанах? Да, кое-где война порой странная. Но не в небесах и на море. В любом случае получается: СССР летом 1941 г. стал «вторым фронтом», да и то против своей воли. (Кстати, это знание утаивают от детей. Интересно, а почему?)

Авторы наших учебников любят выстраивать таблицы распределения **сухопутных** сил по ТВД, доказывая, что в 1941 и 1943 гг. на Востоке воюет две трети вермахта, в 1942 – три четверти, в 1944 – половина и даже в 1945 г. – до 60 %. Однако простое сопоставле-

⁹⁸ Долуцкий И. И. Отечественная история. Ч. 2. М., 2003. С. 29.

ние событий заставляет детей задуматься. Легко видеть: лишь после того, как немцы оставили на Востоке половину своих сухопутных сил, а по авиации – не более трети, Красная Армия смогла перейти в решительное общее контрнаступление. Поэтому, кстати, и затеяна авторами учебников игра с датами лета 1944 года.

Проанализировав эти и иные факты, я пришел в своих учебниках к следующему выводу: без *военной помощи* союзников Красная Армия была в состоянии отступить, обороняться или контратаковать, но никак не смогла бы в одиночку перейти в решающее наступление и выиграть войну. Чтобы доказать обратное, в российских учебниках приводятся фальсифицированные данные о потерях Германии на Востоке. Но сегодня эта сталинско-брежневская ложь легко рушится. Простой пример. Бойцы идеологического фронта и сегодня настаивают: один только наш Балтийский флот уничтожил 660 кораблей и судов противника, включая линкоры, массу крейсеров, эсминцев и подлодок. На деле же три флота – Балтийский, Северный и Черноморский сумели потопить 150 кораблей и судов, среди которых преобладают такие мощные плавсредства, как землечерпалки, шхуны, баржи. Естественно, Государство не может гордиться *этими* успехами.

Некоторые авторы учебников еще *недавно* были готовы признать существенную роль союзников СССР в войне на разных европейских театрах военных действий. «Кроме того, союзники вынесли основную тяжесть войны на Тихом океане». А «большая часть сухопутных сил Японии была скована Китаем»⁹⁹. Правда, мнение японской историографии о том, что к началу 1945-го Япония уже была фактически побежденной страной, или руководства США (президента, госсекретаря и военного министра), весной 1945-го понявшего, что прекрасно обойдется без «русских», и стремившегося затянуть, а лучше отложить их вступление в войну с Японией, можно найти в nereкомендованных учебниках. Что не мешает задаваться и вопросом о преступности решения Трумэна об атомной бомбардировке¹⁰⁰.

⁹⁹ Загладин Н. В. Всемирная история. XX век. 11-й класс. С. 165.

¹⁰⁰ Долоцкий И. И., Журавлева В. И. Указ. соч. С. 515–516, 520–521 ; Долоцкий И. И. Отечественная история. XX век. Ч. II. М., 1996. С. 159–160.

В *современной* России звучат иные мелодии. Повторяя буквально и порой дословно предвыборное выступление Сталина в феврале 1946 г., ведущие авторские коллективы формулируют «причины Победы» примерно так: «эффективность действия советского аппарата власти», централизованная система «управления обществом», «Советский Союз сумел одержать... экономическую победу» и т. п.¹⁰¹ Короче, как говаривал «дядя Джо», победил наш советский, государственный, общественный, политический и экономический строй.

По-сталински дается ответ и на важнейший вопрос об *экономической помощи*.

По утверждению еще И.В. Сталиным и Н.А. Вознесенским мнению, поставки по ленд-лизу составили 4 % *промышленного* производства СССР в годы войны. Эта цифра повторяется во всех ныне действующих учебниках. Однако авторский коллектив под руководством А.О. Чубарьяна вносит важное уточнение: «Теперь историки согласны с тем, что помощь по ленд-лизу составляла 10 % от общего советского производства, что вносило немалый вклад в общую победу». Правда, не совсем понятно, что это за показатель – «*общий уровень советского производства*»¹⁰². Появился и более хитрый показатель – «4 % от затрат СССР на ведение военных действий»¹⁰³. А в других учебниках вообще ничего «не появилось», как в учебнике Алексашкиной. Ничего не удалось мне найти и в учебнике Данилова.

Очень редко попадаете детализация ленд-лиза и еще реже – его сравнение с советским производством соответствующей продукции. Но даже редчайшие попытки неполного перечисления выглядят столь внушительно, что приходится признать – «по отдельным видам цифры весьма впечатляющи»¹⁰⁴. Обычно упоминаются самолеты, танки, грузовики и продовольствие. Иногда – «много промышленного оборудования, сырья»¹⁰⁵. Лишь однажды

¹⁰¹ История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 259.

¹⁰² Отечественная история XX – начало XXI в. 11-й класс. С. 167–168.

¹⁰³ Улунян А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 188.

¹⁰⁴ Шестаков В. А. Указ. соч. С. 232 ; Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Указ. соч. С. 255.

¹⁰⁵ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 172.

употреблена такая оценка помощи, как «жизненно важная для» СССР ¹⁰⁶. Акцент делается на иное: «график поставок нередко срывался»¹⁰⁷. Трагедия конвоя PQ-17, как и потери прочих конвоев скрыты в тумане истории. Стоит его чуть-чуть развеять, и выясняется, что только к лету 42-го прибыло в СССР 3,3 тыс. самолетов и 4,7 тыс. танков. Написать, что эти поставки «сыграли заметную роль в переломный период войны»¹⁰⁸ мало. Потому что на вооружении Красной Армии к январю 42-го состояло 7,7 тыс. танков и 12 тыс. боевых самолетов. И даже если годовые потери (15 тыс. танков и 12 тыс. самолетов) исчислять за первое и второе полугодие 1942 г. поровну, то можно сделать ненужные для отечественной школы выводы ¹⁰⁹.

Но с ленд-лизом авторы учебников поступают так же, как и с высказыванием Трумэна. Что такое 15 млн пар *союзнической* кожаной обуви по сравнению с 0,7 млн пар лаптей, сплетенных *колхозной* деревней? Что такое почти 45 тыс. высокоточных металлорежущих станков, полученных по ленд-лизу, по сравнению со 115 тыс. советских нережущих? Треть израсходованной Красной Армией взрывчатки – поставки союзников, треть ее машин – союзнические.

Ученым доступны западные работы ¹¹⁰. Простой учитель может разыскать необходимые (детализированные) данные ¹¹¹. Сошлюсь на итоговые выводы. Чистый импорт в 1942 г. составил 5 % от ВВП СССР, в следующие два года – по 10 % ¹¹². При

¹⁰⁶ Кредер А. А. Указ. соч. С. 175.

¹⁰⁷ История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 243.

¹⁰⁸ Загладин Н.В. История России и мира. С. 206.

¹⁰⁹ Цифры потерь и наличия: Россия и СССР в войнах XX века. М. : Олма-Пресс, 2001. С. 475.

¹¹⁰ См., например: Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment and the Defense Burden 1940–1945. Cambridge, 1996.

¹¹¹ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб. : Алетейя, 1998. С. 160–190. Борис Вадимович достаточно критически пользуется более ранним исследованием Харрисона.

¹¹² Есть и более «пессимистические» оценки вплоть до 20 %: Кудряшов Н. Ленд-лиз, или Сделка с «красным колоссом» // Сегодня. 1995. 28 апр.

этом никакого экономического соревнования у Германии СССР просто не мог выиграть: наш ВВП в 1941–1944 гг. был ниже германского, лишь почти сравнявшись с ним в 44-м как раз благодаря поставкам. Влияние же войны «на советскую экономику больше соответствовало опыту побежденных стран, нежели опыту победителей»¹¹³. Соколов подводит итог: ленд-лиз – «решающий фактор в способности СССР продолжать войну», «без западных поставок» он «не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже не был в состоянии противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и... техники и обеспечить его горючим и боеприпасами»¹¹⁴. Если привести сравнительные данные, разнообразные оценки помощи и советского военного производства, то можно, не навязывая читателям своего мнения, организовать аналитическую работу по учебнику, не забывая, что перед войной наша «Система» переживала жесточайший кризис¹¹⁵. Все остальные варианты ориентированы на однозначное усвоение санкционированной Властью уверенности в превосходстве СССР.

Война холодная и не очень. В полном соответствии с указаниями товарища Сталина, предписывающими считать, что из войны СССР вышел еще более окрепшим, некоторые авторы утверждают, что в результате Победы СССР «стал одной из двух сверхдержав»¹¹⁶. А поскольку, как мы убедились (во всяком случае, в этом стремятся убедить детей), Победа была достигнута вопреки проискам коварного Черчилля, корысти и расчету правящих кругов США и медлительности Рузвельта, вразрез надеждам Трумэна поделить с СССР послевоенный мир¹¹⁷ неизбежным становилось противостояние двух сверхдержав.

¹¹³ Harrison M. Accounting for War. P. 110, 124, 167.

¹¹⁴ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 163, 181.

¹¹⁵ Долуцкий И. И. Отечественная история. Ч. 2. 2003. С. 36–38, 9–10.

¹¹⁶ История России. XX – начало XXI века. 9-й класс. С. 250 ; Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 185.

¹¹⁷ О последнем повествует А.В. Шубин на с. 129 своего учебника.

Учебники Кредера и мои, написанные в середине 90-х, были первыми, из которых следовало: при обоюдной ответственности СССР и США за втягивание мира в «холодную войну» в большинстве случаев инициатива исходила от СССР, порождая ответную реакцию Запада. Мы никого не оправдывали, а пытались разобраться, задавая читателям вопросы, приводя документы. Хотя документов не хватало, но и они давали возможность предположить: «Все благоприятствовало установлению полного контроля Сталина над Европой, если бы он пожелал этого»¹¹⁸. Или: «В феврале 1951 г. ООН объявила Китай агрессором. Сталин разыгрывал беспроигрышный вариант: ядерная война на Дальнем Востоке развяжет ему руки в Европе, куда американцы не сунутся, застряв в Корее; стоит Трумэну “бросить бомбу” на Китай, и в ответ можно двинуть дивизии до Атлантики»¹¹⁹.

Сегодня в целом отечественные учебники согласны: «Две великие державы приняли на вооружение концепции двухполюсного мира и жесткой конфронтации», при этом «первым актом» «холодной войны» называют атомные бомбардировки Японии, а исходной датой «поворота» – фултонскую речь Черчилля¹²⁰. Конечно, деятельность США и НАТО «была направлена на защиту демократических ценностей и против расширения коммунистического влияния»¹²¹. Но учеников подводят к выводу, сформулированному Г.М. Корниенко: «если, образно говоря, “а” в “холодной войне” было сказано американской стороной, то Сталин не заставил себя долго ждать, чтобы сказать “б”. А дальше логика конфронтации сделала свое дело». Тем более, что читателя уверяют: «Дипломатия Советского Союза проявляла определенную гибкость, искала компромиссные решения спорных вопросов»¹²².

Гибкость авторов такова, что они порой забывают упомянуть блокаду Берлина или даже Корейскую войну, постоянно подчерки-

¹¹⁸ Кредер А. А. Указ. соч. С. 212.

¹¹⁹ Долуцкий И. И. Отечественная история. Ч. II. 1996. С. 230.

¹²⁰ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 192–194.

¹²¹ Улунян А. А., Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 205.

¹²² История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 272, 269.

вают, что США воспользовались отсутствием советского представителя в ООН при решении вопроса об отправке международных сил в Корею. Все еще трудно понять из текстов некоторых учебников, кто же начал там войну и как она проходила. Еще и в 2008 г. можно встретить отважную констатацию: «Трудно выявить меру ответственности государств и отдельных лидеров за столь многоплановый и длительный процесс, каким явилась “холодная война”»¹²³.

Между тем при всех оговорках о «чрезмерных амбициях агрессивных кругов западных государств» во главе с США признается (пока еще в единственном учебнике): Сталин «вынашивал мысль мобилизовать военно-экономическую мощь советского блока для распространения его влияния на новые регионы мира... в январе 1951 г. И.В. Сталин заявил, что существует возможность “установить социализм по всей Европе” в течение “ближайших четырех лет”». США в свою очередь «не скрывали намерений добиться мирового господства». Но делали это как-то странно и скорее пассивно, в любом случае – в ответ: то с помощью сдерживания коммунизма, то посредством его отбрасывания. Оценка плана Маршалла в этой связи примечательна. Он уже не раскалывал Европу (как уверял А.А. Жданов и многие нынешние авторские коллективы), но позволил «за короткие сроки возродить разрушенную экономику западных стран и сформировать там современные рыночные структуры». Масштабы помощи «были колоссальны»¹²⁴. Примечательно, что тем же историкам не пришло в голову обратить внимание на аналогичную колоссальность ленд-лиза.

В любом случае: «Отныне США стали в центр мировой политики», а внутри страны произошел сдвиг вправо. Маккартизм – «уродливое явление» – форма борьбы с инакомыслием, которая появилась в США под влиянием «холодной войны»¹²⁵. «В борьбе с коммунизмом США начали применять методы своего противника»¹²⁶. «Принятые в рамках “нового курса” меры не были отме-

¹²³ Отечественная история XX – начало XXI в. 11-й класс. С. 246.

¹²⁴ Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Указ. соч. С. 260–265.

¹²⁵ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 225–226, 193.

¹²⁶ Кредер А. А. Указ. соч. С. 257.

нены. Государственное вмешательство в экономику и социальные отношения» при Трумэне «расширилось». «Пользовавшийся огромной популярностью, Д. Эйзенхауэр положил конец кампании преследования инакомыслящих», начал налаживать контакты с СССР. «Уровень материального благополучия американцев возрос»¹²⁷. Практически все учебники отмечают успехи борьбы за расовое равноправие и усилия президентов США в борьбе с сегрегацией. 1950-е гг. изображаются как время благополучия, расцвета государства благоденствия и общества потребления. Половина американцев стала средним классом! Америка уже не выглядит страной контрастов и острых социальных противоречий. Ее проблема в том, что она утратила «на время динамизм»¹²⁸.

США второй половины XX в. в российских учебниках не сердце тьмы гнивающего мира, изнывающего под гнетом неразрешимых проблем и конфликтов, а динамично развивающаяся страна, способная справиться с любой проблемой. Запрещены все виды расовой дискриминации, расизм поставлен вне закона. Молодежное движение 1960-х породило 26-ю поправку к Конституции, дающую право голоса с 18 лет. «Большая часть требований массовых движений была удовлетворена»¹²⁹. «Треть семей афро-американцев имела годовой доход выше среднего по стране» в 1990-е годы. Даже борьба президента Л. Джонсона с бедностью и нищетой «принесла значительные плоды»¹³⁰. «Характеристики «общества массового потребления» и социального положения среднестатистического американца впечатляют. В 1980-е гг. в среднем на одного американца приходилось около 48 кв. м полезной жилой площади... в среднем на семью приходилось 1,8 автомобиля. 72 % расходов на медицинские услуги оплачивались государством и системой частного медицинского страхования»¹³¹.

¹²⁷ Загладин Н. В. История России и мира. С. 311–312.

¹²⁸ Кредер А. А. Указ. соч. С. 258–259.

¹²⁹ Там же. С. 261–263.

¹³⁰ Загладин Н. В. История России и мира. С. 331, 313.

¹³¹ Алексашкина Л. Н. Указ. соч. С. 175.

Кризисы теперь вырастают не из «природы капитализма», а, напротив, как в 1970-е, из усиленного государственного регулирования, сковывающего частную инициативу. Неоконсервативная революция, вдохновленная идеями М. Фридмана и Ф. фон Хайека, произошедшая в годы президентства Р. Рейгана, позволила «ответить на новые вызовы времени. Высвобождение частной инициативы открыло перспективу быстрого развития... обеспечила экономический рост и... повысила конкурентоспособность страны». «США стали технологическим лидером мира, не утратив, а обретя свою новую национальную идентичность». И к началу третьего тысячелетия «удалось создать эффективный механизм сочетания частной инициативы и социально ориентированного развития с опорой на структуры гражданского общества». «Люди как никогда ранее стали помогать друг другу». Даже среди афоризмов президента Дж. Буша-младшего отыскался достойный цитирования: «Одной из глубочайших ценностей нашей страны является сострадание». Впечатляющие цифры успехов (ниже черты бедности – лишь 5 % населения, безработица около 5,5 %, почти нулевая инфляция при росте в 4 %) достойно венчают победную песню¹³².

Пока мы будем отдыхать от восторгов, полезно просмотреть «картинки». В подавляющем большинстве учебников помещены фотографии почти всех американских президентов XX века. Вот Билл Клинтон. Ему не повезло, и о президенте можно узнать лишь следующее: он «был замечен в любовной связи с... Моникой Левински, уличен в том, что говорил неправду, пытаясь скрыть свою личную жизнь от общественности, просил прощения у американцев, был подвергнут процедуре импичмента и, в конце концов, оправдан... Весь мир следил за этим “телеспектаклем”»¹³³. Вот до чего, товарищи, доводит хваленая американская демократия! А тут – Р. Рейган и Дж. Буш-старший в ковбойских шляпах и улыбках, окруженные девушками в топиках.

Перевели дыхание? Передаем привет Ф. Фукуяме: «Рыночная капиталистическая экономика становится по-настоящему ми-

¹³² Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 229–238.

¹³³ Шубин А. В. Указ. соч. С. 199.

ровой... теперь она стала результатом свободного выбора... Так ценности свободы торговли и экономической деятельности стали универсальными, глобальными... единый мировой рынок стал экономической основой новой общечеловеческой цивилизации»¹³⁴.

На пути к этому светлому концу попадались досадные помехи. Вы не поверите, но главной из них в современных учебниках оказался пламенный субъективист и волонтарист, по совместительству – отъявленный борец за мир и отец советских космонавтов Никита Сергеевич Хрущев. Он стал любимым отрицательным персонажем наших учебников: и главный утопист, и авантюрист, и провокатор на грани мировой войны. Ленину и Сталину не в утопический укор ни мировая революция в 1918–1923 гг., ни походы на Берлин через Варшаву или прорывы к Атлантике, ни коммунизм в одной стране уже к 1960-м годам. А верный ученик и продолжатель дела Ленина – Сталина провинился. «Он подвел СССР и США вплотную к грани мировой войны» во время рожденного им самим Карибского кризиса. Хрущев в целом проводил авантюристическую внешнюю политику, «утвердился в мысли об эффективности... кризисных методов решения... спорных проблем». Разместил ракеты с ядерными боеголовками на Кубе. «Последовали ответные меры. США ввели морскую блокаду... Мир оказался на грани», но удалось урегулировать конфликт «благодаря выдержке и здравомыслию, проявленным двумя политическими лидерами – президентом США Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущевым»¹³⁵. Учитывая, что все началось с кубинской революции и ориентации Фиделя Кастро на СССР, а завершилось вничью, на эту схему вряд ли найдутся возражения.

Но уже появились иные конструкции. «В октябре 1962 г. произошёл так называемый Карибский кризис. Кеннеди в ультимативной форме потребовал от советского руководства убрать с Кубы... советские ракеты и бомбардировщики... Мир оказался на грани войны. В этой ситуации два лидера... сумели сделать по шагу

¹³⁴ Кредер А. А. Указ. соч. С. 265, 395.

¹³⁵ История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 299–300 ; Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 319.

от края пропасти и урегулировать конфликт путем переговоров»¹³⁶. Замечаете подмену?

Зато в освещении советско-американских отношений в 1970–1980-е гг. царит как будто бы полное единодушие. Вьетнам – самое большое поражение США за всю их историю. Здесь СССР и США втянулись «в прямое военное противостояние», одновременно разворачивался «косвенный военный конфликт» на Ближнем Востоке¹³⁷. Правда, кто-то говорит о Вьетнаме в немногих словах и между делом, с некоторым сочувствующим пониманием¹³⁸. Другие акценты ставят иначе: «Вьетнамская война вызвала... настоящий раскол в американском обществе, значительная часть которого рассматривала эту войну как несправедливую и позорную для Америки». «США потерпели явное поражение. Война привела к падению престижа Соединенных Штатов как сверхдержавы и формированию у американцев... “вьетнамского синдрома”: боязни втягивания в любые региональные конфликты». Наряду с превысившей все разумные пределы гонкой вооружений и стремлением обеих сверхдержав как-то ее упорядочить, Вьетнам и его последствия формировали «условия для разрядки»¹³⁹.

Спустя четверть века после того, как это поняли президент Рейган и те, кого у нас именовали ястребами, авторы отечественных учебников признали: «Позиции США и НАТО оценивались как ослабленные». «Согласие Запада на ведение переговоров о разрядке... расценивалось в Кремле как признак его слабости, успех советской дипломатии»¹⁴⁰. «Достижение СССР ядерного паритета породило у правящей элиты определенную эйфорию, стремление максимально использовать ситуацию для ослабления сил “империализма”... газета “Правда” писала: “Пора бы США научиться держаться поскромнее. Так будет лучше и для самой Америки, и для всего мира”»¹⁴¹. «По-

¹³⁶ Алексашкина Л. Н. Указ. соч. С. 179, 265.

¹³⁷ Там же. С. 179 ; История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 337.

¹³⁸ Всеобщая история. Мир в XX веке. 11-й класс. С. 228.

¹³⁹ Кредер А. А. Указ. соч. С. 229–230, 232.

¹⁴⁰ История России. XX – начало XXI века. 9-й класс. С. 313.

¹⁴¹ Шестаков В. А. Указ. соч. С. 322–323.

степенно в странах НАТО стало складываться убеждение, что СССР использует разрядку в корыстных целях»¹⁴². Встречаются и более осторожные рассуждения о нежелании «признать взаимовыгодность разрядки лидерами обеих сверхдержав» и взаимных неоднократных шагах, «которые объективно ставили под угрозу достигнутый уровень взаимопонимания»¹⁴³. Но простое перечисление действий кремлевских старцев и давным-давно известных данных не оставляют сомнений при ответе на вопрос: «откуда исходит угроза миру?». «Казалось, доктрина “отбрасывания коммунизма” потерпела поражение... 1970-е гг. стали периодом самых интенсивных советских усилий в создании и накоплении всех видов вооружений. СССР... превзошел США по численности армии, количеству... танков, самолетов, подводных лодок, стратегических и тактических ракет. Подобные действия подрывали доверие к Москве... постоянно подпитывали пропагандистский тезис о “советской угрозе”... СССР... существенно расширил» «сферу своего влияния» в третьем мире. Все это «катастрофическим образом» отражалось на экономике страны. Мы тратили на вооружения столько же, сколько и США, которые «превосходили СССР по ВВП в три-четыре раза»¹⁴⁴.

Удивляться ли тому, что вся эта «сверхдержава» рухнула, несмотря на усилия М.С. Горбачева по реализации идей нового внешнеполитического мышления? Жаль только, что, вспоминая о таких конфронтационных инициативах президента Рейгана, как СОИ или его же фразе об «Империи Зла», наши учебники не упоминают многочисленных американских мирных инициатив, отдавая безоговорочно пальмовую ветвь миротворца генсеку ЦК КПСС.

И все-таки может показаться, что наконец-то на страницах российских учебников восторжествовала Истина. Все признают: «холодная война» кончилась, биполярная система рухнула, исчезли социализм в Европе, СССР, его блоки и его союзники. Возмож-

¹⁴² Загладин Н. В. История России и мира. С. 343.

¹⁴³ История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 341.

¹⁴⁴ Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Указ. соч. С. 326–327.

ны, конечно, варианты. «Из “холодной войны” вышла лишь одна сверхдержава – США»¹⁴⁵. «Крушение СССР вывело США в разряд единственной сверхдержавы мира»¹⁴⁶. «США оказались в роли единственной, во всяком случае – главной, сверхдержавы»¹⁴⁷. Хотелось бы мне посмотреть на «не главную сверхдержаву», интересен так же «разряд единственной». Все эти словесные пируэты нужны для того, чтобы не сказать главного: США и Запад победили в «холодной войне». Впрочем, Кредер ставит вопрос: кто победил в «холодной войне» и кто проиграл?¹⁴⁸ В моем учебнике говорится, что уже осенью 1990 г. «Запад понял, что Горбачев действовал с позиции слабости и стремился углубить свою победу»¹⁴⁹. Загладин находит, что «правящие круги США имели все основания декларировать свою победу»¹⁵⁰.

Вы ошибетесь, если подумаете, будто отечественная школьная история постепенно избавляется от сталинско-брежневского наследия и со временем его изживет окончательно. Как только Государство решает, что у него в том или ином учебном сюжете имеется свой интерес, оно по-прежнему непосредственно вмешивается в учебный процесс, проявляя тоталитарные интенции. Возьмите книгу для учителя, написанную по заказу и при непосредственном участии администрации тогда еще президента Путина¹⁵¹. В ней Хрущев, конечно, неудачник. «Но в целом итоги Карибского кризиса стали новой победой Советского Союза в противостоянии двух систем». Ввод войск в Афганистан хотя и «не привел к нормализации ситуации» в стране, зато «обезопасил советскую Среднюю Азию». Идя на гонку вооружений и разрядку, мы, естественно, жертвовали многим. Зато «США... утратили веру в возможность заставить СССР корректировать свой внеш-

¹⁴⁵ История России. XX – начало XXI века. 9-й класс. С. 338.

¹⁴⁶ Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. С. Указ. соч. 331.

¹⁴⁸ Кредер А. А. Указ. соч. С. 239.

¹⁴⁹ Долуцкий И. И. Отечественная история. Ч.2. 2003. С. 196.

¹⁵⁰ Загладин Н. В. Всемирная история. XX век. 11-й класс. С. 374.

¹⁵¹ Филиппов А. В. Новейшая история России. 1945–2006 гг. М. : Просвещение, 2007.

неполитический курс ввиду стратегического превосходства США». Те, кто думает, что США победили в «холодной войне», заблуждаются. «Выбор в пользу демократии и рыночной экономики» советские люди сделали «самостоятельно. Мы не проиграли “холодную войну”»¹⁵².

Дальше больше. В конце 90-х «возникла возможность прямого вмешательства западных стран в дела России в форме... даже военных санкций». «Запад занимал достаточно враждебную позицию». «Фактически не захотел осуществить эффективную реструктуризацию» нашей экономики. В США «почти ничего не сделано в сфере сближения двух народов». НАТО проводит «экспансию на Восток», мы получили «польские танки развернутыми против России», а НАТО достались прибалтийские аэродромы, сокращающие «критическое подлетное время боевых самолетов и крылатых ракет». Выстроился визовый барьер. «Речь идет о новой изоляции России», «которая напоминает “железный занавес”»¹⁵³. Ратуйте, православные!

И все это, как заявил один из «авторов», они намереваются вдолбить в головы учителей. А те, вероятно, в головы учеников.

Впрочем, и на страницах иных учебников США буквально распоясались. «Правящая элита США сформулировала идею американского мирового лидерства», «правящие круги США надеялись играть роль единственной сверхдержавы». «Однако стремление Запада к универсализации либерально-демократической политической культуры вызвало возмущение многих народов мира»¹⁵⁴. США «перестали считаться с международным правом»¹⁵⁵. При этом со стороны России «любое проявление самостоятельности и стремление отстоять свои позиции воспринималось как рецидив советской “имперской” политики»¹⁵⁶. Американцы долго не понимали, что и США, и Россия «столкнулись с одним и тем

¹⁵² Филиппов А. В. Указ. соч. С. 145, 240, 238–239, 363.

¹⁵³ Там же. С. 415–419.

¹⁵⁴ Загладин Н. В. История России и мира. С. 438, 439.

¹⁵⁵ Шубин А. В. Указ. соч. С. 304.

¹⁵⁶ Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Указ. соч. С. 360.

же противником – исламским фундаментализмом, равно враждебным» им. Пока в США рассуждали о нарушении прав человека в Чечне, Россия, в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего Путина, сражалась на антиисламской передовой. Вообще США действуют «вопреки здравому смыслу», особенно когда разворачивают «кампании разоблачений» российских угроз, русской мафии, нашей коррупции. Все это ослабляет «позиции демократических сил в России»¹⁵⁷.

Короче, как поется в одной российской песне: «Не валяй дурака, Америка!». Теперь именно так предписано думать о США. При этом очень полезно непосредственно сослаться на вдохновившие некоторые авторские коллективы откровения чиновников, сосредоточенных «при Президенте» России. А если и этого мало, можно, как иные авторские коллективы под руководством академика А.О. Чубарьяна, отвести 2,5 из 4,5 страниц текста о России в XXI в. сразу четырьмя посланиями президента Путина. Конечно, я знал, что для них Власть – все. Но чтобы до такой степени?!

Миссия невыполнима-2

Все это заставляет меня предполагать: проблема школьных учебников не в том, что в России до сих пор не решили, кто же для нее Америка – доктор Джекилл или мистер Хайд, а в отсутствии научных критериев для ответа на вопрос о том, что же такое сама Россия – нелепый мистер Джайд или доктор Хекилл.

Весь рассмотренный выше разгул субъективизма и волюнтаризма требует признать, что мы имеем дело с ненаучными принципами построения современных отечественных учебников.

Естественно, ответ на вопрос о том, какой учебник истории нужен сегодня российской школе, зависит от целей, которые ставятся перед образованием в целом и историческим образованием в частности. При этом следует абстрагироваться от целей Власти и Государства – оба эти «института» весь XX в. и начало последующего нарушали принципы свободы. Ученикам и их родителям,

¹⁵⁷ История Отечества. XX – начало XXI века. 11-й класс. С. 351, 431, 450–451.

учителям и ученым, если их рассматривать как потенциальных членов несуществующего пока гражданского общества, требуется возможность узнать правду, научиться самостоятельному мышлению и сопротивлению. Их надо учить Свободе. С другой стороны, некорректно будет игнорирование специфики наследия нашего предшествующего опыта, так как несколько поколений ученых и учителей репродуцировали ложь, санкционированную Государством. При этом альтернативные источники информации жестко контролировались и душились Властью.

Если мы согласимся с К.Д. Ушинским, полагавшим, что в школе главная задача преподавания – приучить воспитанников к умственному труду, и задача эта важнее «передачи» самого предмета, то можно по-новому взглянуть на «конструкцию» учебника. Он перестает быть кладезем единственной непререкаемой Истины, которую следует усвоить, и единственной истинной информации, которую необходимо запомнить. Не-позитивистский релятивистский подход с учетом принципов дополнительности и неопределенности в сочетании с широчайшим доступом к информации делают ненужным учебник-путеводитель. Современный учебник превращается в поле совместного (авторов, учителей и учеников) поиска ответов на вопросы, которые ставила История и ставят сами участники сотворчества.

Исследование начинается с удивления, с сомнения. Учебник должен учить подвергать сомнению прежде всего то, с чем встречается на его страницах читатель, проверять на прочность точку зрения самих авторов. Ясно, что одного обновления содержания будет недостаточно.

Именно нашей школе необходим поисковый учебник, создающий условия для развития такого человеческого качества, как гуманизм, и такого «навыка», как творчество. Мы своей книгой и преподаванием истории создаем условия для того, чтобы развивался гуманист, творец, мыслитель, способный к критическому осмыслению и сопротивлению окружающей действительности. Подобный безмерный масштаб нисколько не ограничивает человека, в котором, судя по некоторым наблюдениям, все искомые

качества заложены изначально (впрочем, наряду с человеческой деструктивностью). В любом случае мы должны создавать условия для развития ребенка, ничего в нем не формируя, не манипулируя его сознанием.

Государство в начале XXI в. не только старательно пресекло всякие попытки создания аналогичных пособий и вывело их авторов из игры. В настоящее время Министерство образования и науки готовит концепцию исторического образования (размещена на сайте газеты «Первое сентября»), в которой в лучших традициях советской школы предлагается с помощью истории «вырабатывать единые подходы», «ограничивать вариативность единой программой», «формировать личность школьника», «воспитывать патриота», «формировать историческое сознание», «воспитывать чувство гордости» за страну и ее историю¹⁵⁸.

Нам опять предлагают гордиться историей преступлений. Снова смешивают верность Родине с преданностью очередному государю – секретарю – президенту. Предлагают формировать послушных исполнителей, маленьких солдатиков. Посмотрите на обложки наших учебников, где представлены исключительно символы Власти, хотя называются эти книги «История Отечества». Для большинства авторов Власть и есть Отечество. А у российской Власти, как заметил еще В.О. Ключевский, отсутствует ощущение пределов, но зато есть четкое осознание постоянной опасности. Поэтому история других стран в рамках воплощения этой концепции всегда будет использоваться для создания образа врага. С чем нас всех разрешите поздравить.

¹⁵⁸ Концепция исторического образования в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации : проект. URL: <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200000801>.

**ДИСКУРС «ДРУГОГО»
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: ОБРАЗЫ США
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ
ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

Galina I. Zvereva. Discourse of the “Other” as the Vehicle for Shaping the State National Identity: USA images in Post-Soviet University Russian History Textbooks

The purpose of this article is to discuss in what way the concept of “state national identity” promoted by the state authorities in the 2000s as a basis for official texts is treated together with the concept of American “Other” in the post-Soviet university history textbooks. The central position in recent textbooks belongs to such non-reflexive reified concepts as “Russia’s specific path (road)”, “Russia’s originality (samobytnost’)”, “Russian mentality”. As a rule, the contents of these terms are constructing in opposition to critically treated concepts “Western civilization” and the USA as a core of it. University textbooks go on reproducing the perception of the “individualistic American Other” as an Alien to the collectivist foundations of Russia’s society. The notions of “Western” and “Russian” are often opposed to each other.

In most of the recent textbooks, the very idea of “American” is interpreted as derivative from the monolithic individualistic “Western mentality (consciousness)” in the time of globalization and neoliberalism. The predominant elements of this “American mentality” are alleged to be rationalistic mechanicism, lack of spirituality, consumerism as well as the standardization of thinking and ways of living. All these bad things are contrasted to the spirituality, collectivism as well as to vivid and sensuous attitude

to life which are allegedly innate to “Russians”. These “Russian” qualities are presented as atemporal, not connected with historical time. But in the same textbooks we can often find another idea: that the cultural values of the Russian people are closely connected with the best pan-European (universal) values. In such context, however, America looks excluded from the European civilization; the trick that demonstrates that it is used in the recent history textbooks mainly for ideological purposes.

However, professional historians have met new state recommendation with harsh criticism. These evaluations have become recently a basis for public dispute about a role of a discourse of political authority in the contents of historical education.

Введение

Общественные дискуссии о социальной роли истории ведутся в России на протяжении всех лет после распада СССР. В 2000-х гг. в содержании этой полемики произошли заметные изменения. Они связаны с усилением идеи формирования единой *государственной нации* и регламентациями федеральной государственной власти, касающимися политики создания *нашего прошлого* как единого нормативного пространства коллективной памяти.

Такие запросы власти связаны в первую очередь с потребностью в подтверждении исторической преемственности современной Российской Федерации, с многовековой историей российского государства, в обосновании *настоящего* с помощью аргументов *исторического прошлого*. Они выражаются в требованиях подтвердить *особое место* России в современном мире с помощью концепции *самобытного Пути России* и закрепить такие установки в общественном сознании.

С начала 2000-х гг. свод официальных идейных установок пополнился понятием *национальной идентичности*. Это понятие используется российской властью в качестве мощного фактора политического управления, призванного консолидировать государство и общество, поддерживать социально-политическую стабильность. Ядро создаваемой *национальной идентичности* составляет концепция непрерывного исторического развития *русской (русской)*

цивилизации и его основы – *российской (русской) нации*. В соответствии с такой концепцией история формирования и укрепления *российской нации* связана с ведущей исторической ролью русского народа в сплочении всех этнокультурных общностей вокруг центральной государственной власти. Эти установки составляют основу дискурсивных практик федеральной власти, которые проецируются в социальную жизнь, публичную сферу, образование, культуру, науку. Они интенсивно продвигаются в СМИ и Интернете, закрепляются в официальных праздниках и церемониях.

Характер идеологических запросов российского государства и влиятельных групп общества к историческому знанию и историческому образованию уже стал предметом критического обсуждения в публичной сфере и в профессиональных социально-гуманитарных сообществах ¹.

Изучение процессов производства и трансляции в российском обществе культурных значений «нашего прошлого» позволяет понять способы создания и закрепления в массовом сознании базовых компонентов коллективной памяти, призванных подтвер-

¹ См.: Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе : материалы междунар. конф. Москва, 15–17 сент. 1998 г. М., 2000 ; Национальные истории в советском и постсоветском государстве / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999 ; Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2003 ; Бухараев В. Что такое наш учебник истории. Идеология и назидание в языке и образе учебных текстов // Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 2002. С. 13–46 ; Нотар У. Советский и российский интердискурсы в школьном образовании // Там же. С. 114–130 ; Зверева Г. Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 67–86 ; Шнирельман В. «Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение : сб. ст. / сост. А. Верховский. М., 2006. С. 183–222 ; Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М., 2004 ; Левинсон А. Г. Опыт социогграфии : статьи. М., 2004 ; Дубин Б. В. Жить в России на рубеже столетий : социол. очерки и разраб. М., 2007 и мн. др.

ждать идею «государственно-национальной» идентичности. Особый интерес представляет осмысление «присутствия» и роли «Другого» в конструировании исторического и политического «Мы».

Ключевое место в создании конструкций такого рода занимают постсоветские учебники по российской истории, в формульных текстах которых сплетаются воедино познавательные, научно-нормативные, дидактические и идейно-политические установки.

В этой статье предполагается обсудить «содержание формы» современных учебников для высшей школы, в которых идея *американского «Другого»* представляет собой важный системообразующий компонент концепции государственно-национальной идентичности – *российской нации*.

Сдвиги в содержании исторического образования

В процессе выработки официального дискурса строительства *государственной нации* на протяжении всего постсоветского периода «постоянными величинами» остаются положения о преемственности Российской Федерации с «тысячелетней историей» Российского государства и СССР. К разряду констант относится также идея *цивилизационной уникальности* российского государства и его особого места во всемирной истории.

«Переменными величинами», которые обуславливают изменения в официальном языке и речи, являются преобразования системы государственного управления в начале 2000-х гг. (строительство «вертикали власти»), распространение в сфере публичной жизни социальных практик «низовой» ксенофобии и радикального русского национализма, развитие политических и культурных форм этнократии в регионах России. Это обуславливает повышенное внимание структур государственной власти, правящей политической элиты и политтехнологов к выбору официального языка, с помощью которого создается общая «идентификационная карта». Ориентиры властного дискурса коллективной идентичности сугубо прагматические и диктуются социальными и геополитическими контекстами.

Актуальное для официального построения коллективной идентичности понятие *российская нация* вбирает в себя разные

формы идентичности: цивилизационную, этническую, религиозную, региональную, социально-групповую и т. п. В процессе продвижения *российской нации* в публичной политике, средствах массовых коммуникаций, науке и образовании идеи коллективной идентичности и солидарности сливаются в формулу «*Мы-группа*», оппозиционную формулам «*Они*», «*Другие*».

Идеи консолидации российского государства и общества вокруг новой государственной концепции национальной (*отечественной*) истории служат мощным фактором воздействия на историческое образование в средней и высшей школе. Установка на единение «государства и народа» под общим именем *российская нация* требует создания простого повествования, разворачивания целостного исторического рассказа о «самих себе» с использованием разделяемых значений базовых слов.

С тех пор, как в 1990-е гг. в систему российского высшего образования были введены государственные образовательные стандарты, призванные регламентировать содержание образовательных программ и требования к подготовке выпускников, *История* заняла в них важнейшее место. Она представлена в государственных стандартах и в качестве обязательной общеобразовательной дисциплины, и в виде основной профессиональной программы подготовки по специальности и направлению в высшем учебном заведении.

Когда в 2000 г. были созданы государственные образовательные стандарты второго поколения, в нормативном описании общеобразовательной дисциплины «*История*» произошли качественные сдвиги. Если в стандартах первого поколения для высшей школы *История* была представлена как *История мировых цивилизаций*, в контексте которой предлагалось изучать *Историю России*, то в новых стандартах эта федеральная дисциплина была сведена к изучению *Отечественной истории*.

Основу требований к преподаванию и изучению российской истории составляет концепция непрерывной национально-государственной истории с древности до современности. Главенствующее положение в содержании этой учебной дисциплины занимает период истории России XX века. «Укрупнение масштаба»

новейшей российской истории и акцент на политических событиях последних лет придают университетской *Отечественной истории* государственно-идеологический статус, подчеркивают высокую социально-политическую роль этой дисциплины. При разработке проектов федеральных государственных стандартов третьего поколения в содержании этой дисциплины (они вводятся с 2009–2010 гг.) воспроизводятся те же идейные установки.

Все это вполне согласуется с усилением регламентирующих требований государственной власти к историческому образованию и профессиональному историческому знанию.

Начало было положено в 2003 г. критическими высказываниями Президента РФ Владимира Путина в адрес концепций истории России, которые представлены в школьных и университетских учебниках.

В 2007 г. на встрече со школьными и университетскими преподавателями В. Путин подтвердил острую заинтересованность федеральной государственной власти в создании новых учебников по российской истории, тексты которых бы «соответствовали запросам времени»². В развитие этой установки по инициативе

² См.: Стенографический отчет о встрече Президента РФ В.В. Путина с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук 21 июня 2007. В. Путин: «Необходимо видеть роль России в мире и понимать мотивы действий тех или иных общественных систем, государств, политиков. Без этой базы нам невозможно ни укреплять страну, ни развивать ее... Практически нет пособий, которые глубоко и объективно отражали бы события новейшей истории нашего Отечества... Мы должны быть частью, абсолютно, совершенно точно, частью глобального мира... Мы, собственно, таковой и являемся. Но никто не может изъять у нас национальные особенности, наши исторические особенности!.. Чего нам нужно добиваться: не навязывать свою точку зрения – повторяю, сегодняшние представители власти не должны навязывать; но нужно добиться того, чтобы грамотно и добросовестно был изложен фактический материал... Это будет помогать нам ориентироваться в мировом пространстве и будет создавать у наших граждан, прежде всего молодых граждан, чувство гордости за свою страну, потому что нам есть чем гордиться». URL: http://www.intelros.ru/2007/06/21/stenograficheskij_otchet_o_vstreche_s_delegatami_vserossijskojj_konferencii_prepodavatelej_gumanitarnykh_i_obshhestvennykh_nauk_novoogarevo_21_ijnunja_2007_g.html.

нового Президента РФ Дмитрия Медведева в 2009 г. создана официальная Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России ³.

Иначе говоря, учебник российской истории рассматривается как важнейший компонент политики строительства *государственной нации*. В числе главных государственных требований к учебнику – лояльность к идеологическим установкам федеральной власти, конвенциональность и доступность объяснительных исторических схем, узнаваемость формул российской истории (представление *прошлого* с точки зрения здравого смысла). В конечном счете учебник по истории должен выглядеть как простой позитивный рассказ, который в первую очередь призван пробуждать патриотические чувства адресата ⁴.

Актуальность новых учебников определяется тем, насколько четко в них представлены кластеры коллективной памяти, как организовано формульное знание о солидарном *прошлом* в целях обоснования политического *настоящего*. При таких условиях базовое понятие *российской нации* оказывается подчиненным понятию *российского национального государства*. Идея вечного противостояния России внешним и внутренним угрозам звучит в учебных текстах по российской истории вполне отчетливо.

Типы представления исторического прошлого в учебниках по российской истории

Государственные запросы, стимулирующие поиски обоснования *настоящего* России в «*нашем прошлом*», оказывают заметное влияние на деятельность академических профессионалов – исследователей и преподавателей. На протяжении последних двад-

³ См. об этом: Положение о Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. URL: <http://www.kremlin.ru/articles/216485.shtml>.

⁴ В 2007 г. в российских печатных и электронных изданиях многократно транслировалось высказывание одного из высших работников Министерства образования и науки Исаака Калины о том, что российскую историю в школе следует изучать в логике «рассказов бабушек», а не «милиейских протоколов». URL: <http://pedsovet.org/forum/index.php?showtopic=2727&st=40>.

цати лет неоднократно производилась инвентаризация наличного идеологического, теоретико-методологического и концептуально-го арсенала профессиональной историографии в целях его использования для исторического образования в России.

В начале 90-х гг. в работе профессиональных историков открылись реальные возможности свободного выбора теории, исследовательских подходов и методических процедур, языка описания. Вместе с тем скоро обнаружилось, что образуется определенный разрыв между такими возможностями и их практическим воплощением. Во многом он обусловлен идеологическими факторами, сохранением значимости для авторов текстов и преподавателей внутренней «ментальной» цензуры, соблазном использования клише и проторенных путей в историческом познании. Понимая необходимость соответствия своей работы современным познавательным подходам и правилам исторической профессии, историки сознавали сложности их практического выполнения.

В начале 2000-х гг. стремление историков к идейно-концептуальному переопределению прежней государственной (советской) трактовки *отечественной истории* стимулировало трансформацию привычной объяснительной схемы: замещение (или – чаще – совмещение) *формационного подхода* универсально понимаемым *цивилизационным*.

Трудности качественного преобразования структуры и содержания исторического знания в России вместе с неуспехом демократического реформирования государства и общества содействовали усилению национально-охранительной тенденции в историческом образовании. Призыв государственной власти к построению новой национально-государственной истории стал рассматриваться частью профессионалов как «реальный» путь к преодолению мировоззренческих и понятийных проблем.

В такой ситуации особенно виден увеличивающийся разрыв между историографической продукцией, в которой содержатся результаты инновационных конкретно-научных исследований, и учебной литературой по *отечественной истории*, насыщаемой государственно-политическими идеологемами. Во многих учебных тек-

стах по российской истории содержатся идейные установки и объяснительные схемы, которые слабо согласуются с предложениями, поступающими от мирового социально-гуманитарного знания.

Главенствующее положение в учебных текстах занимают универсалистские версии *непрерывной национально-государственной истории* России, которые формируются на базе мировоззренческих установок историософских произведений 1990-х – начала 2000-х годов. Новая российская историософия содействует созданию когнитивной карты мест коллективной памяти. В этой «картографии» отчетливо выражены интенции национально-государственной телеологии и соответствующие морально-дидактические императивы. В отсутствие прежней официозной идеологии историософские установки создают контуры постсоветских «догматов веры», которые соответствуют направлениям поиска новой государственной идеологии.

Вместе с тем в массиве учебных текстов по истории России все более обнаруживает себя тенденция к *хроникальному*, событийному представлению *прошлого*. Одновременно укрепляется позиция занимательной *дескриптивной* истории.

В современной учебной литературе при построении исторического нарратива используются как макроструктурные, так и документально-хроникальные принципы. Способы представления исторического прошлого в учебных текстах для высшей школы можно условно подразделить на две группы.

Первую группу образуют учебные тексты, в которых историческое повествование подчинено репрезентации специфики *Российской (Русской) цивилизации*⁵. Ко второй группе можно отнести такие тексты, где дается последовательное изложение ис-

⁵ Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций : учеб. пособие для вузов. М., 2000 ; Шаповалов В. Ф. Россиеведение : учеб. пособие для вузов. М., 2001 ; Российская цивилизация : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. М. П. Мчедлова ; Троицкий Е. С. Русская этнополитология : учеб. пособие для вузов : в 3 т. М., 2001–2003 ; Дугин А. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007 и др. Задача создания «отечествоведения» была вначале сформулирована в «национально-патриотической» историософии (Е. Троицкий и др.) и историософских работах имперской ориентации (см., например, философско-исторические эссе Ю. Пивоварова и А. Фурсова).

торических событий «день за днем»⁶. Это разграничение весьма условно, поскольку в массиве учебной литературы в открытом или скрытом виде присутствуют генерализирующие объяснительные схемы, а ряд учебных текстов представляет собой дискурсивные гибриды ⁷.

Соединение элементов новой историософии, содержащей концепцию *особого Пути России*, с элементами традиционных (российской имперской и советской) моделей государственной политической историографии можно обнаружить почти в каждом учебном тексте по истории России. Эта концепция неоднократно подвергалась обоснованной общественной критике, однако в учебных изданиях она продолжает сохранять приоритетные позиции.

В «историко-цивилизационных» учебных текстах для высшей школы концепция российской *самобытности* и *уникальности* выражена в схематичной форме как совокупность вневременных констант, знаков-мест коллективной памяти. В конкретно-исторических учебных текстах историософские константы служат важными «навигационными инструментами», с помощью ко-

⁶ История современной России. 1985–1994 : эксперим. учеб. пособие / под ред. В. В. Журавлева. М., 1995 ; История России с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н. И. Павленко. М., 2000 ; История России с древнейших времен до конца XX в. : учеб. пособие для вузов : в 3 т. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2000–2001 ; История России / ред. А. А. Чернобаев, М. Н. Зуев. М., 2000 ; История России : учебник / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. 2-е изд. М., 2002 ; История России с древнейших времен до конца XX в. : учеб. пособие для студ. вузов / рук. авт. коллектива А. А. Данилов. 4-е изд. М., 2002 ; История России в новейшее время. 1945–2001 / под ред. А. Б. Безбородова. М., 2001 ; Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 : учеб. пособие. М., 2003 ; История России XX – начала XXI века / под ред. Л. Милова. М., 2007 ; Федоров В., Моряков В., Щетинов Ю. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2008 ; Отечественная история новейшего времени, 1985–2008 : учебник / отв. ред. А. Б. Безбородов. М., 2009 и мн. др.

⁷ История России (Россия в мировой цивилизации) : учеб. пособие / сост. А. Радугин. М., 1998 ; Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций : учеб. пособие для вузов. М., 1994 ; 1999 ; История России : учеб. пособие для самостоят. раб. / под ред. Л. И. Семенниковой. 6-е изд. М., 2007 ; Филиппов А. В. Новейшая история России, 1945–2006 гг. : кн. для учителя. М., 2007 и др.

торых производится отбор событий и процессов и дается их телеологическое представление.

Обилие таких текстов создает эффект приращения нового нормативного знания, который усиливается тем, что авторы сводных «историко-цивилизационных» и конкретно-исторических работ – известные историки, философы, политологи, социологи – занимают важные институциональные позиции в российских университетах и научных институтах. Зачастую они выступают в роли авторов – «номадов», «кочующих» со своими позициями и оценками из одного учебника в другой.

Литература такого рода имеет тенденцию к «размножению»: она издается огромными тиражами и диверсифицируется в многообразных вспомогательных учебных книгах для абитуриентов и для самостоятельной работы студентов.

Независимо от авторских идейных предпочтений в разных текстах формируется общая национально-государственная политическая схема: «древняя Русь» – «Московская Русь» – «Имперская Россия» – «Советская Россия» (СССР) – «Новая Россия». Базовые установки об историко-культурной специфике российского государства и общества, как правило, согласуются в учебниках с тезисами об *особой исторической роли* России во всемирной истории, былом имперском величии, военной мощи и необходимости коллективного выживания народа в противостоянии многочисленным противникам.

Образы США как «Другого» в учебниках по российской истории

Дискурс «Другого» (врага, противника, соперника) активно используется для конструирования «*нашего прошлого*» и поддержания государственно-национальной идентичности с ее базовыми компонентами государственно-народного единения и консолидации. Постоянное присутствие *внутреннего* и *внешнего* «Другого» в истории российского государства и общества – это неотъемлемая составляющая учебных текстов. В совокупном блоке образов *внешнего* «Другого» важнейшее место принадлежит обобщенному образу США.

Американский «Другой» органично включен в контекстную среду практически всех «цивилизационных» учебных метанарративов и учебников по конкретной истории России. Такие тексты обычно содержат двоякую репрезентацию США.

Главный способ репрезентации – изображение США как лидера и части западного мира, противостоящего России.

Второй способ – представление в русле целостного исторического повествования череды «мерцающих» знаков-образов североамериканского государства как особого, монолитного политического целого.

В «цивилизационных» учебных текстах доминирует первый способ описания американского «Другого». В текстах такого рода акцентируется неизбежность и перманентность исторического цивилизационного противостояния России (СССР) и Запада/США. В рамках этой схемы США представлены как главный противник, соперник и зеркальное отражение геополитических устремлений России.

Как подчеркивается в таких текстах, «жизненность» геополитических интересов современной России входит в объективное противоречие с планами США и других стран Запада, неизменно направленными на «ослабление» и «расчленение» российского (и – ранее – советского) государства:

Задача восстановления России в качестве одного из центров современного мира... это задача жизненной необходимости, задача самосохранения. Для страны с такими геополитическими характеристиками, какими обладает Россия, вопрос всегда стоял и продолжает стоять так: либо быть одним из центров мировой цивилизации, либо быть расчлененной на несколько частей и, следовательно, сойти с карты мира в качестве самостоятельного и целостного государства... Первый вариант оставлял бы для России возможность постепенного выхода из современного кризисного состояния. Второй же однозначно и навсегда обрек бы «осколки» прежней России на полную зависимость от крупнейших центров современного мира: США, Западной Европы, Японии, Китая ⁸.

⁸ Шаповалов В. Ф. Указ. соч. М., 2001. С. 531

Влияние американского фактора на ход российской истории и положение российского государства в современном мире трактуется по преимуществу негативно.

В большинстве учебников идея перманентной *американской экспансии* в условиях глобализации и неолиберализма интерпретируется как концентрированное выражение распространения индивидуалистической *западной ментальности*. Здесь используется прием отрицательной стереотипизации «Другого» с целью возвысить идею «*Мы-группы*».

Приписываемые *американской ментальности* качества выражаются в рационалистическом механицизме, отсутствии духовности, консьюмеризме, стандартизации мышления и образа жизни. Все эти «плохие вещи», которые, по мнению авторов текстов, проникают в Россию с помощью российских либералов-западников, контрастируют с традиционной духовностью, нравственностью, коллективизмом, которые характерны для *российского (русского) менталитета*. Эти положительные свойства, приписываемые *российскому народу*, представляются как вневременные, вечные ценности.

Вместе с тем в тех же учебниках иногда можно обнаружить и другую идею: Россия – это важнейшая часть мира в прошлом и настоящем, и культурные ценности российского общества людей связаны с лучшими «западными» ценностями. Однако в таком случае США по умолчанию «выпадают» из *западного мира*.

По-своему реализуются нарративные стратегии американского «Другого» в тех учебных текстах по российской истории, где содержится хроникальное повествование «день-за-днем».

Соединенные Штаты Америки появляются в учебных текстах сначала как эпизодический персонаж российской внешнеполитической истории второй половины XIX – первой трети XX века. При описании истории России Новейшего времени авторы изображают США в качестве одного из ведущих «западных» государств, с которым Россия/СССР выстраивают определенные отношения. «Присутствие» США в российской истории заметно нарастает в тех частях текстов, где представлена внешнеполитическая история СССР сере-

дины XX в., и достигает апогея к моменту, когда описывается ход современной истории: рубеж 1990–2000-х годов.

Главными событийными и оценочными пунктами «включения» США в российскую историю являются: продажа Аляски (60-е гг. XIX в.); установление дипломатических отношений с США (1933); США как технологический ориентир для СССР в межвоенный период; мировой экономический кризис 1929 г. и «новый курс» Рузвельта; роль США в Антигитлеровской коалиции; атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки; актуальность официального советского лозунга «Догнать и перегнать Америку!» на рубеже 50–60-х гг.; Карибский кризис 1962 г. и его преодоление; констатация превосходства СССР над США по ряду экономических и военных показателей в начале 70-х гг.; военное соперничество СССР с США в середине и второй половине XX в.; «строительство» новых отношений между Россией и США после распада СССР.

Российско-американские отношения середины и второй половины XX в. как самостоятельная тема в историческом повествовании присутствуют лишь в немногих учебниках по современной истории⁹.

В рамках второй нарративной схемы – США как олицетворение и квинтэссенция *Zanada* – способы репрезентации американского государства обретают более сильные негативные оттенки.

В учебных текстах они представлены посредством формульных описаний и оценок, истоки которых можно обнаружить в советских учебниках по истории СССР. В их числе: важная роль американского государства в организации в интервенции Антанты в годы Гражданской войны в России; участие США в Антигитлеровской коалиции в качестве временного союзника СССР; США как один из основных инициаторов и проводников «холодной войны»; США как гегемон послевоенного западного мира; притязания американского государства на мировое господство;

⁹ См., например: Барсенков А. С., Вдовин А. И. Указ. соч. ; Новейшая отечественная история. XX век : в 2 кн. Кн. 2 / под ред. Э. Шагина, А. Лубкова. М., 2004 ; Отечественная история новейшего времени, 1985–2008.

политика США, направленная на разрушение СССР в 80-е гг.; современные претензии США на создание однополярного мира.

Примерами стереотипных суждений о США/Западе и целях американского государства в отношениях с Россией (СССР) могут служить следующие высказывания ¹⁰:

Торопясь как можно скорее наполнить принцип мирного сосуществования с капиталистическими странами реальным содержанием, СССР в одностороннем порядке провел серию крупных сокращений собственных Вооруженных Сил... Однако адекватного отклика у Запада эти инициативы не вызвали. Там не собирались отказываться от антисоветских и антикоммунистических установок, сформулированных в первые послевоенные годы, продолжали наращивать и совершенствовать собственные вооружения (о внешней политике в 1959 году).

Американские стратеги, публично рассуждая о необходимости «сдерживания советских геополитических и идеологических амбиций», на деле преследовали цель экономического истощения СССР и подрыва его влияния в мире. Советское правительство, в свою очередь, оказалось неспособным преступить сложившиеся стереотипы (обеспечение международной безопасности и равновесия сил посредством наращивания боевой мощи Организации Варшавского договора) и объективно играло на руку натовским «ястребам» (о внешней политике в 1970-е годы).

Подобные способы представления взаимоотношений СССР (России) и США в университетских учебных текстах начала 2000-х гг. свидетельствуют об устойчивости воспроизводства советских идейно-политических и историографических установок и риторических фигур.

Вместе с тем в массиве учебных текстов по истории России появляются определенные признаки изменений в представлении США и других государств мира. В ряде учебников Соединенные

¹⁰ Федоров В., Моряков В., Щетинов Ю. Указ. соч. С. 474, 487.

Штаты Америки описываются в формирующейся новой глобальной системе международных отношений в качестве «реального» партнера современного российского государства ¹¹. При этом авторы стремятся избегать использования привычных знаков-образов и идеологических оценок.

Однако такие намерения порождают определенные языковые и дискурсивные трудности и требуют переопределения нарративной логики текста. Частично эта проблема решается за счет базовых понятий и способов построения текстов, которые используются в современной мировой учебной литературе по международным отношениям.

Американский «Другой» как компонент нового учебника по истории России

Можно отметить и принципиально иную тенденцию – заметное усиление антизападных и антиамериканских установок в тех учебных текстах по российской истории, которые создаются при активном участии официозных историков, обществоведов и публицистов.

Один из последних примеров такого рода – учебник «Новейшая история России, 1945–2006. Книга для учителя» (под редакцией и при участии А. Филиппова). Этот учебник, адресованный преподавателям (заметим, далеко не только тем, кто работает в школе) активно продвигается представителями федеральной власти в системе среднего и высшего образования в качестве «образца» для практического применения новой концепции «россиецентричного» представления *отечественной истории* ¹².

Контуры этой историко-цивилизационной концепции оформились в 2007–2009 гг.:

В 1990–1991 годах мы, если говорить в терминах «холодной войны», идейно разоружились. Мы отказались от марксизма, от коммунизма как научной теории. ...Мы доброволь-

¹¹ См., например: Отечественная история новейшего времени, 1985–2008. Гл. 7 : Внешняя политика России в 1992–2008 гг.

¹² Филиппов А. В. Указ. соч. (см. также 2-е изд., испр. М., 2008)

но сняли с себя определенные очки и перестали видеть мир в старых схемах борьбы мировой капиталистической и социалистической систем. Что вместо этого пришло? Пришла некая такая очень зыбкая, абстрактная идеология общечеловеческих ценностей. ...Наша книга предлагает картину мира, объективную с точки зрения гражданско-патриотической позиции гражданина России, для которого национальные интересы России являются приоритетными. ...Чтобы учителя... могли легко, ненасильственно вкладывать в сердца, мозги и души учеников привычку мыслить глобально с точки зрения своей Родины. ...И впитывать позицию, которую я бы назвал «россиецентризмом». ...Это будет не государственная, а национальная идеология, точка зрения на мир российской нации как коллективного субъекта, действующего в глобальном мире¹³.

Идея «объективности истории» с позиции *гражданина России* далеко не так нова, как кажется на первый взгляд. Скорее она выглядит как скромная «смена вех» в идеологических установках политической власти, если сравнивать заявленную позицию с известной советской установкой об «объективности истории» с позиции *пролетариата*.

Не случайно, что в новом опыте написания официальной «*Истории России*» и в прежних, хорошо известных опытах создания «*Истории СССР*» легко обнаруживаются общие нарративные ходы и дискурсивные элементы.

Среди них – представление российского (советского) государства во внешнем мире как во враждебном окружении, изображение государственной внутренней и внешней политики как совокупности защитно-оборонительных, военно-мобилизационных,

¹³ Из выступления обществоведа Л. Полякова на встрече Президента РФ В. Путина с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук 21 июня 2007. См.: Стенографический отчет о встрече. URL: http://www.intelros.ru/2007/06/21/stenograficheskiy_otchet_o_vstreche_s_delegatami_vserossijsko_jj_konferencii_prepodavatelej_gumanitarnykh_i_obshhestvennykh_nauk_novoogarevo_21_ijunja_2007_g.html.

миротворческих и превентивно-наступательных реакций на вызовы враждебного мира.

В этом смысле мало изменилось обозначение и изображение главных внешних противников, стремившихся и стремящихся *ослабить, разрушить, расчленить, уничтожить* российское (советское) государство и его базовые ценности либо собственными силами, либо при участии союзников (другие страны Запада, «вражеские агенты», прозападные российские либералы и проч.).

При рассмотрении «россиицентричной» версии истории России обращает на себя внимание высокая степень оценочных суждений (в специальных рубриках «точка зрения», «информация к размышлению»). Значительная часть высказываний такого рода призвана подтверждать неизменную историческую роль США/Запада в качестве мирового политического конкурента и противника реализации национальных и геополитических интересов России. Успехи или неудачи российской внешней политики в разные периоды послевоенной истории авторы учебника связывают с «твердостью» или «слабостью» в отстаивании этих интересов разными политическими руководителями российского (советского) государства.

Так, череда односторонних «уступок» Соединенным Штатам Америки и другим странам Запада, совершенных Россией, по мнению авторов, в периоды политического правления М. Горбачева и Б. Ельцина, ослабила российское государство и привела к изменению умонастроений в обществе:

Под давлением суровых экономических и социальных обстоятельств в России рассасывается слой прозападной интеллигенции, чья симпатия и любовь по отношению к США были идеологической основой проамериканского курса внешней политики страны при позднем Горбачеве и раннем Ельцине... Что Россия получила в ответ на многочисленные уступки Западу? ¹⁴

¹⁴ Филиппов А. В. Указ. соч. С. 416.

Ответом служит перечисление российских геополитических, внешнеполитических, военно-стратегических утрат в конце 80-х – 90-е гг. (произошло сокращение российского стратегического ядерного потенциала, «США не оказали целенаправленной массивированной помощи демократизирующейся стране», «США расширяет зону действий НАТО» и проч.).

Решительное переопределение основ российской политики в годы правления В. Путина, как повествуется в тексте учебника, привело к «восстановлению позиций России во внешней политике» и заставило Соединенные Штаты, а также другие страны мира считаться с особыми интересами России и побудило их к выстраиванию равноправного сотрудничества.

Таким образом, одновременно формулируются базовый тезис и вывод: Россия никогда не согласится на роль «младшего партнера», которую ей настойчиво предлагают США и Евросоюз. Залог успеха в решении «главных задач экономической модернизации и морального самосохранения» – опора на «опыт предков» и «консолидирующая сила» государственной власти¹⁵.

Призывы государственной власти к созданию учебников, которые бы открыто утверждали «россицентричное» видение мира в качестве новой нормативной позиции в историческом образовании, пока не находят соответствующего отклика в академической среде.

Вместо этого продолжают выходить в свет учебники по российской истории, в которых по большей части воспроизводятся все те же гибридные формационно-цивилизационные познавательные схемы, традиционный язык советско-российской политической историографии и привычные риторические приемы. Американский «Другой» продолжает изображаться в таких текстах посредством стереотипных формул, которые были выработаны историками (советскими, российскими) за многие десятилетия XX века.

¹⁵ Филиппов А. В. Указ. соч. С. 484–485.

НАРРАТИВНЫЕ ОБРАЗЫ США В РОССИЙСКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Andrey S. Makarychev. Narrative Images of the United States in Russian Textbooks: Diversity of Concepts.

In the article the image of a country is understood as one of the most important tools of its self-identification and communication vis-à-vis other countries. In a parallel to the official political discourse, in any given country other layers of narratives are formed, that may be called “apolitical”; educational texts are part of those narratives. The key question of the article is: what image of the United States appears in the educational narratives of Russian higher education? More precisely, the author attempts to analyze all contexts in which the United States are placed in Russian textbooks through the prism of leading theories of International Relations, notably, political realism, globalism, and social constructivism.

Введение

В соответствии с традициями социального конструктивизма в настоящей статье мы будем понимать *образ* как «систему наиболее мощных, ярких и масштабных геопропространственных знаков, символов и характеристик»¹. Образ страны – это один из важнейших способов как ее собственной самоидентификации², так и коммуникации с другими странами. В силу этого образ страны имеет под собой дискурсивную основу, причем параллельно официальному политическому дискурсу в любой стране формируются другие пласты нарративов, которые можно назвать «неполити-

¹ Замятин Д. Геокультура: образ и его интерпретации // Сетевой проект русского мира «Русский архипелаг». URL: <http://www.archipelag.ru/text/215.htm>.

² Замятин Д. Географические образы // Агентство политических новостей – АПН. 2004. 9 июля.

ческими». К их числу следует отнести и образовательные тексты. Несмотря на их внешне неполитическую форму, они несут в себе мощный потенциал и для конструирования культурных образов различных стран, и для развития политических дискуссий о природе власти в международных отношениях.

В настоящей статье в качестве того «сырья», из которого «лепится» образ Америки, я буду использовать вузовские учебники, причем лишь те из них, которые так или иначе связаны с дисциплинами международно-политического профиля. Соответственно, ключевым для настоящего мини-исследования станет вопрос о том, какой образ Соединенных Штатов вырисовывается на основе ознакомления российских студентов с учебными нарративами, предлагаемыми им в процессе получения высшего образования. Более конкретно, важно понять, насколько специфичным и целостным является образ США в общем контексте (или на фоне) так называемого Запада и из каких элементов этот образ формируется.

Основное затруднение здесь связано с тем, что сам жанр учебного текста пока еще, к сожалению, не ориентируется на более или менее устоявшиеся профессиональные стандарты. Нередко под видом учебных текстов мы встречаем сборники академических или публицистических работ того или иного автора или авторского коллектива, что указывает на относительно расплывчатые рамки формата учебников и учебных пособий в системе высшего образования РФ.

Данная статья представляет собой попытку рассмотрения тех контекстов, в которых США фигурируют в российской учебной литературе, сквозь призму ведущих теорий международных отношений. Конечно, отнюдь не всегда эти теории заявляются в качестве основы того или иного учебника или пособия, однако при ближайшем рассмотрении это концептуальное разнообразие присутствует и вполне может стать предметом анализа. Таким образом, воссоздание более объемного, многомерного представления о США напрямую зависит от того, какие течения политической теории его обрамляют.

С нашей точки зрения, все подходы, присутствующие на страницах российских учебных изданий, можно разбить на три большие группы, соответствующие теориям политического реализма, глобализма и социального конструктивизма. Именно они и станут предметом дальнейшего анализа.

«Реалистические» смыслы образа США

Во многих учебных текстах можно найти прямое либо косвенное указание на то, что логику поведения США в мире легче всего понять, опираясь на теорию внешнеполитического реализма в различных его вариантах³. Для реализма власть представляет собой конечный интерес, который преследуют государства как рациональные и унитарные акторы, действующие в состоянии анархии. При этом предпочтения государств могут быть зафиксированы и несут конфликтный характер, причем предметом конфликта может быть все, что угодно – выживание («защитный реализм»), экспансия («нападающий реализм»), влияние, экономические интересы и пр.

Авторы российских учебников, придерживающиеся реалистической точки зрения, подчеркивают конфликтность и геополитическую обусловленность поведения США частыми ссылками на работы Сэмюэла Хантингтона, Збигнева Бжезинского, Генри Киссинджера⁴. В традиционном изложении многих российских авторов США на протяжении всей своей истории «активно вмешиваются» во внутренние дела других стран, «устанавливают контроль» и протекторат над ними, «захватывают» их территории, «навязывают неравноправные договоры» и т. д.⁵ США регулярно демонстрируют противникам своё превосходство в «сфе-

³ Конышев В. Н. Неореализм в современной политической мысли США : учеб. пособие. СПб., 2005.

⁴ Фельдман Д. М. Политология конфликта : учеб. пособие. М. : Изд. дом «Стратегия», 1998. С. 127.

⁵ Лютых А. А., Тонких В. А. История международных отношений и внешней политики России в начале XX века : учеб. пособие для студ. спец. «Международ. отношения». Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 19, 31.

рах жизненно важных национальных интересов» и, соответственно, предстают в качестве экспансионистской державы, с которой сложно иметь партнёрские отношения (характерным примером такого взгляда является следующая фраза: «взоры правящих воротил кругов США и крупных финансово-промышленных воротил обратились к Панамскому перешейку»⁶). Такой подход, будучи укоренённым в традициях советского образования, тем не менее, актуализируется и в современных условиях, поскольку на его основе вполне можно выстроить объяснения того, почему «наша попытка добиться стратегического союза с США не увенчалась успехом»⁷.

Конечно, не все реалистические категории срабатывают автоматически при описании внешнеполитического поведения США. Например, есть мнение о том, что США «ведут себя значительно сдержаннее, чем они могли бы позволить себе по логике баланса сил»⁸. Эта сдержанность вполне может объясняться структурными факторами, в силу чего во многих учебниках мы видим попытки использования более широкого понятийного «словаря», который включал бы в себя такие концепты, как, например, «мировое сообщество» («универсальная трансгосударственная общность»⁹) и «мировой порядок», которые характерны скорее для «английской школы», чем для реализма в строгом смысле слова.

Проблема соотношения агентов (отдельных государств) и структуры (то есть «международного (со)общества») вообще характерна для большинства текстов по международным отношениям. Внимание реализма сфокусировано на политических субъектах в лице государств, поскольку его интересуют не процессы, про-

⁶ Гаджиев К.С. Введение в геополитику : учеб. для студентов вузов. М. : Логос, 1998. С. 45.

⁷ Кортунов С. В. Национальная и международная безопасность. Концептуальные основы : учеб. пособие. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 280.

⁸ Современные международные отношения : учебник / под ред. А. В. Торкунова. М. : РОСПЭН, 2000. С. 45.

⁹ Системная история международных отношений в четырех томах, 1918–2003. Т. 3 / под ред. А. Д. Богатурова ; Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2003. С. 5.

текающие как бы «сами по себе», а их инициаторы, «локомотивы». Именно с этим связаны дискуссии об однополярности и многополярности, предлагаемые вниманию российских студентов. В этой ситуации учебный и научный дискурсы тесно переплелись друг с другом. Иными словами, дилемма «однополярность – многополярность», которая стала предметом весьма оживленной полемики среди профессионалов, вошла в учебную литературу, причём в качестве ее достаточно дискуссионного элемента.

Суть проблемы сводится к тому, что «однополярный мир, основанный на безраздельном господстве США» не может обеспечить международную безопасность, но и «концепция многополюсного мира также не может быть прочной конструкцией нового мирового порядка»¹⁰. Концепцию многополярности, актуализированную в официальном политическом дискурсе России, «на практике очень непросто реализовать на пользу, а не во вред международным отношениям»¹¹, – полагает авторский коллектив «Образовательного форума по международным отношениям». Данная проблема получила сильное политическое звучание в результате призывов президента Д. Медведева после войны России против Грузии в августе 2008 г. перейти к формированию многополярного мира и последовавшими за этим критическими комментариями некоторых экспертов о том, что опасность любых «полярных» терминов состоит в заложенном в них конфликтном потенциале¹².

Нетрудно увидеть, что единства мнений среди российских авторов здесь не наблюдается. Некоторые учебники исходят из того, что однополярный мир – возможно, скрывающийся под маской *Rex Americana*, или «мягкой американской гегемонии», – реально существует. Иными словами, для многих специалистов «не очевидны основания полагать, что современная мирополитичес-

¹⁰ Мировая политика : учеб. пособие / под ред. С. В. Кортунова. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 89.

¹¹ Современные международные отношения... С. 512.

¹² Коновалов А. Мир не должен быть многополярным // Независимая газета. 2008. 16 сент.

кая структура может быть описана как многополярная»¹³. Именно в рамках такой позиции разворачиваются модные дискуссии о США как о «новой империи». Действительно, США претендуют на имперский статус, и понятие «имперское мышление» в политическом дискурсе сменило негативно-осуждающий знак на позитивно-конструктивный. Однако в учебном дискурсе термин «империя» продолжает сохранять преимущественно негативные коннотации. Ключевой характеристикой Америки как современной империи многие российские авторы вслед за своими западными коллегами считают, что Соединенные Штаты сами устанавливают правила и исключения, причем чаще всего в неформальном порядке¹⁴. «Имперско-эгоистические притязания и поползновения США»¹⁵ – такова формула, сочетающая имперскую и одностороннюю модели внешней политики. Однако при этом существует понимание того, что США – это скорее «пост-классическая (либеральная) империя»¹⁶, действующая не только военной силой, но и экономическими методами.

Такой взгляд вполне уместен в реалистическую парадигму, которая базируется на признании того, что основной фактор, определяющий эффективность государств, носит материальный характер, и инструментами правительств может быть не только физическая мощь, но и санкции, бойкоты и прочие невоенные методы. В этом плане заслуживает внимания попытка описания поведения США в мире на языке геэкономии. Согласно этой версии США – «символ и отлаженное ядро постиндустриализма... Они уже у себя дома расправились с этнонациональными системами, превратив их в некий развлекательно-нравственный дове-

¹³ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений / Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 287.

¹⁴ Мировая политика... С. 313.

¹⁵ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Указ. соч. С. 299.

¹⁶ Баталов Э. Я. О философии международных отношений / Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2005. С. 67.

сок к постиндустриальной культуре»¹⁷, – утверждает один из российских авторов. По его мнению, «американская школа геоэкономики... нацелена на продвижение западных ценностей путем использования геоэкономических атрибутов... насаждения техногенных инфраструктур в мировом пространстве, вплетение военных компонентов в высокие геоэкономические технологии»¹⁸. Соответственно, «национальная безопасность сведена к безопасности функционирования американских геоэкономических (мировых) воспроизводственных циклов... Истинная причина США втянуть новые страны в орбиту НАТО – уравновесить американскую военную составляющую в НАТО геоэкономической, сделать это геоэкономическим путем и за счет дохода западноевропейских стран»¹⁹. Это объяснение, как видим, является не столько альтернативой геополитике, сколько дополнением к ней.

В то же время авторы других учебников либо отрицают, либо сомневаются в однополярном устройстве мира на основании того, что США не решили проблем Афганистана и Ирака, ничего не могут сделать с Ираном и Ближним Востоком, «бессильно наблюдают за возвышением Китая»²⁰ и т. д. Согласно этой позиции США являются не столько империей, сколько индивидуалистическим государством, приверженным ценностям потребительского общества, которые «как ржавчина, разъедали имперские конструкции»²¹. Соответственно, «суть стратегии США состоит не в том, чтобы взять на себя ответственность за глобальное управление, а в том, чтобы обеспечить себе свободу рук»²².

Кроме того, США – это «не единственная, а одна из нескольких несущих опор нового мирового порядка»²³. США – это «комплексный лидер»²⁴, в силу чего современный миропорядок является плю-

¹⁷ Кочетов Э. Геоэкономика : учебник. М. : Изд-во БЕК, 1999. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 291.

¹⁹ Там же. С. 307.

²⁰ Мировая политика... С. 104.

²¹ Там же. С. 101.

²² Там же. С. 102.

²³ Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 273.

²⁴ Системная история международных отношений... Т. 3. С. 9.

ралистическим, что, однако, не «меняет смысла ситуации» однополярности (согласно этому взгляду мир плюралистичен, но однополярен). Этот плюрализм позволяет использовать концепт Запада для обозначения «единой экономической, политико-военной и этико-правовой общности», играющей центральную роль в «глобальном порядке»²⁵ – точка зрения, которая, опять-таки, представляется весьма близкой к уже упоминавшейся выше «английской школе».

Другие авторы предлагают, например, модели «кольцевой структуры» международных отношений («ядро» – «прослойка» – «периферия») и «плюралистической однополярности» («США в плотном окружении стран «семерки»). В обоих случаях в качестве гипотезы предлагается «стратегия перемалывания», под которой понимается линия США «на формирование и поддержку на пространстве бывшего социалистического мира сети не особенно сильных и не слишком устойчивых новых государств, вовлеченных в сотрудничество и отношения асимметричной взаимозависимости с Западом, дорожащих помощью США, делающей их податливыми к американским рекомендациям»²⁶. Согласно этой логике «стратегия перемалывания» содержит избирательное поощрение центробежных тенденций в многоэтнических государствах, в силу чего США становится ревизионистской державой (в то время как Россия больше подходит под статус державы статускво). Конечная цель Вашингтона состоит, согласно этой версии, в создании хорошо управляемого пространства. Но и здесь намечается своя линия дискуссии: многие авторы полагают, что американское лидерство может быть не всегда бесспорно с точки зрения эффективности²⁷: к примеру, служащая воплощением американской институциональной гегемонии НАТО «еще не готова к пресечению войн, агрессий, кровавых конфликтов»²⁸.

²⁵ Системная история международных отношений... Т. 3. С. 12.

²⁶ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Указ. соч. С. 364.

²⁷ Политический процесс и эволюция политических институтов в XX веке: учеб. пособие / под ред. П. Ю. Рахшмир, Л. А. Фадеевой; Перм. гос. ун-т, 2005. С. 81.

²⁸ Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 317.

США и глобализация

Одной из альтернатив «реал-политическому» анализу роли США в мире является подход с позиций различных версий теории глобализма. Редкий российский учебник обходится без описания внешнеполитической модели поведения США при помощи концепта глобализации. Однако ключевой вопрос при этом состоит в следующем: США – это лидер глобального мира, препятствие для глобализации или ее жертва?

Позиция, утверждающая, что «ультралиберальная глобализация» протекает под эгидой США²⁹, является широко распространенной в российских учебниках. США – это лидер «глобального мира»³⁰, что и объясняет «глобализацию американских интересов»³¹. Обратной стороной этого процесса является «глобальная демократизация»³², которая также обосновывает неизбежную центральность США в глобальной картине мира.

Но на страницах российских учебников мы видим и другую трактовку: США столкнулись с глобализацией как новой реальностью, которая поставила эту страну перед необходимостью структурной адаптации к ней³³. Нельзя не уловить смысловую разницу между этими двумя точками зрения: при второй трактовке США являются не источником и не основным субъектом глобализации, а страной, которая (как и многие другие) встретила с «объективными» (то есть существующими вне зависимости от той или иной линии поведения США) вызовами глобальной экономики.

Еще одна трактовка, ставящая под сомнение версию о США как о воплощении глобализации, обращает внимание на то, что США сами нарушили мировой порядок в 1999 г. «агрессивным нападением НАТО на Югославию». Более того: события 11 сентября 2001 г. произошли «уже в ситуации рухнувшего мирового

²⁹ Мировая политика... С. 47.

³⁰ Картунов С. В. Указ. соч. С. 33.

³¹ Современные международные отношения... С. 301.

³² Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 123.

³³ Современные международные отношения... С. 280.

порядка, когда нарушать с точки зрения права уже было нечего. Иными словами, террористы действовали на основе реального прецедента 1999 года»³⁴. США, исходя из этой логики, скорее действуют по сценарию Карла Шмитта, которому идеи глобализации были чужды³⁵. В силу этого США выступают единственным «носителем полного национального суверенитета»³⁶, и в этом смысле скорее принадлежат традиционному «вестфальскому», чем новому «глобальному» миру. Такая постановка вопроса возвращает нас к обозначенной выше дискуссии об однополярности (то есть, по сути, американоцентричности) и многополярности международных отношений.

Конструктивистские основы образа США

Социальный конструктивизм обращает особое внимание на концепт идентичности, который обычно понимается как совокупность характеристик, которые создают субъектность (иными словами, нет субъектности вне идентичности). Эти характеристики артикулируются посредством того или иного дискурса, функция которого – дать ответ на вопрос о том, кто такой «Я» и кто есть «Другой» («Другие»).

Конструктивистские смыслы, заложенные в российских учебных текстах, можно увидеть, по крайней мере, в двух тематических аспектах.

США и проблемы безопасности

Ключевой вопрос этого сегмента учебных нарративов состоит в следующем: США – это наш партнер в сфере безопасности, или же скорее источник угроз? Вполне логично, что дискуссии на эту тему не ограничиваются Соединенными Штатами и неизбежно включают в себя фактор НАТО.

Для учебников, изданных на рубеже прошлого и нынешнего столетий, характерно достаточно комплиментарное от-

³⁴ Мировая политика... С. 93.

³⁵ Там же. С. 107.

³⁶ Там же. С. 109.

ношение к НАТО, значительно контрастирующее с более поздними оценками этой организации В. Путиным и Д. Медведевым. «НАТО утвердила себя в качестве важнейшей военно-политической структуры в евро-атлантическом регионе»³⁷, то есть именно на том пространстве, частью которого Россия, судя по заявлениям нынешнего главы государства, хочет стать. Расширение НАТО – «это, конечно, не угроза, а лишь вызов национальной безопасности России»³⁸, – утверждает известный российский автор. Согласно той же логике, НАТО – это «не столько военная организация», сколько вполне дееспособный механизм определения и реализации общих интересов атлантической цивилизации³⁹. Российские авторы фиксируют тенденцию к снижению военной компоненты деятельности НАТО и готовность этой организации к адаптации к меняющимся условиям. Более того, по утверждению группы российских специалистов, разрыв отношений РФ и США в военно-политической области, свидетелями которого мы фактически стали в 2008 г., «обернулся бы для нас неизмеримо большими издержками, чем для наших западных партнеров»⁴⁰. Возобновление конфронтации приведет к изоляции России и установлению в стране авторитарного режима, что не соответствует массовым ожиданиям населения.

В то же время на страницах учебников можно встретить и другие сюжеты, касающиеся проблематики безопасности после 11 сентября. Одним из них является постановка вопроса о демократии как гарантии безопасности⁴¹, что отчасти коррелирует с аналогичным подходом многих западных исследователей и политических деятелей. Любопытно, что российские лидеры весьма активно используют «демократическую» риторику, однако под «международной демократией» они скорее понимают плюрализм цен-

³⁷ Современные международные отношения... С. 148.

³⁸ Кортунов С. В. Указ. соч. С. 77.

³⁹ Современные международные отношения... С. 153.

⁴⁰ Там же. С. 150.

⁴¹ Там же. С. 296.

тров влияния и учёт мнения каждого из участников той или иной «ситуации безопасности».

Более радикальные нотки звучат в аргументе о том, что «война с терроризмом стала важнейшим источником терроризма»⁴². Этот парадоксальный, на первый взгляд, тезис вполне вписывается в дискурс о терроризме в исполнении современных левых европейских интеллектуалов, представляющих «критическую теорию». Такие политические философы, как, к примеру, Славой Жижек, радикализируют конструктивистский тезис о том, что любая коммуникация предполагает тот или иной вариант «ролевой игры»: он утверждает, что любая идентичность представляет собой синтез противоположностей (по Жаку Лакану, «я смотрю на картину и нахожу там самого себя»). Терроризм, соответственно, может рассматриваться как «неприличный эксцесс» самой западной цивилизации. Эту идею вполне можно интерпретировать в том духе, что «Другое» – это проекция, продолжение нас самих. Иными словами, во «Внешнем зле» мы можем «узнать очищенную версию нашей собственной сущности»⁴³. И хотя критическая теория лишь в минимальной степени представлена в российской учебной литературе, все же отдельные ее фрагменты иногда опознаются.

Москва и Вашингтон: симметричность ролей?

Другим конструктивистским вопросом является вопрос о том, являются ли США и Россия (Советский Союз) неизбежными антагонистами или же они могут рассматриваться как взаимно дополняющие (и, соответственно, предполагающие) друг друга политические субъекты?

С одной стороны, период «холодной войны» может описываться как история глубочайшего антагонизма между СССР и США, как противостояние двух цивилизаций и народов, «обла-

⁴² Мировая политика... С. 230.

⁴³ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. Размышления о Всемирном торговом центре // Русский журнал. 2001. 3 окт. URL: http://www.russ.ru/ist_sovr/20011003_zhi-pr.html.

дающих несхожими социально-антропологическими характеристиками, двух систем человеческих качеств»⁴⁴. С другой стороны, культурная близость между двумя странами обосновывается тем, что Россия внесла свой вклад в освоение Америки, и процветание США – это «и наш продукт» тоже, а американская нация – «наши потомки»⁴⁵.

Вторая точка зрения получила большее распространение в российских учебниках. «СССР и США превратились в комплиментарную пару взаимодействующих образов... так как самоопределение одного государства невозможно без существования другого... Сходство между СССР и США заключалось в том, что широко разделяемые ценности одного находили свою противоположность у другого и проецировались вовне как презируемое качество противника»⁴⁶. Отсюда следует предположение о том, что «Советская империя увлекла с собой в архив истории не только коммунистическую идею, но вместе с ней, возможно, и еще одну идею *Rex Americana*»⁴⁷.

История XX в. дает немало примеров для иллюстрации тезиса о симметричности внешнеполитических позиций Москвы и Вашингтона. Специалисты отмечают, что, несмотря на собственные версии победы над Германией, и СССР, и США «акцентировали негативные стороны нацизма и в этом смысле были параллельны»⁴⁸. Доминирующий в США взгляд на международное развитие как на процесс «прогрессивного восхождения» от одной стадии к другой был параллелен «тому, как в Советском Союзе видели мир движущимся от мрака порабощения труда капиталом к свету торжества власти трудящихся»⁴⁹. В рамках той же «зеркальной» логики можно увидеть, что США аналогичны России с

⁴⁴ Баталов Э. Я. Указ. соч. С. 116.

⁴⁵ Мировая политика... С. 440.

⁴⁶ Киселев И., Смирнов А. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб., 2006. С. 134.

⁴⁷ Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 272.

⁴⁸ Системная история международных отношений... Т. 3. С. 25.

⁴⁹ Там же. С. 101.

точки зрения динамики территориальных приобретений и потерь и тенденции к расширению геополитического пространства⁵⁰. Вьетнамская война США и афганская война СССР – наиболее часто встречающаяся параллель между двумя странами⁵¹, демонстрирующая, что обе стороны стремились к одному и тому же – к гегемонии. Более того, даже сейчас внешнеполитическая доктрина США напоминает «доктрину Брежнева», то есть «доктрину ограниченного суверенитета»⁵², а элиты США и России одинаково безразличны к общественному мнению и оппозиционным настроениям⁵³. Кроме того, можно встретить утверждение о том, что «ни американские, ни советские военные не играли решающей роли в принятии политических решений о войне и мире»⁵⁴.

И вновь мы видим, что рассуждения на эту тему выводят нас за пределы собственно конструктивизма в направлении упомянутой выше «критической теории», которую отличает способность увидеть во взаимоотношениях двух, казалось бы, непримиримых антагонистов элементы схождения, подобия и взаимной дополняемости.

Заключение

Основной вывод из предпринятого нами анализа состоит в констатации тесного переплетения между тремя «дискурсивными рядами»: политическим, академическим и образовательным. При внимательном взгляде обнаруживается, что между ними есть множество точек пересечения. Допустим, политическая дискуссия о том, кто является ревизионистской державой, а кто поддерживает статус-кво, находит свое отражение в учебных текстах. Проблема соотношения безопасности и демократии после 11 сентября, имеющая явно выраженную академическую нагрузку, также представлена в учебной литературе.

⁵⁰ Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 309.

⁵¹ Там же. С. 352.

⁵² Мировая политика... С. 103.

⁵³ Там же. С. 173.

⁵⁴ Системная история международных отношений... Т. 3. С. 31.

Плотность этого соприкосновения трех разных типов дискурса варьируется в зависимости от того, о какой проблеме мы говорим. Вероятно, политический дискурс является доминирующим тогда, когда речь идет о национальных интересах, стратегиях, геополитических расчетах. В то же время вопросы формирования политических идентичностей на основе «речевых актов» и различного рода «ролевых игр» в большей степени определяются в академических дискуссиях, а не на политических «площадках».

Из выделенных трех типов дискурса образовательный, конечно же, является наиболее реактивным: он по своей природе функционально нацелен на то, чтобы реагировать как на меняющийся расклад политических (в том числе геополитических) сил, так и на появление новых научных теорий. Однако при этом важно иметь в виду, что сам жанр образовательного текста в России находится в поисках своего оптимального и наиболее эффективного формата, что в значительной степени связано как раз с множеством смысловых привязок учебного нарратива к меняющейся политической конъюнктуре. Действительно, политизация исторического и социокультурного знания для большинства вузовских преподавателей очевидна. В сфере российско-американских отношений она проявилась в том, что в течение полутора десятилетий существенно поменялись оценки той роли, которую США играют в мире, и, соответственно, тех возможностей, которые существуют в плане двусторонних отношений между Москвой и Вашингтоном. События 2008 г. (военный конфликт России и Грузии, дебаты вокруг расширения НАТО, мировой финансовый кризис) придали дополнительную динамику образу США, складывающемуся в рамках политического дискурса. Понятно, что реакция на это учебного нарратива – это лишь вопрос времени и тех форм, в которых это произойдет.

Можно предположить, что в ближайшее время начнет меняться сам формат текста, предназначенного для образовательных целей. Следуя опыту ведущих вузов Европы и США, рос-

сийские университеты, вероятно, постепенно будут переходить на «модульную» структуру образовательных текстов, которая предполагает их размещение в Интернете и интерактивную систему взаимоотношений между преподавателями (тьюторами) и студентами. Если эта тенденция наберет силу, то она, с одной стороны, усилит технологичность использования образовательных текстов, а с другой – усилит возможности для регулярных дискуссий по самым оперативным вопросам текущей политики.

КРИТИЧЕСКАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ГЕОПОЛИТИКА, ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНОВ ¹

Dmitrii Sidorov. Critical Popular Geopolitics, Visual Images, and Construction of Regions.

This essay reviews representations of the Eastern Europe and Russia as conveyed by illustrations in American world regional geography textbooks. Revealing certain geopolitical biases and silencing tendencies, it hopes to shed light on various Cold War legacies and contribute to the popular cultural, visual, and constructivist turns in geography and geopolitical studies.

Геополитика является одной из самых переменчивых областей научных изысканий: формально оформившись всего только век назад, западная геополитика изначально в своем классичес-

¹ Данная статья в значительной степени является развитием моей публикации в самом первом номере нового журнала «Contexts» (2008) (Sidorov D. Visualizing the Former Cold War “Other”: Images of Eastern Europe in World Regional Geography Textbooks in the United States // Contexts. 2008. Vol. 1, № 1. P. 39–58), который целиком посвящен учебникам; я благодарю редактора номера профессора Ханну Шислер за разрешение на частичное использование здесь опубликованного материала. Я хотел бы поблагодарить Колледж либеральных искусств Калифорнийского государственного университета в Лонг-Бич за поддержку междисциплинарного исследовательского семинара по Восточной Европе в 2005–2006 гг. и в 2008–2009 гг. и моих коллег по университету, профессоров Кейтлин Мёрдок, Влатку Велчич и Кристофера Караджова за создание высоко стимулирующей атмосферы на семинаре. Джим Бауэрс, студент семинара, сделал курсовую работу по теме данной статьи и его идея привлечения картинок из учебников самой «холодной войны» использована здесь. Участники ежегодной конференции Калифорнийского географического общества (2005) в Йосемитском национальном парке, а также Второй ежегодной конференции по новым подходам к сравнительной истории в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе (София, 17–19 апреля 2008 г.) оставили комментарии к моему выступлению с ранней версией данной статьи.

ком варианте занималась по преимуществу либо приложением дарвинистских воззрений к объяснению политического влияния государств (например, Ратцель с его концепцией органического государства), либо анализом геостратегических особенностей территорий и мест (например, концепция географической оси истории Макиндера, хартленда мирового доминирования)². Классическая геополитика первой половины XX в. была элитарной, «высоколобой», ею занимались главным образом образованные европейские интеллектуалы. После Второй мировой войны дисциплина испытала упадок из-за ассоциаций с Realpolitik фашистской Германии, а в период «холодной войны» примат идеологического уменьшил значимость географического в новых геополитических построениях.

Однако после окончания «холодной войны» в западной геополитической мысли все больший вес набирает новое направление так называемой критической геополитики: в отличие от классического периода, для нее наиболее содержательными кажутся не столько элитарно-интеллектуальные построения, сколько изучение игнорировавшихся ранее геокультурных контекстов мировой политики, включая масс- и попукультурные³. Основной идеолог критической геополитики О'Тоал (O'Tuathail) выделяет «высокую» и «низкую» геополитику: первая, называемая также практической или формальной геополитикой, создается дипломатами, государственными деятелями, политиками и экспертами разных уровней; вторая, или популярная геополитика, складывается из набора мифов и социальных представлений о месте страны в мире, распространяемых системой образования, средствами массовой информации и официальной пропагандой, составляющих

² Общий обзор истории геополитики как дисциплины и отрывки из ключевых текстов можно найти, например, в: O'Tuathail G., Dalby S., Routledge P. *The Geopolitics Reader*. L. : Routledge, 2006.

³ O'Tuathail G. *The Postmodern Geopolitical Condition: States, Statecraft, and Security at the Millennium* // *Annals of the Association of American Geographers*. 2000. № 90 (1). 166–178.

неотъемлемый элемент государственного строительства ⁴. Меняются и методы исследований, смещаясь у последователей этого нового направления с анализа «элитарных» текстов к изучению массмедийных и визуальных дискурсов. Никого уже не удивляют, например, рассуждения о геополитике применительно к фильмам о Джеймсе Бонде ⁵ или комиксам о Капитане Америка ⁶, статьи о геополитике в журнале «*Reader's Digest*»⁷ или в газетах ⁸.

Критическая/популярная геополитика отличается от элитарно-интеллектуальных построений классического периода и позитивистско-идеологического схематизма периода «холодной войны» своим подходом, но сохраняет то, что Колосов и Мироненко ⁹ называют основным объектом исследования геополитики, то есть выявление геополитической структуры мира.

Данное исследование находится на перекрестке нескольких подходов: вдобавок к критической популярной геополитике, оно

⁴ Колосов В., Мироненко Н. Геополитика и политическая география : учеб. для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 260–270.

⁵ Black J. The Geopolitics of James Bond // *Intelligence & National Security*. 2004. Vol. 19, № 2. P. 290–303 ; Dodds K. Popular geopolitics and audience dispositions: James Bond and the Internet Movie Database (IMDb) // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2006. Vol. 31, № 2. P. 116–130.

⁶ Dittmer J. Captain America's Empire: Reflections on Identity, Popular Culture, and Post-9/11 Geopolitics // *Annals of the Association of American Geographers*. 2005. Vol. 95. № 3. P. 626–643 ; idem. The Tyranny of the Serial: Popular Geopolitics, the Nation, and Comic Book Discourse // *Antipode*. 2007. Vol. 39, № 2. P. 247–268.

⁷ Sharp J. Hegemony, Popular Culture and Geopolitics: the Reader's Digest and the Construction of Danger // *Political Geography*. 1996. № 15 (6/7). P. 557–570.

⁸ Falah G., Flint C., Mamadouh V. Just War and Extraterritoriality: The Popular Geopolitics of the United States' War on Iraq as Reflected in Newspapers of the Arab World // *Annals of the Association of American Geographers*. 2006. Vol. 96, № 1. P. 142–164 ; McFarlane T., Hay I. The Battle for Seattle: Protest and Popular Geopolitics in The Australian Newspaper // *Political Geography*. 2003. № 22. P. 211–232. Самый общий обзор можно найти в: Dodds K. *Geopolitics: A very short introduction*. Oxford : Oxford University Press, 2007. Ch. 6. Popular Geopolitics.

⁹ Колосов В., Мироненко Н. Указ. соч. С. 19.

может работать и на «визуальный сдвиг» в геополитике и географии вообще. География как дисциплина по идее является сущностно визуальной, однако только недавно подобное понимание начало привлекать должное внимание ¹⁰. Геополитика не стоит обособленно от этой дискуссии и визуальных методологий; растет число работ именно по визуальному измерению геополитики ¹¹.

Данное исследование также находится в русле конструктивистской исследовательской парадигмы: в результате влияния исследований Эрика Хобсбаума по так называемой изобретенной традиции национализма ¹² и изучения ориентализма Эдвардом Саидом ¹³ в современных социальных науках возник определенный «конструктивистский» тренд, нацеленный на объяснение категорий «нация» и «регион» как «созданных» и «воспроизводимых». Например, растет корпус исследований, рассматривающих Восточную Европу как регион в развитии (процессе нового создания в результате недавних геополитических перемен после заката советской империи). Фундаментальное исследование Ларри Вульфа «Изобретая

¹⁰ См., например: Crang M. Picturing Practices: Research through the Tourist Gaze // *Progress in Human Geography*. 1997. Vol. 21, № 3. P. 359–373 ; Sui D. Visuality, Aurality, and Shifting Metaphors of Geographical Thought in the Late Twentieth Century // *Annals of the Association of American Geographers*. 2000. Vol. 90, № 2. P. 322–343 ; Crang M. The Hair in the Gate: Visuality and Geographical Knowledge // *Antipode*. 2003. Vol. 35, № 2. P. 238–243 ; Driver F. On Geography as a Visual Discipline // *Ibid.* P. 227–231 ; Matless D. Gestures around the Visual // *Ibid.* P. 222–226 ; Rose G. On the Need to Ask How, Exactly, Is Geography “Visual”? // *Ibid.* P. 212–221 ; Ryan J. Who’s Afraid of Visual Culture? // *Ibid.* P. 232–237.

¹¹ См., например: Campbell D. Geopolitics and Visuality: Sighting the Darfur Conflict // *Political Geography* 2007. Vol. 26. P. 357–382 ; Hughes R. Through the Looking Blast: Geopolitics and Visual Culture // *Geography Compass*. 2007. Sept. Vol. 1, № 5. P. 976–994 ; Clayton R. Media Geographies: Uncovering the Spatial Politics of Images // *Ibid.* P. 995–1014.

¹² *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 1983.

¹³ Said E. *Orientalism*. N. Y. : Vintage Books, 1979; idem. *Orientalism Reconsidered* // *Rethinking Geopolitics* / S. O’Tuthail, S. Dalby (eds.). N. Y. : Routledge, 1998. P. 256–262.

Восточную Европу»¹⁴ проясняет происхождение восприятия Восточной Европы для западноевропейцев как «Другого» и прослеживает истоки исторически долгой традиции восприятия Восточной Европы в качестве отсталой и нецивилизованной территории. Мария Тодорова написала о формах воображения и мифологизации Балкан¹⁵. Конструирование Восточной Европы внутри большой европейской «конструкции» продолжается (см., например, работу Джейсона Дитмера о «Дракуле» Брэма Стоукера и основанном на нем фильме¹⁶). Интерпретации истории российского национализма также не остались в стороне от этого конструктивистского тренда (см., например, работу Миллера, где он рассматривает воображение русским национализмом нации и империи¹⁷).

В данной статье, находящейся по своей методологии на перекрестке этих подходов, предпринимается попытка анализа популярной геополитики конструирования Восточной Европы и России через визуальную составляющую учебников мировой региональной географии США.

Иллюстрации учебников мировой региональной географии США

Мировая региональная география (world regional geography; далее – МРГ) является одним из базовых общеобразовательных предметов, которые студенты прослушивают в североамериканских университетах и колледжах. Нередко этот курс остается единственным географическим курсом, которые многие из них когда-либо прослушивали. Поэтому курсы МРГ часто становятся важнейшим система-

¹⁴ Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, Stanford : Stanford University Press, 1994. Или рус. изд.: Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М. : Новое лит. обозрение, 2003.

¹⁵ Todorova M. *Imagining the Balkans*. N. Y. : Oxford University Press, 1997.

¹⁶ Dittmer J. *Teaching the Social Construction of Regions in Regional Geography Courses; or, Why Do Vampires Come from Eastern Europe?* // *Journal of Geography in Higher Education*. 2006. Vol. 30, № 1. P. 52.

¹⁷ Миллер А. *Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования*. М. : Новое лит. обозрение, 2006.

тическим введением американских студентов в мир за пределами их страны. Принимая во внимание относительно низкий уровень географической грамотности среднего американца, курсы МРГ являются редкой возможностью оспорить те, часто предвзятые, образы регионов и мировых процессов, которые навязывают массмедиа. В этой связи учебники МРГ должны пытаться минимизировать эти медиа-перекосы, но похоже на то, что репрезентации самих учебников лишь изредка становятся объектом критических обзоров. Редкий пример представляет статья Майерса¹⁸, в которой он проанализировал репрезентации Африки в десяти учебниках «Введение в гуманитарную географию» и пришел к выводу, что, хотя эти учебники в целом избегают исторических и географических упрощений, однако часто повторяют стереотипы и неточные медиа-образы этого континента. Он намеренно исключил из своего исследования учебники МРГ, надеясь, что они, разумеется, «представляют Африку, иногда очень подробно; по своей сути они должны это делать»¹⁹. Но делают ли это учебники МРГ и каким образом, в особенности касательно таких меняющихся сейчас регионов, как Россия и Восточная Европа²⁰?

Я сосредоточусь на выявлении возможных стереотипов и предвзятых обобщений американских учебников МРГ в их репрезентациях пост-коммунистической Восточной Европы и России. Являясь основной площадкой «холодной войны», Восточная Европа и Россия находились в течение нескольких последних десятилетий в центре медиа-внимания: к примеру, образы Берлинской стены и ее раз-

¹⁸ Myers G.A. Introductory Human Geography Textbook Representations of Africa // *Professional Geographer*. 2001. Vol. 53, № 4. P. 522.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Восточная Европа здесь включает в себя всех бывших членов Варшавского договора к западу от СССР, бывшую Югославию, Албанию и прибалтийские государства (Литва, Латвия, Эстония). Некоторые учебники МРГ также включают в Восточную Европу Молдову, Украину и Беларусь, но это несущественно для данного исследования, поскольку практически ни одного изображения для этих новых независимых государств в учебниках не нашлось. Случай Германии сложен: все анализируемые учебники теперь исключают Германию из Восточной Европы, но так было не всегда. В данной работе Восточная Германия и Берлин формально не являются частью Восточной Европы, но я все-таки не полностью игнорирую их иллюстрации.

рушения являются, вероятно, одними из самых воспроизводимых и знаковых во второй половине XX века. Но и много лет спустя после формального окончания «холодной войны» сданный в утиль «железный занавес» может продолжать бросать тень на эти регионы и доминировать в связанных с ними географических дискурсах.

Восточная Европа остается ареной глубоких геополитических изменений; в наши дни медиа уделяют особое внимание восточному расширению Европейского союза в ареалы бывшего советского блока. Можно ожидать, что авторы американских учебников МРГ не обладают иммунитетом против медиа-влияний и склонны к маргинализации Восточной Европы. Под этим термином подразумевается тенденция к представлению данного субрегиона как «естественной» периферии Европы Западной и как проблематичной и зависимой территории, которой необходима помощь расширяющего западноевропейского «ядра». Я не собираюсь бросать вызов тезису, что экономически и политически центр влияния в Европе в настоящее время находится на Западе. Меня интересуют не цели и следствия возможного «умалчивания» Восточной Европы, а механизмы ее репрезентации и нюансы «послания» посредством того, что подразумевается как «нейтральное» и «объективное», то есть через визуальные иллюстрации физических и городских ландшафтов, исторических событий и повседневных действий населения.

В качестве источников выбраны семь основных учебников МРГ, которые на данный момент (начало 2008 г.) наличествуют на американском рынке ²¹. Из двадцати одного автора

Строго говоря, мое исследование представляет собой обзор новой Восточной Европы и бывшей Восточной Германии. Ни один из рассмотренных учебников не включает в состав Европы Россию. В самой же Европе это не всегда так, поскольку Европа как таковая понимается физико-географически: например, один из болгарских учебников определяет Восточную Европу как район Русской равнины, простирающийся от Балтийского моря до Урала как восточного предела (см., например: Пенин Р., Султанова М., Силянова М. География за 7-й клас. София : Булвест, 2000. С. 19.

²¹ Essentials of World Regional Geography / M. Bradshaw, G. White, J. P. Dymond, E. Chacko. Boston : McGraw-Hill Higher Education, 2008 ; World Regional Geography: A Developmental Approach / D. L. Clawson, D. L. Johnson, V. Haarmann, M. L. Johnson. 9th ed. Upper Saddle River : Pearson Prentice Hall, 2007 ; Blij H. J. de, Muller P. O.

этих книг один работает в британском университете, остальные находятся в США. Эти учебники значительно разнятся по своему объему, цене и популярности: большинство являются относительно тонкими изданиями в мягкой обложке, но два – в твердом переплете, вышедшие уже в 9-м и 13-м изданиях. Учебники с длительной историей особенно интересны для сравнения их визуальной составляющей до и после конца «холодной войны».

Несмотря на буквальное значение в английском языке слова «textbook» («книга текста», учебник), то, что сейчас издается для курсов МРГ в Северной Америке в большей степени напоминает нечто из ряда picturebook, «книга картинки», если судить по растущему числу, качеству и наполнению иллюстраций, особенно с учетом стремления сокращать текстуальное наполнение. Будучи не просто визуальным дополнением, иллюстрации часто являются первыми и последними сообщениями, формирующими восприятие региона. Часто именно картинки студенты запоминают лучше всего. Они особенно важны для американских студентов, которые вырастают в культурной среде, перенасыщенной разного рода визуальностями.

У каждого из рассматриваемых учебников разное визуальное наполнение: хотя все учебники иллюстрируются цветными фотографиями, их размер, число и качество различаются. Чтобы сделать данное исследование выполнимым, я не рассматриваю в нем основное текстуальное содержание учебников, а акцентирую внимание исключительно на иллюстрациях и под-

Geography: Realms, Regions, and Concepts. 13th ed. Hoboken : John Wiley & Son, 2008 ; Hobbs J. Fundamentals of World Regional Geography. Belmont, CA : Brooks/Cole, 2007 ; Marston S. A., Knox P. L., Liverman D. M. World Regions in Global Context: People, Places, and Environments. 3rd ed. Upper Saddle River, NJ : Pearson Prentice Hall, 2008 ; Pulsipher L. M., Pulsipher A. A. World Regional Geography: Global Patterns, Local Lives. 4th ed. N. Y. : W.H. Freeman and Company, 2008 ; Globalization and Diversity: Geography of a Changing World / L. Martin, L. Rowntree, M. Price, W. Wychoff. 2nd ed. Upper Saddle River : Pearson Prentice Hall, 2008.

писях к ним. Все остальные параметры (текст, карты, не привязанные к месту фотографии типа макроизображений цветов) здесь игнорируются.

Данная статья состоит из двух методологически разных частей. Первая пытается вычленить базисные ситуации-модели, стоящие за изображениями из учебников МРГ, чтобы идентифицировать и подчеркнуть несколько тропов (повторяющихся смысловых выражений и репрезентаций²²) в иллюстрациях в указанных учебниках. Цель здесь – подчеркнуть основные тренды и важнейшие узловые темы в описании регионов (по преимуществу Восточной Европы), которые учебники выделяют через свои иллюстрации. Основная методология первой части – контент-анализ содержания иллюстраций (географически специфических фотографий) и их пояснений в соответствующих главах каждого из учебников²³. Контент-анализ и качественные интерпретации не являются взаимоисключающими²⁴. Во второй части статьи данный предварительный анализ нескольких тропов (по преимуществу Восточной Европы) дополняется качественно-сравнительной интерпретацией, включающей и Россию. С целью подтвердить предвзятость в изображении регионов полезно поставить предварительные наблюдения в сравнительный контекст: например, сравнить изображения Восточной Европы с иллюстрациями Европы Западной из тех же самых учебников или противопоставить репрезентации сходных ландшафтов из учебников МРГ периодов «холодной войны» и после нее.

²² Здесь я следую пониманию тропов, представленному в: Myers G. A. *Op. cit.* P. 523.

²³ По-видимому, точнее было бы назвать эту методологию случайным контент-анализом, потому что здесь не использовался предварительный вопросник или переменные. Иллюстрации могут содержать несколько тем. Чтобы вычленить основную, наиболее существенную для авторов при выборе данного изображения, я сверялся с их пояснениями к картинкам.

²⁴ См. обсуждение этой проблемы: Rose G. *Visual Methodologies: An Introduction into the Interpretation of Visual Materials*. L. : Sage Publications, 2001. В особенности: Ch. 3 “Content Analysis”. P. 54–68.

«Естественно западные» естественные ландшафты

Обычно вводные главы учебников МРГ содержат темы, относящиеся к миру в целом, и в них редко встречаются изображения Восточной Европы и России. Основная часть учебников, как правило, состоит из глав, в которых отдельно рассматриваются основные регионы мира – Европа и Россия. Обычно (хотя и не всегда) каждая региональная глава учебников МРГ открывается темами физико-географического характера. Это закладывает основу, на которой разворачивается история и человеческая деятельность. Метафорически выражаясь, физико-географическая основа воспринимается как «фундаментальная», как сцена или основание, на которой в каждой региональной главе разворачивается остальное описание. Картинки, иллюстрирующие эту физико-географическую основу, подразумеваются как аполитичные, но и они могут задавать определенный «общий тон», влиять на восприятие региона.

В этой связи примечательным является тот факт, что, если судить по физико-географическим изображениям из учебников МРГ, территория бывших стран социалистического лагеря не является частью этого «фундаментального основания» Европы: ни один из рассматриваемых учебников не использует образы Восточной Европы, специально иллюстрирующие физическую географию. Во всех анализируемых учебниках физическая основа Европы представлена западноевропейскими ландшафтами (Австрия остается единственным относительно близким к Восточной Европе источником физико-географической иллюстрации).

Более того, будучи самыми первыми иллюстрациями в каждой главе, образы физико-географических ландшафтов задают определенную направленность «чтению» Европы. Едва ли можно считать простым совпадением, что самые первые иллюстрации в главах по Европе обычно представляют ее самые западные рубежи. Более того, эти самые первые изображения также группируются в определенном порядке, когда первая иллюстрация – более западная, чем последующая. Через исключение восточно-европейских ландшафтов и включение в определенной последовательно-

сти западно-европейских изображений («с запада на восток») студенты с самого начала получают определенное послание относительно происхождения Европы, ее основы, ее «естественного» начала и направления дальнейшего развития.

Вдобавок исключение восточно-европейских ландшафтов лишает регион возможности впечатлить студентов своей естественной красотой. Вместо этого нередко визуальное введение в Восточную Европу начинается с подчеркнутого выпячивания ее экологических проблем. Например, несколько учебников делают визуальный реверанс печально известному «Черному Треугольнику» в Чешской Республике: самый первый образ Восточной Европы в одном из учебников показывает школьницу с защитной маской на лице и лес, погибающий из-за кислотных дождей²⁵. Таким образом, регион четко ассоциируется с загрязнением, беззащитностью, потребностью в покровительственной опеке (Запада). А ведь на самом деле «Черный Треугольник» частично страдает именно из-за загрязнителей, перенесенных воздушными массами с того же самого Запада (вплоть до Великобритании и Франции). Пояснительный текст к данному изображению не упоминает этого важного факта (хотя он и присутствует в основном тексте).

Изображения физико-географических ландшафтов России выглядят значительно более разнообразными, чем восточно-европейских, и иначе вряд ли может быть хотя бы потому, что Россия – больше, и ей целиком посвящена отдельная глава, которую невозможно представить без иллюстраций естественных ландшафтов. Да и порядок выставления снимков не сводится к выше описанному «движению с запада на восток». В то же время и здесь наблюдается сходное стремление к предвзятости: редкий учебник обходится без визуального напоминания о загрязнении окружающей среды, пусть и связанного с (ушедшей) эпохой командной экономики. Да и сами выбранные иллюстрации природных пейзажей России в американских учебниках МРГ ни разу не показывают те ландшафты, которые сами рус-

²⁵ World Regional Geography... P. 260, 262.

ские считают выдающимися и особенно красивыми. Согласно популярному голосованию в рамках конкурса 2006 г., к Семи чудесам России россияне относят в том числе следующие физико-географические места: Долина Гейзеров на Камчатке, гора Эльбрус, столбы выветривания на плато Мань-пупу-нер (Коми), озеро Байкал (см. рис. 1)²⁶.

Рис. 1. Физико-географические ландшафты, победители конкурса «Семь чудес России»

(Источник: сайт www.ruschudo.ru; компиляция автора)

Из этого списка только озеро Байкал иногда визуально упоминается в учебниках МРГ, но, как правило, совершенно не в контексте его исключительной значимости и красоты, а загрязнения. Например, в одном из учебников мы видим снятое из космоса в грязно-коричневых тонах изображение озера Байкал, совершенно не дающее представление о его естественной красоте, но информирующее о том, что «индустриализация уничтожила качество воды после 1950 г., когда целлюлозно-бумажные производства выбрасывали свои отходы в озеро»²⁷. И само изображение, и объяснительный текст отличаются искажениями: объем воды в озере таков, что один ЦБК (функционировавший даже не с 1950-х гг.) не мог бы полностью уничтожить качество воды в данном водоеме. Другой учебник показывает корабль, тянущий связанные стволы деревьев на плаву; само озеро представлено только водной поверхностью в

²⁶ <http://www.ruschudo.ru>. В числе финалистов были также Кунгурская ледяная пещера, заповедник «Столбы» в Красноярском крае и другие.

²⁷ Globalization and Diversity... P. 263.

голубоватых тонах, что эмоционально более нейтрально, чем изображение в предыдущем учебнике, но и здесь шанс показать масштабную красоту озера проигнорирован: подпись сообщает о том, что «чистота глубоких вод озера Байкал была потеряна как результат работы промышленных предприятий на его берегах и вдоль рек, которые питают озеро»²⁸. В меньшей степени, но и это изображение можно критиковать за предвзятость. Пример более адекватного ландшафта озера и представления о его экологии представляет третий учебник: здесь действительно живописное изображение берегов озера сопровождается сообщением о том, что «уникальная пресноводная экосистема озера Байкал известна чистотой своих вод и уникальными видами животных. Недавние усилия по очистке стоков в озеро уменьшили угрозу загрязнения, возникшую вследствие промышленного развития Сибири»; с другой стороны, этот снимок соседствует с изображением загрязненной чернойбыльской деревни. Возникает вопрос, каким могло бы быть изображение Байкала без чернойбыльской экологической «нагрузкой»²⁹.

Замалчивая историю Восточной Европы

Хотя учебники МРГ не избегают полностью визуальных отсылок к истории до XX в., показывая, например, замок XII в. в Словении³⁰, старый центр Праги³¹, ганзейские приметы Гамбурга³² и «хорошо сохранившееся доиндустриальное ядро» Риги³³, они все являются в целом ландшафтами для туристов, пришельцев извне. Мне не удалось найти иллюстраций, указывающих на региональные восточно-европейские наднациональные (имперские) политические образования прошлого, такие, например, как Австро-Венгерская империя. В коллективном ви-

²⁸ Marston S. A., Knox P. L., Liverman D. M. Op. cit. P. 120.

²⁹ World Regional Geography... P. 321.

³⁰ Pulsipher L. M., Pulsipher A. A. Op. cit. P. 190.

³¹ World Regional Geography... P. 264.

³² Blij H. J. de, Muller P. O. Op. cit. P. 98.

³³ World Regional Geography... P. 276.

зуальном дискурсе учебников МРГ Советский Союз остается единственной наднациональной альтернативой Европейскому Союзу, облегчая на страницах учебников его «продвижение» на Восток. Конечно, нельзя ожидать глубокого погружения в историю в учебниках по географии, но ведь даже освещение событий недавнего прошлого характеризуется в них определенным налетом вестернизации.

По-видимому, общим местом должно быть знание, что ни Первая, ни Вторая мировая войны не начинались в Западной Европе, что центральной ареной и сражений, и геноцидов разного рода (включая геноцид евреев) была Европа Восточная. Однако визуальных отсылок к этому прошлому в учебниках не нашлось: все четыре обнаруженные иллюстрации периода Второй мировой войны заключены в главе о Европе (но не о России) и показывают разрушения в Германии и/или дают представление о том, что именно она была центром гуманитарной катастрофы.

Например, «Мировая региональная география» Пульсифера, вероятно, самый продуманный и инновационный учебник по визуальному ряду, удивительным образом иллюстрирует геноцид евреев через фотографию из лагеря Бухенвальда в Германии³⁴. Подпись к ней упоминает союзнические силы, которые Бухенвальд освобождали, и поясняет, что заключенными в лагере были «не евреи, а прежде всего те люди со всей Европы, которые сопротивлялись нацистскому доминированию, или представители этнических меньшинств, такие как цыгане»³⁵. Такое панъевропейское пояснение больше утаивает, чем раскрывает: ведь центром еврейства в Европе до войны и, следовательно, геноцида евреев во время ее были Восточная Европа, Украина и Беларусь. Поэтому самые зловещие лагеря смерти находились не в Германии, а в Польше, и их освобождала Красная Армия. Подпись к фотографии упоминает евреев, цы-

³⁴ Pulsipher L. M., Pulsipher A. A. Op. cit. P. 194.

³⁵ Ibid.

ган, борцов с нацизмом, но загадочным образом не упоминает коммунистов и славян, самое большое не-еврейское население лагерей смерти. Более того, центром сопротивления была скорее Восточная, а не Западная Европа. Непонятно, почему ни один из визуальных образов Второй мировой войны не упоминает, например, варшавское восстание в конце войны. Это замалчивание особенно символично в контексте почти полного визуального игнорирования тем о России в освещении Второй мировой войны. Единственное исключение – изображение мемориала Родина-Мать в Волгограде в учебнике Хоббса³⁶. Из этого можно сделать вывод, что американские студенты получают послание, будто Вторая мировая война задела исключительно Германию, в ней происходила и освобождалась союзниками. Но ведь в абсолютных значениях самые большие потери мирного населения понесла Польша и СССР; да и в относительных значениях (процент общих потерь от общего населения) Германию обходят Латвия, Литва, Польша и СССР³⁷. Нет необходимости соревноваться в жертвах, тем не менее учебники МРГ могли бы быть более продуманными и географически нюансированными в своем визуальном ряде, объясняющем величайшую европейскую трагедию XX века.

Эта «вестернизация» Второй мировой войны, сдвиг в сторону Германии помогает замалчивать вклад СССР в освобождение Европы и дает предвзятое представление о том, что различные проблемы Восточной Европы являются наследием исключительно коммунистического периода. Например, городские образы Восточной Европы в учебниках МРГ в целом имеют тенденцию к фокусированию на различных аспектах коммунистического периода и игнорированию альтернативных исторических влияний и региональных особенностей. Мне не удалось найти какие-либо визуальные отсылки к знакам суверенности восточно-европейс-

³⁶ Hobbs J. Op. cit.

³⁷ World War II deaths // Wikipedia. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Image:WorldWarII-DeathsByCountry-Barchart.png> (по состоянию на 9 апр. 2008).

ких государств (правительственные здания, национальные монументы, парламенты, за исключением исторического здания Рейхстага в Берлине). Американские студенты могут подумать, что восточно-европейские страны не имеют своих национальных государств и историй, что падение коммунистических режимов создало политический вакуум, который надо заполнить экспансией Европейского союза. Идея Восточной Европы как территории не вполне суверенных государств, а скорее политической периферии Европейского союза усиливается через визуальные отсылки к разного рода барьерам и разделителям (таким, как инфраструктура «железного занавеса»), наднациональным границам и контрольно-пропускным пунктам Восточной Европы. Например, в одном учебнике из десяти картинок Восточной Европы четыре относятся к различным разделителям, таким как колючая проволока «железного занавеса» и Берлинская стена³⁸. Однако Восточная Европа является не только пределом Европы, но одновременно и мостом к более восточным соседям. Тем не менее визуальные метафоры объединения, а не раскола, в учебниках не задействованы.

Конечно, советский период оказал огромное воздействие на регион, однако тенденция учебников МРГ подчеркивать исключительно «пагубные» измерения коммунистического доминирования и игнорировать положительное наследие выглядит как обеднение недавней истории. Эта тенденция не помогает объяснить некоторые преимущества, присущие региону, такие как образованное население и географическая близость одновременно и к Западной Европе, и к развивающейся, богатой ресурсами, независимой России. Несмотря на то что Восточная Европа является новым рыночным горизонтом для экспансии западного капитализма и экономически растет быстрее, чем более установившиеся и стагнирующие западные части Европы, иллюстрации учебников МРГ показывают

³⁸ Например, учебник L. Martin, L. Rowntree, M. Price, W. Wychoff содержит следующие изображения: изгородь из колючей проволоки времен «холодной войны» (р. 248), две фотографии Берлинской стены (р. 249) и пропускной пункт на границе Чешской Республики и Германии (р. 256).

преимущественно отсталые ландшафты и первичную экономическую деятельность: сельское хозяйство, сонные деревни, индустриальный упадок. Визуальные отсылки к продвинутой экономической деятельности (например, скоростные поезда и башни офисных зданий), как правило, привязаны к западно-европейским ландшафтам.

Как и в случае с природными ландшафтами, изображения символов и ландшафтов национальной идентичности и государственной суверенности в главах о России представлены лучше, чем в случае с разделами Восточной Европы. Но и здесь можно отметить определенные перекосы. Например, изображения Москвы чаще делают визуальные отсылки к ее экономической (хаотичной) мощи, чем к ее роли политического центра; в учебниках присутствуют изображения разрушенного Грозного в большей степени, чем столицы страны; Санкт-Петербург всегда подается как визуально красивый город, тогда как для Москвы часто выбираются изображения жилых периферийных районов, и т. д. Только в двух учебниках из семи представлены виды Красной площади, и ни в одном не показан Кремль как таковой или его Соборная площадь с самыми главными исторически соборами. Вообще, в рассматриваемых учебниках государствообразующий период Московской Руси не находит должного визуального выражения. Частые изображения Покровского собора (храм Василия Блаженного на Красной площади) являются скорее примером тенденции к экзотификации, чем попыткой визуализировать существенные характеристики русской цивилизации.

Человеческая (без)деятельность

Даже если не все учебники показывают человеческую деятельность, акцентируя вместо этого внимание на ландшафтах без присутствия людей, стоит рассмотреть примеры обратного. Как уже упоминалось, образы ландшафтов Восточной Европы из учебников МРГ показывают ее как отсталую периферию; образы сонных деревень и неактивных индуст-

риальных комплексов преобладают как типичные. Можно утверждать, что похожая тенденция представления восточноевропейцев как нуждающихся в покровительственной защите наблюдается и в иллюстрациях, на которых изображены люди и их деятельность.

Учебники МРГ имеют тенденцию к феминизации и состариванию Восточной Европы и России через предпочтение образам женщин, особенно менее защищенным очень молодым девушкам и/или пожилым (*babushka*). Например, один учебник приводит только два изображения восточноевропейцев: просящая подаяние цыганка с детьми в Польше и старая женщина на руинах своего дома в Сараево³⁹. Экологическая топики для Чешской Республики иллюстрируется фотографией школьницы в маске⁴⁰, для Эстонии – изображением серого снега, выпадающего вблизи цементного завода со старой женщиной рядом с велосипедом на переднем плане⁴¹.

Редкие изображения мужчин также подразумевают определенную хрупкость: в одном из учебников единственным портретом восточноевропейца является фотография старика (характерно, что он – косовский албанец в Приштине и соскребает знак, написанный на сербском языке)⁴². Учебник Пульсиферов выглядит как самый насыщенный и продуманный в своей визуальной программе показа человеческой жизни, но часто скорее следует указанному тренду, чем сопротивляется ему. Например, глава, посвященная Европе, неожиданно открывается портретом мужчины из Восточной Европы в Ирландии, но он оказывается безработным, ищущим заработок на Западе⁴³. Другой образ является совсем редким – физически сильный молодой мужчина из Польши. Но и он оказывается не успешным предпринимателем или бизнесменом, а, что характерно, сантехником во Франции: здесь двойная репрезентация, поскольку это образ образа – молодой человек позирует на плакате,

³⁹ Hobbs J. Op. cit. P. 87, 88.

⁴⁰ World Regional Geography... P. 260.

⁴¹ Pulsipher L. M., Pulsipher A. A. Op. cit. P. 236.

⁴² Globalization and Diversity... P. 240.

⁴³ Pulsipher L. M., Pulsipher A. A. Op. cit. P. 184.

нацеленном на разрушение анти-иммиграционных настроений в Западной Европе ⁴⁴. Данный учебник, похоже, является единственным из рассмотренных, который показывает уверенных в себе и самодостаточных восточноевропейцев. Но и здесь присутствует неявный географический тренд. Если исключить изображения туристов, то изображение самых счастливых людей относится к жителям западных краев Восточной Европы и бывшей Восточной Германии (расслабленный турок-иммигрант, играющий с футбольным мячом в берлинском парке ⁴⁵ и улыбающаяся женщина-предприниматель у рыночного стенда в Словении) ⁴⁶. Таким образом, чем восточнее локализация иллюстрации, тем больше шансов, что образы людей будут выглядеть проблемными (например, уже упомянутая женщина в загрязненном месте в Эстонии ⁴⁷ или изображение мужчины, работающего на фабрике пианино в той же Эстонии – фабрика почти обанкротилась и теперь работает на западный рынок ⁴⁸).

Для глав о России характерны аналогичные тенденции: в отличие от учебников времен «холодной войны» (см. ниже), трудно найти изображения мужчин, которые бы визуально подавались как личности (например, через портретную фокусировку на лице, возможности контакта глазами, через исключение актуализации профессиональной характеристики изображаемого). Такими представлены либо женщины, либо представители нерусских окраин России. Например, в учебнике Раунтри глава о России открывается изображением повернутых к читателям мужчин, а портретные изображения людей ограничены фотографией украинской певицы Русланы и старого бурята ⁴⁹. Ни одного изображения уверенного в себе, самодостаточного, одухотворенного мужского русского лица на страницах рассматриваемых учебников найти не удалось – прямая противоположность тому, как воображает себя сама Россия, если судить, на-

⁴⁴ Pulsipher L. M., Pulsipher A. A. Op. cit. P. 210.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. P. 239.

⁴⁷ Ibid. P. 236.

⁴⁸ Ibid. P. 202.

⁴⁹ Globalization and Diversity...

пример, по знаменитой картине самого популярного современного русского художника Ильи Глазунова «Вечная Россия».

Другое «Другое»: альтернативные визуализации Восточной Европы и России

Мой анализ показывает, что идентифицированные тропы показа Восточной Европы и отчасти России (такие как исключение физико-географических ландшафтов, умолчание местной суверенной истории и/или участие в европейской истории; нестабильность человеческого существования и отсталость) являются примерами предвзятости в репрезентации региона. Едва ли эта предвзятость является осмысленной политикой, скорее она отражает влияние на авторов западных массмедиа, как и в случае с репрезентациями Африки, которые анализировал Мейерс⁵⁰. Вдобавок авторы могли быть мотивированы логикой издательского бизнеса, где иллюстрации являются не только формой объяснения, но и маркетинговым средством. Не всегда иллюстрации отбирают сами авторы, нередко они приходят из ограниченного набора, содержащегося в доступных издателям фотобанках.

Более того, я не утверждаю, что полностью непредвзятые репрезентации возможны в принципе: сама данная статья является в определенном смысле предвзятой, ибо из множества различных тропов фокусируется на геополитических, например, тех, что имеют отношение к важнейшему для Европы процессу экспансии Евросоюза на восток. Поэтому далее я попробую пойти дальше рассмотрения «вещей в себе» (тропах) и сфокусироваться в большей степени на сравнениях и контрастах в репрезентациях одного и того же, но либо в разных регионах, либо в разных изданиях учебников. Подобные контрастные сравнения могут быть дополнительным средством показа предвзятостей в репрезентациях.

Для начала можно посмотреть, как сходные топики показываются по-разному для восточной и западной частей Европы. Хороший суммарный пример различных предвзятостей, умолчаний и манипуляций в репрезентациях Восточной Европы в

⁵⁰ Myers G. A. Op. cit.

учебниках МРГ представляет один из учебников своей иллюстрацией, озаглавленной «Европа: городские ландшафты»⁵¹. Она имеет две контрастные части (рис. 2, 1–2): левая фотография показывает оживленную пешеходную улицу в центральной торговой части Плимута (Великобритания), тогда как правая картинка представляет собой взгляд с высоты птичьего полета на 38-этажное здание-монстр бывшего коммунистического Дворца культуры в Варшаве. Мы видим играющих детей и расслабленно общающихся взрослых на левом снимке и отсутствие людей, только хаотичные коробки (уличных киосков?) вокруг Дворца. Для американских студентов магазины Плимута могут выглядеть несколько скромными и архитектурно скучными, но подпись поясняет, что торговый район Плимута был вновь выстроен после бомбардировок Второй мировой войны. Никакого подобного объяснения для Варшавы с ее коммунистическим Дворцом и стандартными жилыми комплексами на заднем фоне не приводится, несмотря на то что город был сильно разрушен во время войны (не только или столько дистанционными авиаударами, как в случае Плимута, но уличными сражениями и варварским методичным уничтожением фашистами в отместку за варшавское восстание); в 1950-е гг. Советский Союз предоставил средства для постройки Дворца как подарка разрушенному городу. Выбранная фотография Дворца выглядит монотонно серой и неуважительно «обрезает» его шпиль (нет ли тут предмета для психоанализа?); снимок тесно обрезан по краям и исключает показ городского ландшафта в целом. И в этом насильственном фокусировании на коммунистическом монументе определено есть предвзятость: в центре Варшавы в наши дни, как грибы, растут высотные офисные здания (визуальный символ новой посткоммунистической экономической эпохи с ее транснациональными финансовыми потоками, предпринимательством и потребительством), делая Дворец всего лишь одной из архитектурных доминант города. Таким визуальным образом многослой-

⁵¹ См. изображение 2.10 в: Essentials of World Regional Geography. P. 49.